

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2021 № 10

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Р.Г. Ланда (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США),
С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2021 № 10

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), R.G. Landa (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA),
T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Дейч Т.Л. Усов В.А. Китай и Индия в Африке в постковидную эру	5
Брагина Е.А. Индия-2021: средний класс в условиях пандемии	14
Гордеева И.В. Стратегия наступления Вашингтона и Токио в АТР	22
Панцеров К. А. (Санкт-Петербург). Существующие практики и риски злонамеренного использования искусственного интеллекта в странах Африки к югу от Сахары	31
<i>Энергетика: сегодня и завтра</i>	
Баринов А.К., Шарова А.Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (электроэнергетика Восточной Африки)	38
<i>Ислам, исламизм и экстремизм</i>	
Жерлицына Н.А. Перспективы глобального джихадизма в Юго-Восточной Азии	46

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

Кравцов К.С. (Санкт-Петербург). Торгово-экономические отношения КНР с Алжиром, Марокко и Мавританией в XXI веке	55
--	-----------

ТРАДИЦИИ, НРАВЫ, ОБЫЧАИ

Альбедиль М.Ф. (Санкт-Петербург). Народ, у которого не бывает вдов	65
---	-----------

КУЛЬТУРА ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Прохогина С.В. «Печаль моя светла...» (заметки о тунисском поэте Тахаре Бекри)	73
---	-----------

РЕЦЕНЗИИ

Петров Н.И. Африканисты об Африке - с уважением и любовью (к выходу Альманаха, посвященного 60-летию кафедры африканистики ИСАА МГУ)	77
---	-----------

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2021

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7 495-697-94-50**
Тел./факс: **+7 495-691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Tatiana L. Deych, Vyacheslav A. Usov.** China and India In Africa in post-COVID-19 era **5**
- Elena A. Bragina.** India-2021: Middle class in pandemic conditions **14**
- Irina V. Gordeeva.** New offensive strategy of Washington and Tokyo in the APR **22**
- Konstantin A. Pantserov** (St. Petersburg). Existing practice and risks of malicious use of artificial intelligence in Sub-Saharan Africa **31**
- Energetics: today and tomorrow*
- Andrey K. Barinov, Anna Yu. Sharova.** Infrastructure development in Africa (East African electricity sector) **38**
- Islam, Islamism and extremism*
- Natalia A. Zherlitsyna.** Prospects for global jihadism in Southeast Asia **46**

POST-GRADUATE COLUMN

- Kirill S. Kravtsov** (St. Petersburg). China's trade and economic relations with Algeria, Morocco, and Mauritania in the 21st century **55**

TRADITIONS, MORALS, CUSTOMS

- Margarita F. Albedil.** (St. Petersburg). People who never have widows **65**

CULTURE, LITERATURE, ART

- Svetlana V. Prozhogina.** «Et ma tristesse est claire...» (les notes sur l'œuvre du poète tunisien Tahar Bekri) **73**

BOOK REVIEW

- Nikolay I. Petrov.** Africanists about Africa - with respect and love (to the release of the Almanac dedicated to the 60th anniversary of Department of African Studies, Moscow State University) **77**

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2021

The authors opinions may not coincide with position of the editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 495-697-94-50
Tel./Fax: +7 495-691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

Китай и Индия в Африке в постковидную эру

© Дейч Т.Л.^a, Усов В.А.^{a,b}, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0001-6745-9586; tdeich@yandex.ru

^b ORCID ID: 0000-0002-6698-3586; usovva@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается участие Китая и Индии в борьбе с *COVID-19* и его негативными последствиями для Африки. Как показал анализ проблемы, сотрудничество с двумя быстро развивающимися азиатскими странами сыграло важную роль в экономическом росте стран континента в 2000-е гг. Однако пандемия *COVID-19* нанесла серьезный ущерб африканской экономике. Ухудшение экономического положения африканских стран обернулось для населения резким ростом обнищания. За 2020 год Африка утратила и без того скромные достижения в области снижения уровня крайней бедности, которых она смогла добиться ранее.

В сложившейся в результате пандемии кризисной ситуации на континенте растущую актуальность для Африки приобретает международная помощь, важнейший элемент которой - проверенное временем сотрудничество с Китаем и Индией. Однако, несмотря на реальные достижения в сотрудничестве этих стран с Африкой и обещания, данные руководством Пекина и Дели, пандемия достаточно четко обозначила проблемы в отношениях африканских стран, как с Китаем, так и с Индией.

Эти проблемы стали следствием объективных и субъективных факторов, а также наследием копившихся годами проблем, которые пандемия дополнительно обострила. Африканцы приветствуют экономическое сотрудничество с азиатскими державами. Однако возрастающая готовность Индии к взаимодействию со странами Запада на антикитайской основе усиливает риски использования ее, в т.ч. в Африке, для противостояния Пекину.

Ключевые слова: Африка, Китай, Индия, *COVID-19*, вакцинация, торговля, помощь, развитие

Для цитирования: Дейч Т.Л., Усов В.А. Китай и Индия в Африке в постковидную эру. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750016838-3

China and India in Africa in Post-COVID-19 era

© Tatiana L. Deych^a, Vyacheslav A. Usov^{a,b}, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Russian Institute for Strategic Studies, Moscow, Russia

^a ORCID ID: 0000-0001-6745-9586; tdeich@yandex.ru

^b ORCID ID: 0000-0002-6698-3586; usovva@mail.ru

Abstract. The article examines the impact of the coronavirus pandemic on Africa and the involvement of China and India in the fight against COVID-19 and its negative consequences for Africans health and the African economy.

The authors analyze various aspects of China's and India's interaction with African countries and estimate pros and cons of Chinese - African and Indian - African cooperation and their results for African countries. Cooperation with the two growing Asian countries - China and India - played an important role in economic growth of Africa in 2000s. The COVID-19 pandemic has damaged not only the health of the African population, but also the African economy.

The deterioration of the economic situation in African countries has resulted in a sharp increase in impoverishment for the population. In 2020 Africa has lost its modest achievements in reducing extreme poverty which it could succeed before. In context of the current pneumonia crisis on the continent international assistance is becoming increasingly relevant for Africa. The most important element of this assistance is the time-tested cooperation with China and India. However, despite the real achievements of China and India and the promises made by the leaders of both countries, the coronavirus pandemic has clearly identified problems in the relations of African countries, both with China and with India.

These problems are the result of objective and subjective factors, as well as the legacy of accumulated problems over the years, which the pandemic has further exacerbated. Africans welcome economic cooperation with Asian powers. However, India's increasing willingness to engage with Western countries on an anti-Chinese basis increases the risks of using it in Africa, to confront Beijing.

Keywords: Africa, China, India, COVID-19, vaccination. cooperation, trade, aid, development

For citation: Tatiana L. Deych, Vyacheslav A. Usov. China and India in Africa in post-COVID-19 era. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 5-13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016838-3

ВВЕДЕНИЕ

COVID-19 пришел в Африку в момент, когда она имела достаточно хорошие перспективы развития. Средний рост африканских стран составил в 2019 г. 2,9%, в начале 2020 г. - 3,2%, а на 2021 г. прогнозировался в 3,5%. На континенте сокращалась бедность, развивались технологии и инновации. Заключенное на Чрезвычайном саммите Ассамблеи Африканского Союза (АС) 21 марта 2018 г. в Кигали (Руанда) и вступившее в силу 30 мая 2019 года Соглашение между 54 странами-членами АС о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли (*AfCFTA*) позволяло надеяться на рост межафриканской торговли на 25% к 2040 г. Могли рассчитывать африканские страны и на увеличение притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Важную роль в экономическом росте Африки сыграло ее сотрудничество с Китаем и Индией. При содействии Китая были построены более 6 тыс. км железных и шоссейных дорог, 20 портов и свыше 80 промышленных предприятий. Китайские компании завершили или были заняты в строительных проектах, призванных модернизировать около 30 тыс. км. шоссейных дорог, 2 тыс. км железных дорог, создать 20 тыс. МВт генерирующей мощности и более 30 тыс. км линий электропередач. Около 30% роста производства электроэнергии в Африке к югу от Сахары обязаны Китаю, который ежегодно предоставлял ей на эти цели \$5,1 млрд [1].

В последние годы китайское руководство говорило о стратегическом партнерстве Китая с Африкой. Выступая 17 июня 2020 г. на Чрезвычайном саммите Китай-Африка по солидарности в борьбе с пандемией *COVID-19*, Си Цзиньпин напомнил, что на последнем саммите Форума китайско-африканского сотрудничества (*FOCAC*) в Пекине в 2018 г. было достигнуто единство мнений относительно создания сообщества единой судьбы Китая и Африки, и призвал подкрепить реальными действиями обещания, данные в Пекине, и обеспечить продвижение международного сотрудничества в борьбе с пандемией [2].

Премьер-министр Индии Н.Моди как оппонент бывшей правящей партии Индийский национальный конгресс (ИНК) хотя бы на уровне риторики продолжил в отношении Африки политику предшественников. Высшие руководители страны не устали повторять, что Индия и Африка связаны историческими узами, общим наследием борьбы против колониализма и апартеида и совместным участием в Движении неприсоединения.

О первых случаях *COVID-19* на континенте сообщалось в феврале 2020 г. В мае заболевшие были уже во всех 54 странах Африки. АС провозгласил стратегию совместной борьбы с пандемией стран континента. 25 марта 2020 г. Генсек ООН объявил Глобальный гуманитарный план финансирования этой борьбы в сумме \$2 млрд для помощи наиболее нуждающимся странам, в основном - африканским. В мае 2020 г. план был изменен: теперь речь шла о \$6,7 млрд, которые должны быть предоставлены более широкому кругу стран. В заявлении Генсека говорилось: «Позитивный ответ международного сообщества и его способность обеспечить гуманитарный ответ ООН на *COVID-19* станет частью успешной борьбы с пандемией в Африке» [3, р. 24.]. Китай и Индия откликнулись на этот призыв и вступили в борьбу с *COVID-19* на Африканском континенте.

КИТАЙ И ИНДИЯ В БОРЬБЕ С *COVID-19* В АФРИКЕ

На 75-й сессии ГА ООН в сентябре 2020 г. председатель Си Цзиньпин объявил, что Китай предоставит \$50 млн в рамках Глобального гуманитарного плана ООН ответа на *COVID-19* и 50 млн - Трастовому фонду Китай-ФАО сотрудничества Юг-Юг [4]. ООН назвала в числе сфер африканской экономики, особенно нуждающихся в помощи, здравоохранение, продовольствие и инфраструктуру (порты, железные и шоссейные дороги, аэропорты, электросети). Китай ускорил реализацию соглашения с Африканским Союзом о строительстве в Аддис-Абебе Штаб-квартиры центров профилактики и контроля за заболеваниями (*CDC*). В декабре 2020 г. в Эфиопии состоялась церемония закладки фундамента здания [5].

В 2020 г. в условиях пандемии Пекин вызвался помочь китайским предприятиям вернуться в Африку и восстановить производство, чтобы вдохнуть новую энергию в инициативу «Один пояс - один путь» (ОПОП), работать вместе с африканцами в строительстве промышленных парков и СЭЗ, наращивать торговлю и инвестиции, развивать цифровую экономику, строить удобные города. Уже в первые четыре месяца 2020 г. китайские предприятия инвестировали \$4,2 млрд в 52 страны - участницы инициативы, а общий объем китайских ПИИ странам, вовлеченным в проект, в 2020 г. должен был превысить \$25 млрд, вдвое больше, чем в 2014 г. [6]. Выросло и внимание китайских компаний, реализующих проекты в Африке, к проблеме занятости африканцев. По данным Гонконгского университета науки и технологий, на

2021 г. африканские рабочие составили 85% рабочей силы китайских компаний в Африке. Так, в Эфиопии 90%, а в Анголе 74% рабочих в китайских компаниях - африканцы¹.

Индия также пришла на помощь Африке, направив в страны континента врачей и фармацевтов, а также проведя виртуальные саммиты с лидерами африканских стран, где обсуждался совместный ответ на вызовы пандемии. В период продовольственного кризиса на Африканском Роге Индия создала новый фонд для Африки и предоставила гуманитарную помощь пострадавшим странам. Была начата реализация программы борьбы с COVID-19 в сельских районах Африки. В начале пандемии Индия предоставила продовольствие и 150 т медикаментов 25 пострадавшим от пандемии странам региона. В рамках индийской Программы технического и экономического сотрудничества (ITEC) были организованы онлайн-консультации для африканских медицинских работников по предотвращению и лечению COVID-19 [7].

ВКЛАД ПЕКИНА И ДЕЛИ В ВАКЦИНАЦИЮ АФРИКАНЦЕВ

Эрик Оландер - сооснователь и руководитель независимой медийной инициативы, занимающейся вовлеченностью Китая в Африку, - *China-Africa Project*, назвал вакцинацию одной из самых серьезных проблем китайско-африканских отношений в 2021 г. [8]. На Чрезвычайном саммите «Китай-Африка» по солидарности в борьбе с COVID-19 в Пекине Си Цзиньпин заявил, что, как только китайская вакцина будет запущена в производство, африканцы смогут получить ее в числе первых. Пекин создал воздушный мост из Шэньчжэня в распределительный хаб в Аддис-Абебе, а также производственные мощности в Каире. В канун визита в Африку министра иностранных дел КНР Ван И в январе 2021 г. одной из первых стран континента, получивших 50 тыс. доз китайской вакцины Синофарм стали Сейшельские острова. А 15 февраля этого года 20 тыс. доз получило Зимбабве [9]. Китайская вакцина стала направляться и в другие страны Африки. В январе 2021 г. сообщалось о начале прививок китайской вакциной населения Мавритании, Марокко, Египта и Гвинеи.

Говоря о мотивах Пекина, помогающего африканским странам справиться с пандемией с помощью вакцинации, китайский специалист по здравоохранению Совета по международным делам назвал в их числе: 1) улучшить имидж Китая; 2) расширить китайскую долю на международном рынке вакцин; 3) использовать вакцинацию как стратегическое оружие, в особенности в странах, представляющих для Китая особый интерес. При этом он добавил к сказанному, что без вакцинирования Китая будет трудно убедить африканцев в том, что он делит «горе и радость со своими африканскими братьями» [9].

По мере разработки вакцин от коронавируса у Индии с ее мощной фармацевтической базой появился новый шанс укрепить позиции в Африке. В начале 2021 г. Индия выступила с собственной инициативой *Vaccine Maitri* (Вакцина дружбы) и начала поставки произведенных в Индии вакцин (собственной *Covaxin* и *Covishield* - производной от англо-шведской *Astra Zeneca*) по всему миру. Страны Африки стали вторыми (после соседей Индии по региону Южной Азии) получателями индийских вакцин. Согласно информации индийского МИД, 42 африканских государства получили, в общей сложности, 24,7 млн доз этих вакцин в виде грантов, на коммерческой основе, а также по линии COVAX - Глобального механизма по обеспечению доступности вакцин против COVID-19, созданного при поддержке ВОЗ [10].

«Вакцинная дипломатия» Индии приобрела еще больший вес после саммита Четырехстороннего диалога по безопасности (*Quad*) в составе США, Австралии, Индии и Японии в марте 2021 г. В рамках этого мероприятия при виртуальном участии лидеров четырех стран была достигнута договоренность о формировании партнерства по вакцинам (*Quad's Vax Patnership*) и начале их масштабного производства на индийской производственной базе². До конца 2022 г. планируется произвести 1 млрд доз. Одной из неназванных, но очевидных целей инициативы стран «четверки», стало противодействие успехам КНР по снабжению развивающихся стран, в т.ч. Африки, китайскими вакцинами. Однако резкий рост заболеваемости COVID-19 в Индии весной 2021 г. заставил власти уже в марте прекратить поставки вакцин за рубеж. Это вызвало кризис в системе вакцинации многих африканских государств, для которых поставки индийских вакцин по линии COVAX были основными.

¹ Chinese companies using majority of African workers in Africa. *China Daily*. 08.04.2021. <https://chinadaily.com.cn> (accessed 26.07.2021)

² Fact Sheet: Quad Summit. The White House. 12.03.2021. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/fact-sheet-quad-summit> (accessed 09.06.2021)

ТОРГОВЛЯ И ИНВЕСТИЦИИ

Товарооборот Африки с Китаем - ее главным торговым партнером - рос, в среднем, на 20% в год; в 2019 г. согласно данным Генеральной администрации китайской таможни, он увеличился на 22%, составив \$208,7 млрд. При этом китайский импорт из Африки упал на 3,8% - до \$95,5 млрд, а экспорт Китая в Африку вырос на 7,9%, составив \$113,2 млрд [11].

Как заметил эксперт в области развивающихся рынков фирмы *Capital Economics* в Лондоне Джон Эшборн, Китай получает преимущества в регионе, заполняя его своим дешевым экспортом, тогда как экспортеры сырья несут ущерб. Фактором, негативно повлиявшим на китайско-африканскую торговлю, эксперт назвал торговую войну США с Китаем. «Такие страны, как Ангола, зависимые от экспорта нефти, чувствовали бы себя лучше, если бы не разразилась торговая война, - сказал он. - Пострадала богатая металлами и минералами Южная Африка, а также Замбия - главный производитель меди и кобальта, спрос на которые со стороны Китая в 2019 г. упал». Чарльз Робертсон, главный экономист фирмы «Ренессанс капитал», назвал в числе стран, которые меньше затронула эта ситуация, Кению, чей экспорт чая и кофе оказался к ней менее чувствителен [11].

По прогнозам, «аппетит» Китая к африканским ресурсам вырастет в 2021 г., но не так значительно, как бы того хотели поставщики. Оживление китайской экономики будет способствовать росту торговли с Африкой, но она вряд ли превысит уровень 2019 г. Дело в том, что Китай принимает меры по диверсификации источников ресурсов, чтобы снизить зависимость от африканского сырья, наращивая импорт нефти из стран Персидского залива, США, России. Исключение составят стратегические материалы, к примеру, кобальт, которым располагает Конго. В то же время китайский экспорт в Африку продолжает расти [8].

В последние месяцы 2020 г. в китайских СМИ стала муссироваться возможность связать инициативу «Один пояс - один путь» с соглашением о создании континентальной Зоны свободной торговли (*AfCFTA*). Эта идея нашла поддержку у ряда китайских политиков. Так, Чан Хао, официальный представитель Национальной комиссии развития и реформ (*NDRC*) заявил на китайско-африканском «мозговом» форуме в декабре 2020 г. о возможности интеграции двух многонациональных торговых режимов [12]. 1 января 2021 г. вступило в силу соглашение КНР с Маврикием, подписанное в октябре 2019 г., - первое китайское соглашение о зоне свободной торговли с африканской страной, которое Китай намерен использовать как модель соглашений с другими африканскими странами [5].

Приоритетом в этой связи станет дальнейшая интеграция Африки в инициативу «Один пояс - один путь». Финансируя инфраструктуру ОПОП, Пекин планирует беспощадно продвигать китайские товары потребителям в государствах-членах проекта через африканские страны благодаря *AfCFTA*; при этом сам он рассчитывает играть в этой схеме центральную роль, обеспечивая логистику, технологии и установленные стандарты.

Важную роль для африканской экономики сыграли китайские инвестиции. Согласно ЮНКТАД, за 2018 г., Китай в 2016 г. стал четвертым инвестором в Африку. Он ненамного отстал от США, Великобритании и Франции. По некоторым данным, объем накопленных китайских инвестиций в Африке составил более \$100 млрд. Основное направление инвестиций - проекты развития, прежде всего, инфраструктура. Согласно *Aid Data Project*, Китай финансировал более 3 тыс. инфраструктурных проектов. Это совпадает с чаяниями африканцев, уделивших важное место данной проблеме в «Повестке 2063», «Программе инфраструктурного развития Африки (*PIDA*)» и «Президентской инфраструктурной инициативе» (*«Presidential Infrastructure Championing Initiative»*), и отвечает планам самого Китая, центральное место в которых отводится ОПОП. В соответствии с «Китайско-африканским планом действий в железнодорожном сотрудничестве (2016-2020 гг.)». Пекин финансировал строительство железных дорог в Нигерии, Эфиопии, Джибути, Кении, Анголе.

Китайские компании инвестируют в строительство и модернизацию африканских аэропортов, улучшение авиационной инфраструктуры. Уделяется внимание морскому транспорту: расширяются линии морской связи, модернизируются морские порты.

Особое внимание уделяет Китай созданию в Африке промышленной базы. На китайские инвестиции и с помощью китайских специалистов, а также основываясь на опыте Китая в создании Свободных экономических зон (СЭЗ), на континенте создано более 20 экономических зон и промышленных парков, и планируется открыть еще 10. Действует угандийско-китайский промышленный парк, в основу которого положено развитие зеленой экономики. Инвестировала в развитие парка \$620 млн Энергетическая группа Гуанчжоу. Функционирует СЭЗ Огун-Гуандун в Нигерии, где заняты 26 китайских компаний и 5 тыс местных работ-

ников. Инвестиции в зону составили \$234 млн. В Руанде действует СЭЗ вблизи Кигали, где работают китайские фабрики. Китай вложил \$148 млн в промышленный парк в 80 км к юго-востоку от Аддис-Абебы³.

Важное место в сотрудничестве с Африкой Пекин отводит решению энергетических проблем стран континента. 43% китайских инвестиций в африканскую инфраструктуру приходится на электроэнергетику.

Подтверждением верности курса индийских властей на развитие отношений с Африкой многие годы считались показатели торговли и инвестиций. В последние годы Индия стала 3-м по значимости (уступая только Китаю и США) торговым партнером Африки и 7-м (после США, Великобритании, Франции, Китая, Малайзии и Бразилии) по размерам инвестиций [13]. По итогам 2019 г. объем двусторонней торговли достиг примерно \$65 млрд⁴. С одной стороны, этот показатель демонстрирует достаточно успешную адаптацию экономик Индии и стран Африки после падения объемов торговли в предшествующие несколько лет из-за снижения цен на сырье. Однако на 3-м форуме-саммите «Индия-Африка» (1-й саммит состоялся в 2008 г. в Нью-Дели, 2-й прошел в 2011 г. в Эфиопии), проведенном в октябре 2015 г. в Нью-Дели, звучали обещания к 2020 г. довести ежегодный объем индийско-африканской торговли до \$100 млрд, а в 2017 г. представители делового сообщества Индии планировали к 2021 г. увеличить его до \$117 млрд [14].

Ощутимый удар по торгово-экономическим отношениям Индии с Африкой, без сомнения, нанесла пандемия *COVID-19*. При этом на Африку и до нее приходилось лишь около 8% индийского товарооборота, а также сохранялась, по сути, колониальная структура торговли. Из Африки в Индию поступали сырьевые товары, прежде всего углеводороды (до 75%), из Индии в Африку - продукция машиностроения, фармацевтики, телекоммуникационные технологии.

Не все просто и с индийскими инвестициями в Африку. Даже если принять индийские методики подсчета, позволяющие Индии считаться одним из основных инвесторов в страны континента, значительная часть этих инвестиций до последнего времени направлялась лишь в 5 государств Африки (Маврикий, Мозамбик, Судан, Египет и ЮАР). На разрекламированную сферу ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) приходилось только 11%, а на добычу нефти, газа и угля - около 40%.

Положение дел в двусторонних торгово-экономических отношениях не устраивает африканские страны. Их интересам отвечает, с одной стороны, расширение экспорта в Индию, а с другой - перенесение на континент индийских производств, в первую очередь, фармацевтических препаратов и продукции машиностроения. Однако насколько это увязано с планами индийских властей по развитию собственной промышленной базы, воплощенными в программах «Делай в Индии» (*Make in India*) (подробнее см.: [19]) и «Самодостаточная Индия» (*Atma Nirbhar Bharat*), остается под вопросом.

Развитие экономического сотрудничества со странами Африки индийцы также рассматривают в контексте стремления Индии к созданию собственной глобальной цепочки создания стоимости (*value chain*). Эта идея начала набирать популярность на фоне роста индийских политических и экономических амбиций и активизировалась по мере обострения отношений с Китаем. В первую очередь, она связывается с планами переноса в Индию из Китая западных и японских производств. Нью-Дели явно видит себя будущим мировым промышленным и экономическим центром, способным бросить вызов КНР в борьбе за лидерство в Азии и Африке.

ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ АФРИКИ

По данным Китайско-африканской исследовательской инициативы школы Джона Хопкинса (*SAIS-CARI*), с 2000 по 2019 гг. китайские финансовые организации подписали 1 141 соглашение с африканскими правительствами и государственными предприятиями стран Африки о займах на общую сумму \$153 млрд [16]. Последние 20 лет Пекин действовал как ключевой источник финансирования целей развития стран континента, помогая им преодолеть инфраструктурный дефицит. Согласно *Global Data*, на 2019 г. Китай был занят в 242 энергетических проектах в Африке. Финансирование инфраструктурных проектов, в т.ч. в электроэнергетике, осуществляют, в основном, Китайский Эксимбанк (*China Eximbank*) (67%) и Китайский банк развития (*China Development Bank*) (13%) [17].

³ China Focus: Overseas parks boost China-Africa industrial Cooperation. *Xinhuanet*. 2018. <https://www.xinhuanet.com/english/2018-06/14/c.137243623> (accessed 10.08.2018)

⁴ Кадомцев А. Африка между Западом и Востоком. *Международная жизнь*. 23.09.2020. <https://interaffairs.ru/news/show/27539> (accessed 04.06.2021)

China Development Bank, оказавший с 2006 г. финансовую поддержку на сумму свыше \$50 млрд реализации в 43 странах Африки свыше 500 проектов, стал инициатором создания в 2018 г. Межбанковского объединения Китая и Африки (*China-Africa Inter Bank Association*), в которое, помимо него, вошли 16 ведущих африканских банков. В задачи новой структуры входит развитие сотрудничества в сферах инфраструктуры, производственных мощностей, а также в гуманитарной сфере, путем предоставления финансовых услуг для проектов ОПОП и содействия формированию «китайско-африканского сообщества единой судьбы»⁵.

В числе проблем, с которыми столкнется Африка в постковидную эру, специалисты называют сокращение кредитования ее Китаем. Об этом свидетельствует сокращение в 2020 г. официальных кредитов двух главных китайских государственных банков - *China Development Bank* и *China Eximbank*, которое продолжится в 2021 г. Государственное кредитование, конечно, не прекратится, но оно станет избирательным, потребует тщательного обоснования. В то же время кредитование будет осуществляться и альтернативными источниками, такими, как государственные предприятия и коммерческие банки.

Как замечает в этой связи Эрик Оландер, «времена, когда африканские правительства получали легкий доступ к инфраструктурному финансированию, закончились»⁶. Основная причина - обострение долговой проблемы африканских стран. 38 африканских стран должны только в 2021 г. выплатить \$25 млрд. 20% обслуживания африканских долгов приходится на множество кредиторов: ВБ, МВФ и другие. На Китай, как на крупнейшего кредитора Африки, приходится 21% африканских долгов, и платежи ему по долгам составляют почти 30% обслуживания африканских долгов в 2021 г.; из них почти 1/3 приходится на Анголу.

До пандемии Китай вел переговоры о долгах сепаратно, без консультаций с МВФ или другими кредиторами. Теперь *G-20*, включая Китай, совместно решают условия облегчения долгового бремени. Китай впервые участвует в такой помощи в рамках *G-20*. Однако Пекин назначил две финансовые организации на роль «официальных кредиторов»: это новое агентство помощи - Китайское международное агентство развития (*CIDCA*) и Официальное агентство экспортного кредитования - Китайский Эксимбанк. При этом Пекин считает *China Development Bank* ведущим кредитором Анголы, коммерческим кредитором, участвующим в облегчении ее долгового бремени добровольно.

Есть и еще один коммерческий кредитор - *Industrial and Commercial Bank of China*, облегчающий постковидное долговое бремя стран Африки. Эксимбанк согласился облегчить долг Анголы, но ангольцы вели переговоры с *China Development Bank* и *Industrial and Commercial Bank of China*. С 2020 по 2022 г. долги Анголы, в основном, китайские, сократятся на \$6,9 млрд. По меньшей мере, 18 стран ведут переговоры о долгах с Китаем и 12 стран договорились о реструктуризации \$28 млрд китайских займов. Китайские банки реструктуризировали займы Анголы и Замбии в 2020 г.; в 2021 г. процесс должен распространиться на Кению, Эфиопию и Джибути [8].

Сотрудники Китайско-африканской инициативы Института Джона Хопкинса (*SAIS-CARI*) пришли к выводу, что Китай играет значительную роль в помощи африканским странам в решении их долговых проблем. Они упоминают о 26 случаях реструктуризации долгов на \$7,5 млрд 10 африканским странам в период с 2000 по 2019 гг. Китай также списал 94 беспроцентных займа на \$3,4 млрд. Однако на беспроцентные займы приходится менее 5% китайского кредитования стран Африки. Займы предоставляют африканским правительствам свыше 30 китайских финансовых организаций, и каждая организация ведет собственные переговоры. До и во время пандемии коронавируса китайские банки предложили африканским странам реструктуризацию долгов. Учитывая множество кредиторов, это займет время. Тем не менее, африканские страны могут быстрее уменьшить свою задолженность Китаю, чем странам Запада.

После проведения в октябре 2015 г. 3-го форума-саммита Индия-Африка индийские власти приняли меры по повышению эффективности индийской помощи развитию Африки. В 2018 г., выступая в парламенте Уганды, Н.Моди выдвинул 10 принципов, которыми Индия будет руководствоваться в развитии отношений с африканскими странами. В целом, они сводятся к заявлению, что Индия будет всемерно поддерживать развитие Африки, интересы которой во всех совместных проектах сохраняют приоритет [20].

⁵ В Пекине подписано соглашение о создании Межбанковского объединения Китая и Африки. 06.09.2018. <https://russian.people.com.cn/n3/2028/-906/c31518-9497929.html> (accessed 27.07.2021)

⁶ Olander, Eric. China to cut back lending to Africa in the post-COVID-19 era. *Africa Report*. 02.12.2020. <https://africareport.com> (accessed 27.07.2021)

С 2003 г. Индия предоставляет африканским государствам льготные кредитные линии (*concessional lines of credit*) на сооружение объектов инфраструктуры, включая строительство железных дорог, электрификацию, ирригацию и механизацию. Правительство Н.Моди увеличило кредитование африканских стран. В 2019 г. Индия предоставила странам Африки 279 кредитных линий на \$28 млрд. К 2020 г. кредитные линии были открыты для 41 африканской страны, что сделало Индию заметным донором Африки [18].

Однако общий уровень эффективности индийских проектов в рамках помощи развитию оказывается существенно ниже китайских. Особенно это касается сроков реализации проектов, на что не раз жаловались африканцы. Принятые индийскими властями меры проводились в соответствии с установками Всемирного банка. Были повышены требования к отчетности и экспертизе представленной проектной документации. Основная доля ответственности за контроль над проектами была возложена на индийские правительственные учреждения, в т.ч. сотрудников индийских посольств в африканских странах. Однако если на уровне механизма принятия решений и их исполнения действия индийских властей все больше приобретали сходство с западными моделями оказания помощи, то на уровне риторики индийская помощь развитию продолжала противопоставляться западным моделям.

Результаты реформы не оправдали надежд. Африканцы оказались не готовы к предоставлению сложной отчетности и бюрократическим процедурам. В свою очередь, индийские ведомства продемонстрировали слабое знакомство с африканскими реалиями. Для улучшения ситуации предлагаются разные варианты - от более четкого выделения сфер индийских интересов в Африке и их первоочередного финансирования до привлечения неправительственных организаций. Однако с 2015 г. наблюдается снижение интереса стран Африки к данному, казалось бы, льготному финансовому инструменту.

Среди других приоритетных и конкурентоспособных направлений индийско-африканского сотрудничества долгие годы числились образование, медицина и фармацевтика, а также ИКТ. В каждой из этих отраслей индийские компании в Африке создали хороший задел. Можно отметить объединяющий эти три компонента проект Панафриканской электронной сети (*Pan-African E-Network Project / PAN*).

Этот проект, практическая реализация которого началась в 2009 г., предоставил африканским государствам возможности в сфере телемедицины и дистанционного обучения посредством создания коммуникационной сети, включающей орбитальные спутники. С обеих сторон в нем участвуют 169 университетов, научных и медицинских центров и госпиталей. С учетом пожеланий африканской стороны в 2018 г. проект был продолжен Индией в виде нового технологического проекта - *e-VBAB (e-Vidhya bharati & e-Aarogy bharati)*. Он стал расширенной версией проекта *PAN* и также предусматривает полное финансирование со стороны Индии в течение 5 лет.

В условиях пандемии, когда индийские границы были закрыты для африканских студентов, получил развитие проект создания Индийско-африканского виртуального университета. Вместе с тем, успехи в онлайн-обучении не отменяют того факта, что в сфере традиционного высшего образования Индия постепенно утрачивает в Африке свои конкурентные преимущества. Индийские исследователи отмечают, что начатая Индией в 2018 г. программа *Study India*, направленная на привлечение иностранных, в частности африканских студентов в индийские вузы в Африке, оказалась слабо востребованной. Лишь две страны (Нигерия и Судан) вошли в перечень десяти государств, студенты которых активно едут учиться в Индию. В качестве причин африканцы называют невысокое качество индийского высшего образования и проблемы расизма в Индии⁷. Одновременно наблюдается резкий рост интереса африканцев к обучению в Китае, который с 50 тыс. студентов из Африки в настоящее время вышел на 2-е место в мире после Франции (с 95 тыс. студентов) по числу обучающихся в вузах африканцев [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2021 г. в Дакаре (Сенегал) в режиме онлайн пройдет очередной саммит Форума Китай-Африка. Ключевыми темами саммита станут вакцинация африканцев китайской вакциной, проблема африканской задолженности, интеграция ОПОП с *AfCFTA*, а также подтверждение солидарности Китая со странами Африки. Как заявил спикер МИДа КНР Хуа Чуньинна на пресс-брифинге 4 января 2021 г., на форуме будут обсуждаться проблема поддержки африканских стран в борьбе с вирусом пандемии *COVID-19* и достижение их

⁷ Mohapatra Bikash. 'Study in India' and India's African Dilemma. *The Diplomat*. 10.06 2019. <https://thediplomat.com/2019/06/study-in-india-and-indias-african-dilemma> (accessed 09.06.2021)

экономического восстановления, а также вопросы продвижения сотрудничества в реализации инициативы ОПОП и построения китайско-африканского сообщества «единой судьбы» [5]. Министр иностранных дел КНР Ван И в ходе визита в Африку в январе 2021 г. выразил надежду на международную поддержку Китая странами континента, в частности, если нападки США на Пекин продолжатся, и защиту ими общих интересов Китая и Африки [5].

Важной темой предстоящего саммита в Дакаре может стать также растущее участие африканских частных компаний и некоторых государственных предприятий в государственно-частном партнерстве с китайскими компаниями в Африке, что является ответом на финансовый кризис, при котором доступ Африки к массивному китайскому финансированию затруднен.

«Для китайских финансистов увеличение числа финансовых партнеров может снизить риски, которыми чревато предоставление займов странам Африки, порой уже обремененным долговыми обязательствами, - считает Чжоу Ююань, сотрудник Института стран Западной Азии и Африки в Пекине и Шанхайского института международных отношений. - Разные формы общественно-частного партнерства сделают компании более ответственными за операции в африканских странах». Это особенно важно в сфере развития африканской инфраструктуры, где у стран континента ощущается дефицит в сферах энергетики, транспорта, телекоммуникаций. В этой связи представляет интерес опыт Найроби, где общественно-частное партнерство (PPP) между кенийским правительством и Китайской корпорацией дорог и мостов (*China Road and Bridge Corporation*) обеспечило реализацию проекта строительства 27 км дорог стоимостью \$600 млн. Аналогичное партнерство реализуется в других странах Африки, в частности, в Уганде, Мозамбике, Нигерии [12].

Прогнозируя развитие китайско-африканских отношений, нельзя не учитывать значимость, которую приобрела в политике КНР глобальная инициатива «Один пояс - один путь», в которую активно вовлекаются страны Африки. Специалисты сходятся во мнении, что Пекин будет уделять этому проекту растущее внимание. Китайские дипломаты, медиа и официальные лица много говорят о «зеленом поясе» ОПОП и устойчивом энергетическом развитии на континенте. Китайские доноры увеличили поддержку источников солнечной энергии в таких странах, как Замбия и Кения.

По прогнозам, в 2021 г. увеличится доминирование Китая в африканском технологическом секторе. Китайские технологические компании будут строить свое присутствие в странах Африки с помощью экспансии услуг 5G, оказываемых, в первую очередь, компаниями *Huawei* и *ZTE*. Компания *Transsion* на 2021 г. удерживала свыше 50% африканского рынка мобильных телефонов. Компания *Alibaba*, уже занимающая серьезные позиции в странах Африки, намерена расширить свое присутствие, прежде всего, через *AliExpress*.

Среди главных проблем Индии во взаимодействии со странами Африки специалисты часто называют отсутствие у Дели четкой стратегии развития отношений с континентом. Озвученные Н.Моди 10 принципов имеют весьма общий характер. При этом заявленные индийскими властями цели повышения эффективности реализуемых программ и кредитов дают лишь ограниченный результат. Стремление Индии удержать позиции «морального лидера» развивающихся стран глобального Юга плохо сочетается с попытками внедрения рыночных механизмов и рецептов ВБ в программы помощи развитию стран Африки. В свою очередь, нередкие случаи расизма по отношению к африканцам контрастируют с приверженностью риторике времен Азиатско-африканской солидарности. Наибольшим же испытанием для индийско-африканских связей в постковидный период может стать излишняя «политизация» политики Дели в Африке. Готовность к сотрудничеству со странами Запада на антикитайской основе усиливает риски использования Индией африканских государств в противостоянии Пекину.

Хотя африканцы, как правило, приветствуют экономическую конкуренцию за доступ к ресурсам континента, военно-политическое и дипломатическое противоборство внешних сил в регионе может неблагоприятным образом отразиться на африканских странах.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Powanga I., Giner-Reiche I. 2019. China's Contribution to the African Power Sector: Policy implications for African countries. *Journal of Energy*. Article ID 703594. <https://doi.org/10.1155/2019/7013594>
2. Full text: Xi Jinping's speech at Extraordinary China-Africa Summit on solidarity in the fight against pandemic COVID-19 in Beijing on 17 June 2020. *Global Times*. 17.06.2020. www.globaltimes.cn (accessed 27.07.2021)

3. Policy Brief: Impact of COVID-19 in Africa. UN Executive Summary. 20.05.2020. https://www.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/sg.policy_brief_on_covid-19_impact_on_africa_may_2020.pdf (accessed 14.07.2020)
4. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Embassy of the Peoples Republic of China in the Republic of South Africa. Interview to the African News Agency by H.E. Ambassador-designate of China to South Africa Chen Xiaodong.
5. Tiezzi Shannon. China's Africa Diplomacy Starts 2021 on a High Note. *The Diplomat*. 06.01.2021. <https://thediplomat.com> (accessed 14.07.2020)
6. Гао Цяо. Страны-партнеры вместе строят «Шелковый путь здоровья»: «Один пояс - один путь» стимулирует развитие мировой экономики. *Российская газета. Федеральный выпуск*. № 110 (8164). 25.05.2020.
7. Gao Tsyao. Countries - partners are building together the Silk road of health. "One belt - One road" stimulates the development of the world economy. *Rossiyskaya gazeta*. 25.05.2020 (In Russ.). (accessed 05.01.2021)
8. Pant Harsh V., Mishra Abhishek. India, China and fortifying the Africa outreach. *The Hindu*. 01.06.2020. <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/india-china-and-fortifying-the-africa-outreach/article31725783.ece> (accessed 09.06.2021)
9. Olander Eric. China-Africa Top issues going into 2021. *The Africa Report*. 04.01.2021. <https://www.theafricareport.com> (accessed 27.07.2021)
10. Marsh Jenny. China keeps promising its African allies that coronavirus vaccines for the continent are a priority. But where are they? *CNN*. January 2021. [Edition.cnn.com](https://www.cnn.com)
11. Remarks by Minister of State for External Affairs at the Summit on the Financing of African Economies (May 18, 2021). 19.05.2021. <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/33866/Remarks+by+Minister+of> (accessed 02.05.2021)
12. Nyabige Jevans. China's trade with Africa grows 22% in 2019 to 208 bn. *South China Morning Post*. 18.01.2020. <https://www.scmp.com/news/africa> (accessed 20.04.2021)
13. Olander Eric. Can China integrate Africa's new Free Trade Area with Belt and Road? Comments from a high-ranking official at China's National Development and Reform Commission are the clearest signal so far that Beijing is serious about linking its own multinational trading regime with Africa's. *Sup China*. 08.12.2020. <https://supchina.com> (accessed 03.02.2021).
14. Chakrabarty Malancha. India-Africa relations: Partnership, COVID-19 setback and the way forward. *Observer Research Foundation*. 26.04.2021. https://www.orfonline.org/expert-speak/india-africa-relations-partnership-covid19-setback-way-forward/#_edn1 (accessed 07.06.2021).
15. India-Africa trade may touch \$117 bn by 2020-21: Report. *Business Standard*. 23.07.2017. https://www.business-standard.com/article/economy-policy/india-africa-trade-may-touch-117-bn-by-2020-21-report-117072300296_1.html (accessed 04.06.2021)
16. Foreign Trade (Africa). Department of Commerce, Government of India. <https://commerce.gov.in/about-us/divisions/foreign-trade-territorial-division/foreign-trade-africa> (accessed 07.07.2021)
17. China-Africa Research Initiative John Hopkins School. SAIS-CARI. China's overseas lending in comparative perspective. Conference. April 6 - May 28, 2021.
18. Marais Yanna, Labuschag Jean-Pierre. If you want to prosper, consider building roads. Chinese role in African infrastructure and capital projects. *Deloitte Insights*. 22.03.2019. <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/publication> (accessed 18.11.2020)
19. Kurzydowski Chis. What can India offer Africa. *The Diplomat*. 27.06.2020, <https://thediplomat.com> (accessed 08.12.2020)
20. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Индийский опыт стимулирования развития экономики: программа «Делай в Индии». *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 12, с. 59-56. DOI: 10.31857/S032150750007657-4
21. Revenko L.C., Revenko N.S. 2019. Indian experience to stimulate economic development: "Make in India" Programme. *Aziya i Afrika segodnya*. № 12. DOI: 10.31857/S032150750007657-4
22. India-Africa Relationship. 10 Guiding Principles. *India Perspectives*. Vol. 32. Issue 3. July-September 2018. P. 20. https://www.mea.gov.in/Images/attach/IP_Jul_Sep_18_Book_low.pdf (accessed 07.09.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дейч Татьяна Лазаревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatiana L. Deych, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Усов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, старший эксперт, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия.

Vyacheslav A. Usov, PhD (History), Senior Expert, Russian Institute for Strategic Studies, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
08.07.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
17.09.2021

Индия-2021: средний класс в условиях пандемии

© Брагина Е.А.^а, 2021

^а Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9180-5503; braglen@mail.ru

Резюме. В статье проведен анализ условий становления среднего класса Индии. Показана его балансирующая роль в политике и экономике страны.

Рассмотрено определение «средний класс», нечёткость его формулирования. В развивающихся странах часто результаты исследований, статистические оценки численности среднего класса носят приблизительный характер и трудно сопоставимы с аналогичными показателями в развитых экономиках. В работе учтено, что средний класс качественно неоднороден, официальная и неформальная (теневая) части среднего класса сосуществуют в экономике развивающихся стран параллельно, что искажает показатели их реальной занятости, доходов и численности. Показано давление пандемии *COVID-19* на развитие среднего класса.

В статье рассматриваются присущие Индии национальные особенности формирования среднего класса. В связи с неустановившимся определением критерия, несогласованностью оценок, недостаточным уровнем работы её статистических организаций приводимая численность среднего класса неточна (в 2020 г., по разным оценкам, 210-360 млн человек).

Уделено внимание формированию сельского среднего класса (примерно 48-66% численности среднего класса страны). Представлен прогноз восстановления численности среднего класса Индии. Особенности его становления, количественный рост, а также постепенное усиление влияния позволяют предположить, что и в перспективе эта особая группа населения будет численно возрастать, наращивая долю своего участия в экономике и политической жизни страны.

Тема актуальна, информативна для российского читателя.

Ключевые слова: Индия, 2021 год, средний класс, численность, пандемия *COVID-19*

Для цитирования: Брагина Е.А. Индия-2021: средний класс в условиях пандемии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 14-21. DOI: 10.31857/S032150750016839-4

India-2021: Middle class in pandemic conditions

© Elena A. Bragina^a, 2021

^a Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9180-5503; braglen@mail.ru

Abstract. The article analyzes the conditions for the formation of the middle class in India. Shown is its important balancing role in the politics and economy of the country.

The nature of the definition of "middle class", its special significance in developing countries is considered. Due to the difference in the applied criterion - the initial unit of account (employee, family, population group), due to the weakness of statistical services, the results of sociological studies, statistical estimates of the size of the middle class are often approximate. The work shows that the official and informal (shadow) parts of the middle class coexist in the economies of developing countries in parallel.

The pressure of the COVID-19 pandemic on the development of the Indian middle class is taken into account.

The article examines the national characteristics of the formation of the middle class inherent in India. Due to the unclear definition of the criteria, the inconsistency of its assessments, the insufficient level of work of statistical organizations, information on the size of the middle class is inaccurate (according to various estimates, about 210-360 million people).

Attention is paid to the formation of the rural middle class in India, rural residents make up a significant part of it (estimated at 48-66%). The forecast of the recovery of the Indian middle class is presented. It is assumed that its quantitative growth, which was observed before the pandemic, and a gradual increase in influence will continue and will allow in the future.

The topic is relevant, in demand by the Russian reader.

Keywords: India, 2021, middle class, number, pandemic COVID-19

For citation: Elena A. Bragina. India-2021: Middle class in pandemic conditions. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 14-21. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016839-4

ВВЕДЕНИЕ

Средний класс Индии - растущая экономическая, социальная и в недалеком будущем политически влиятельная часть её населения с некоторыми особыми чертами. Численность среднего класса, значимой и

перспективной страты общества, меняется в тесной корреляции с ростом и колебаниями национальной экономики, а также, в известной степени, политическим развитием страны.

OECD Development Centre прогнозирует значительное увеличение доли Индии на длительный период в объёме мирового потребления среднего класса (см. *диагр.*), в т.ч. и в связи с ростом его численности.

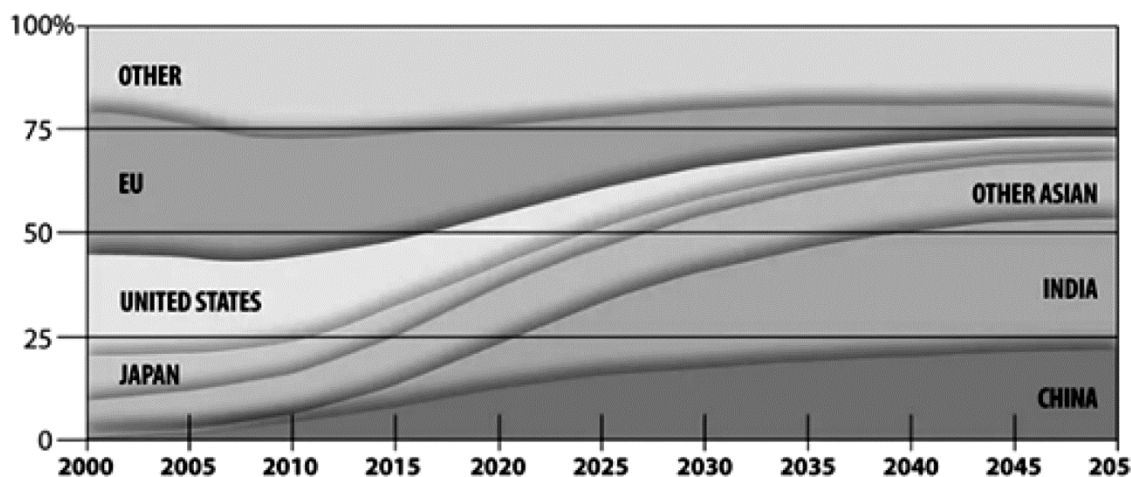

Диаграмма. Доля Индии в мировом потреблении среднего класса к 2050 году, %.

Diagram. India's share of world middle-class consumption by 2050, %.

Источник: OECD Development Centre, Working No. 285. <https://www.oecd.org/dev/44457738.pdf> (accessed 15.05.2021)

Количественные показатели этой составляющей трудового населения Индии неточны, за пределами крупных городов носят, скорее, оценочный характер. Значительные расхождения в принципах учета численности, оценке её роли в экономике и обществе затрудняют понимание необходимости скорейшего формирования национального среднего класса. Особого внимания заслуживает такое специфическая общность как сельский средний класс Индии. Это связано с тем, что именно сельские жители, а это 70% населения страны, составляют значимую, по некоторым оценкам, большую часть её среднего класса, несмотря на относительно высокие темпы урбанизации.

Проблемы становления и роста среднего класса в развитых и развивающихся странах широко обсуждаются в российских и международных организациях, а также в средствах массовой информации. Тема актуальна, востребована российским читателем, но сравнительно мало освещается в печати.

СРЕДНИЙ КЛАСС. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Не установлено, когда и кем впервые было сформулировано, затем вошло в повседневный научный лексикон, стало широко распространенным и общепринятым определение особой группы работающего населения как «средний класс». Само сочетание слов «средний» и «класс» можно принять в известной мере как характеристику, отвечающую его сущностной позиции.

Категория «средний класс» подразумевает наличие в стране формально промежуточного слоя, количественно значимого с разными типами трудовой занятости и специализации. В процентном соотношении доля среднего класса, как правило, выше в странах с развитой экономикой, соответственно, с более высоким доходом на душу населения. В развивающихся странах этот показатель количественно отстает частично из-за нечёткости самого определения принадлежности к среднему классу в этой группе стран, а также из-за слабости, низкого уровня их статистических служб. В большинстве экономически отставших стран статистические оценки его численности носят приблизительный характер.

Чёткое развернутое определение этой значимой в большинстве стран мирового хозяйства группы населения всё ещё не сложилось. Не представлена оценка его особой позиции в обществе, в т.ч. в формировании занятости в развивающихся странах с острой проблемой безработицы. Самым распространенным ныне критерием принадлежности к среднему классу неизменно остается уровень дохода работника, независимо от сферы его занятости. Такой подход несложен, конкретен и поэтому получил широкое распространение. Но социальные и экономические критерии принадлежности к среднему классу, вопреки безусловной значимости этого слоя населения, особенно в перспективе, не получили в большинстве развивающихся стран устоявшихся характеристик. Так, количественно существенной группой среднего класса повсеместно признаны гражданские служащие, в первую очередь, занятые в государственных учреждениях, но этот подход не даёт объективной оценки численности среднего класса.

Как правило, категория «средний класс» означает принадлежность к количественно значимой части, прежде всего, городского населения, хотя и с существенными различиями по странам. Признано также, что эта группа, в целом, заметно увеличила свои темпы роста в последние несколько десятилетий. Этот процесс обычно напрямую связан с темпом экономического продвижения страны, учитывает её социальные традиции и обычаи, а политика государства в большинстве стран, чаще всего в развитых экономиках, способна в большей или меньшей мере его ускорить. Признание балансирующей роли среднего класса в структуре общества, поддержка или противодействие которого может существенно повлиять на расстановку сил в политической жизни стран с развивающейся экономикой, ещё только формируется. Количественно значимый, частично профессионально обученный средний класс, в известной мере, может балансировать крайности в экономической политике правительства, уравнивая интересы разных слоев населения страны.

Само наличие среднего класса обеспечивает при благоприятных условиях определенный уровень политической устойчивости в стране, способствуя тем самым её экономическому продвижению. Логично, что возможности и формы влияния среднего класса на экономическую и, особенно, политическую жизнь страны существенно зависят от его количественных показателей по принципу: чем они ниже, тем слабее его позиции в экономике, в ещё большей степени в политике и обществе, в целом. Это неизбежно формирует и конкретную обратную зависимость. Эта зависимость негативно сказывается на позициях среднего класса в странах догоняющего развития, в которых численно значимая прослойка населения находится в стадии становления, осознания своих политических, а также экономических возможностей и прав. В правительственных документах большинства развивающихся экономик отмечается важность среднего класса в развитии страны, предлагаются меры его поддержки с целью численного роста, но реализуются они, в отличие от отношения к среднему классу в странах Запада, далеко не всегда.

Официальная и неформальная (теневая) части среднего класса сосуществуют параллельно в экономике, могут взаимодействовать, что ещё больше искажает показатели масштаба реальной занятости, доходов этой части населения и представление о её численности. Средний класс качественно неоднороден, его количественные показатели существенно различаются и трудно сопоставимы по странам, в т.ч. из-за разницы основного критерия - количественные показатели исходной единицы учета (работник, семья, группа населения) различны. Поэтому сопоставление только одного из его количественных показателей, например, численности семьи в разных странах без указания соотношения занятых и иждивенцев, едва ли можно считать реальным отражением уровня и качества жизни среднего класса.

В российской социологии с целью уточнения категории среднего класса были попытки ввести ещё два критерия - социально-профессиональный и самоидентификацию. Оценивая благосостояние, уделяли внимание доходам, сбережениям, наличию крупной собственности (семьи с заработком 45767-127006 руб. в месяц)¹. Но без указания числа членов семьи, в т.ч. соотношения работающих и иждивенцев, это не дает оснований для включения в средний класс.

Увеличение численности среднего класса объективно в силу общих закономерностей формирования структуры занятости в современных экономических и политических условиях развивающихся экономик. Становление среднего класса, распределение по отраслям народного хозяйства, рост и сокращение, присутствие этой группы в каждой стране особенности - эти вопросы представляют несомненный интерес.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

В начале 2020 г. в Индии ускорилось массовое распространение ранее неизвестной, но ставшей всемирной опасностью, пандемии COVID-19. Одним из немедленных последствий из-за отсутствия эффективных массовых средств защиты стала высокая заболеваемость и смертность населения. Этот процесс, несмотря на все усилия правительства Индии, как и в других странах, в течение 2020 г. не удавалось остановить или хотя бы замедлить. Рост числа заразившихся и умерших неуклонно увеличивался и в текущем году. Количество жертв COVID-19 продолжало расти на подъеме очередной его волны.

Особо страдает в условиях пандемии сельское население из-за скученности в деревнях, трудности оказания медицинской помощи, недостаточности медицинских служб за пределами больших городов. Отрицательным фактором, осложняющим борьбу с пандемией, остается низкий уровень гигиены в сельских районах, в т.ч. из-за нехватки чистой питьевой воды. Отставание сельской инфраструктуры, особенно трудности и высокая цена водоснабжения деревень, сильно осложнили оказание медицинской помощи этой самой многочисленной части населения Индии. Скученность в деревнях и в крупнейших городах страны, нехватка своевременной врачебной помощи ускорили массовое распространение COVID-19. В мае-июне 2021 г. газеты заговорили о 3-й волне пандемии в Индии [1]. В печати появились сообщения о выну-

¹ Средний класс. Кто это? ТАСС, 24.05.2019. <https://tass.ru/ekonomika/6457262> (accessed 15.05.2021)

жденных продажах крестьянами своих земельных наделов, чтобы оплатить необходимые для лечения *COVID-19* лекарства.

Ситуация ещё больше осложнилась в связи с распространением в стране разных штаммов вирусов. Исследования, проведенные в 18 штатах Индии, обнаружили т.н. британский, южноафриканский и бразильский штаммы. Несмотря на все усилия правительства в борьбе с пандемией, Индия постоянно занимает одну из первых позиций по числу заразившихся этой опасной болезнью и смертности. 2-я волна *COVID-19* весной 2021 г., по официальным данным, резко увеличила число заболевших в сутки. Пиковых значений оно достигло 6 мая 2021 г. - 414,2 тыс. человек, затем в течение месяца несколько снижалось [2].

Обобщающим показателем ухудшения экономического положения Индии стал спад её ВВП (\$2870,5 млрд - 2019 г., \$2708,8 млрд - 2020 г.) [3]. Заслуживает внимания, что надежды на существенный подъём ВВП Индии после глубокого спада сменились в прогнозах на очень скромные показатели. Его ожидаемый рост в 2021 г. не превышает 1,6% [4]. Популярный ранее в научных кругах вариант роста экономики Индии по принципу V - быстрого подъёма (отскока) с нижней точки спада вверх - потерял свою бывшую привлекательность, видимо, вследствие нарастающих трудностей её восстановления.

Деловая активность в Индии весной 2021 г. снова оказалась подавленной обострением пандемии, захватывавшим один за другим штаты страны. Возобновились ограничения на перемещения людей. Индекс трудовой мобильности рабочей силы, спрос предприятий на работников в короткий срок показали существенное снижение. Снова затормозился рост промышленности, особенно крупных предприятий, спрос на электроэнергию опустился к уровню кризисного июня 2020 г. Правительствам штатов с особенно высокими показателями заболеваемости пришлось возобновить ограничения на перемещения рабочей силы, часть открывшихся крупных предприятий в городах были вынуждены сократить часы работы, некоторым пришлось резко снизить выпуск продукции. Увольнения снова приняли массовый характер.

ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕГО КЛАССА ИНДИИ

При оценке роли и перспектив среднего класса в Индии надо учитывать, что, несмотря на признанную его важность в экономике страны, пока ещё он во многом «вещь в себе» и относительно слабо проявляется в политической жизни страны. Ему явно недостаёт массовости и сплочённости, продемонстрированной, например, фермерами в их выступлениях в Индии летом 2020 г., в грандиозном марше к столице страны.

Средний класс, социальная и экономическая категория трудового населения, занимает особую нишу в структуре общества современной Индии. Это численно значимая группа с официальным доходом в денежном выражении, промежуточным между высоко оплачиваемой верхней и многочисленной основной, как правило, с низкой оплатой труда работников. В индийской исследовательской литературе, в которой она занимает значительное место, используется дополнительное деление группы среднего класса: верхний, средний, низший [5]. Это, скорее, усложняет проблему, чем предлагает её решение.

Количественные показатели этого важного и перспективного слоя населения, в т.ч. в статистических публикациях Индии, противоречивы. Согласно сложившейся традиции, к среднему классу, и не только в этой стране, причисляют граждан, располагающих определенным уровнем дохода, официальный количественный критерий которого установлен государством. Показатели численности населения, отнесенного к категории среднего класса, его распределение по отраслям важны для понимания структуры занятости, возможных хозяйственных перспектив страны.

Особая экономическая, расчётная единица - средняя официальная заработная плата, база расчетов в стране, стала своего рода характеристикой, ориентиром, определяющим средний класс как особую группу населения Индии. Это помогает в масштабах страны оценить не только его численность, но статус и роль в официальной занятости, а также распределение участников этой группы населения по отраслям экономики в масштабах страны.

Единый показатель для определения принадлежности к среднему классу ещё формируется, в дальнейшем будет уточнена его количественная характеристика в зависимости от принадлежности к определённой отрасли хозяйства. Это позволит сравнивать структуру занятости населения Индии, среднюю оплату труда, её количественные различия с такой группой населения в других странах.

Для определения численности среднего класса в Индии, как и в других развивающихся странах, ключевым стала фиксируемая государственными и местными органами власти занятость со средним уровнем оплаты, принятым в стране. Однако за пределами этой значительной, централизованно учитываемой страты населения с официальной оплатой труда, остается огромное число мелких и мельчайших мастерских, лавочек, а также массовая уличная торговля. В стране широко распространена всё ещё не получившая чёткого, а главное, общепринятого определения многочисленная группа традиционных малых, незначительных по объёму производства и продаж, соответственно, занятости, предприятий, с неустойчивым, в т.ч. числе сезонным, спросом на разные типы труда/занятости.

Характерна в этом отношении важная для Индии, в т.ч. из-за притока иностранной валюты, туристическая отрасль с её сезонным спросом на разные типы услуг, а также на продукцию индийских ремесленников и малых предприятий в месяцы наиболее высокой туристической активности и спроса, определяемых климатическими условиями. Как следствие, неустойчивое положение предприятий туристической отрасли, крайне чувствительных к воздействию трудно прогнозируемых изменений, неизбежно возникающих в мировой туристической отрасли. Поскольку Индия - привлекательная для иностранных туристов страна, её мелкая, в т.ч. кустарная, промышленность, выживает, сохраняя значительные позиции в национальной экономике.

Это сфера с высокой долей теневой занятости миллионов людей, участники которой не всегда попадают в официальную статистику заработной платы и доходов, устойчивая и количественно значимая часть экономики Индии. Её коренное отличие в том, что эта сфера не поддается точному статистическому учёту. Как следствие, часть занятых в этой сфере людей, разными, в основном незаконными, путями, обеспечивает себе доход, который может быть достаточно высоким, в т.ч. на уровне среднего класса. Любопытен в этой связи опыт частичных обследований Дхарави - пригорода Мумбая, крупнейшего в Индии, возможно и в мире, неофициального центра массового проживания людей с любыми видами занятости, в т.ч. законодательно запрещенными. Один из парадоксов Дхарави заключается в том, что среди огромного числа его обитателей есть группа состоятельных местных владельцев домов и другой значительной собственности, никак и нигде не отраженной статистически.

В Индии средний класс количественно рос неравномерно, но сохранял достаточно высокие показатели развития, увеличиваясь по мере укрепления и особенно диверсификации национальной экономики, становления современных производств. Рост этого важного трудового слоя населения отмечается в процессе проводимых в разное время исследований, хотя приводимые в них показатели значительно различаются иногда кратно, в том числе и из-за применения разных условий счета, изменения курса валют.

Политика индустриализации, набиравшая силу и размах в прошлые годы, существенно увеличила спрос на квалифицированный персонал, ускорив тем самым формирование среднего класса, этой современной страты общества. К началу XXI в. в Индии сложился численно значимый слой квалифицированных кадров, основы современного среднего класса.

По оценкам, в 2012 г. примерно 17% индийцев в стране располагали доходом от \$16 до \$100 в день, что составило около 210 млн человек, официально причисляемых к среднему классу [6]. Разрыв в пределах денежного показателя принадлежности к среднему классу достаточно велик - в 6 раз. Хотя оценки представляются неточными из-за слишком большой разницы между их предельными показателями, но надо признать, что даже не совсем надёжный показатель может быть практически полезен за неимением более конкретных данных. Заслуга индийских исследователей в том, что в ходе обзора людских ресурсов страны в 2011/2012 г. впервые внимание было обращено на санитарные условия в сельских районах [7].

Процесс определенного повышения благосостояния в нарастающем масштабе пошел с большей интенсивностью после 2000 г., хотя критерии его оценки изменялись без объяснения причин. В 2019 г. в некоторых исследованиях численность среднего класса Индии оценивалась на уровне 28% населения страны, что составляет около 360 млн человек [8]. В обширном исследовании, опубликованном в Индии в 2020 г., но не сразу получившем широкое общественное и научное признание в связи с тяжелой эпидемиологической ситуацией, вызванной пандемией *COVID-19*, средним классом были признаны семьи с доходом свыше 250 тыс. рупий в год (\$3,4 тыс.) К этой категории, по расчётам авторов исследования, в Индии относились 56,4 млн семей. Однако этот исходный показатель не даёт количественного определения среднего класса в связи с неопределенностью показателя такой сложной статистической единицы, как семья.

Критерием принадлежности семьи к среднему классу были признаны официальные сведения о наличии собственного жилья с наличием общепринятых санитарных условий. Но семья как исходная единица обзора в Индии - понятие многозначное, с существенно расширяющими её численными показателями. В Индии категория семьи включает очень разные важные экономические, социальные и психологические составляющие, в т.ч. людей с разной степенью родства, что существенно меняет количественную характеристику семьи как счётной единицы. К тому же в приведенном выше базовом показателе числа учтенных семей не указано критически важное для понимания проблемы соотношение работающих и иждивенцев.

Заслуживает внимания, что в том же докладе, посвященном состоянию здравоохранения в Индии весной 2010 г., впервые появилась новая позиция - *New Middle Class*, категория домохозяйств со средним сбережением 2 млн рупий (\$27,3 тыс.) в год, которую *Huran India Wealth Report 2020* определил как «новый средний класс». Эти семьи имеют, как правило, машину, жилую собственность. Названо число таких собственников, нового среднего класса - 633 тыс. домохозяйств².

² 633,000 'New Middle Class' households in India: Hurun India report. *Business Standard*, 17.03.2021. https://www.business-standard.com/article/economy-policy/633-000-new-middle-class-households-in-india-hurun-india-report-121031600357_1.html (accessed 15.05.2021)

Быстро растущие показатели численности среднего класса в экономике Индии, в целом, и его отраслевые особенности представляют значительный интерес. Опыт современной Индии важен, поскольку её средний класс представляет значительную и быстро растущую группу населения, преимущественно молодого возраста.

Согласно статистическим оценкам, ныне 70% её населения моложе 34 лет. Эта численно значительная и быстро растущая группа, несмотря на некоторое снижение рождаемости в стране в рамках правительственной политики. Молодое поколение Индии высоко ценит образование, активно стремится его получить, как возможность в дальнейшем претендовать на хорошо оплачиваемую работу, сделать карьеру. Эта количественно существенная страта трудоспособного населения Индии перспективна, ориентирована на продвижение, в т.ч. по социальной лестнице. Таким общественным настроениям способствуют темпы экономического роста страны, растущий спрос на современные подготовленные кадры по разным направлениям хозяйственной деятельности.

Опыт Индии для развивающихся стран представляется показательным ещё и потому, что количественное формирование её современного среднего класса шло достаточно быстро. До начала пандемии COVID-19 страна находилась на сложном этапе становления несельскохозяйственной экономики и создания «выгодной занятости» (*gain full employment*), которая определяется как формирование более производительных, безопасных, хорошо оплачиваемых рабочих мест. Но это касается далеко не всей занятости, а преимущественно современных производств, предъявляющих спрос на подготовленную/квалифицированную рабочую силу.

Традиционно средний класс, эту значительную часть населения связывают, прежде всего, с растущей урбанизацией, увеличением численности городского населения. Особенность среднего класса Индии в том, что в связи с высоким уровнем рождаемости в сельских районах огромной страны, количественно он представлен сельской, почти равной или превышающей городскую по численности, составляющей от 48% (по оценке J.Kumar, *Indian Institute of Finance*) [9] до 66% (по представлению *Hindustan Times*) [10]. Мариам Аслани из *Peace Research Institute Oslo, Wolfson College, University of Oxford* считает, что сельский средний класс составляет около 17% сельского населения Индии - приблизительно 150 млн человек [11].

Большие разногласия в оценках неизбежны в связи с трудностями учёта, в т.ч. из-за растущей подвижности в перемещениях населения страны.

Первоначальное формирование среднего класса в сельских районах связано с наличием бесчисленных малых и совсем мелких предприятий, занятых домашней переработкой аграрного сырья с последующей продажей этой продукции на местных рынках.

Следует учесть и традиционную для Индии огранку алмазов, в которой она занимает около 50% импорта сырья и 80% мирового производства (700 тыс. огранщиков), при этом значительная его доля - кустарное домашнее. Традиционные навыки обработки, низкая стоимость труда характерны для гранильной отрасли Индии. Для огранки неиспользуемое крупными предприятиями сырьё доставляют в деревни, в мелкие кустарные мастерские, чаще немеханизированные. Правительство страны последовательно проводит программы стимулирования алмазообрабатывающего сектора, решая проблемы создания рабочих мест и роста ВВП. В короткие сроки проведено техническое перевооружение, повышен технологический уровень домашнего производства. Средняя заработная плата огранщика в Индии - \$200-300 в месяц (подробнее см.: [12]).

Многочисленный средний класс Индии в большой мере является потребителем продукции ювелирного сектора страны. Российская компания АЛРОСА заключила весной 2021 г. очередную сделку с алмазообрабатывающими компаниями Индии на поставку алмазов из России при увеличении спроса на драгоценные камни в связи с приближавшимся сезоном традиционных осенних свадебных торжеств с неизменными подарками драгоценностей. Продажи в мае 2021 г. свидетельствуют о высоком спросе на алмазное сырьё со стороны гранильного сектора в Индии. Несмотря на эпидемиологическую обстановку апреля и начала мая текущего года, которая с тех пор демонстрирует устойчивое улучшение, огранщики полностью адаптировались к ситуации и стабильно обрабатывают все доступные им объёмы³.

Растущая техническая оснащённость сельскохозяйственных работ, распространение в деревнях, что называется, на местах, переработки аграрной продукции, предполагают значительные изменения в структуре сельского населения, определенной его «технизации». Это включает расширение персонала, обслуживающего сельскохозяйственную технику, рост спроса на квалифицированных, соответствующе подготовленных работников. В структуре населения Индии численный перевес сельских жителей сохраняется и будет достаточно длительным, но качественные сдвиги в аграрном секторе страны уже очевидны.

³ АЛРОСА представляет результаты продаж за май 2021 года. АЛРОСА. Пресс-релиз 10.06.2021. <http://www.alrosa.ru/%D0%B0%D0%BB%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%.....> (accessed 15.06.2021)

Формирование и рост среднего класса преимущественно в сельских районах, а не в городах, стало важной особенностью Индии. Городской средний класс, причём количественно значимый, - характерная черта становления этого слоя населения в странах Запада. Сельский средний класс - особенная черта Индии. Можно предположить, что эта специфика в известной мере связана в этой стране с необходимостью быстрого сбора и переработки сельскохозяйственной продукции на местах из-за жаркого климата. Мощности элеваторов и холодильников не всегда хватает, в этих условиях необходима скорейшая переработка собранного урожая на местах. По мере неравномерной, но расширяющейся технической оснащённости аграрного сектора Индии, реальностью становится сопутствующий этому процессу рост численности деревенского среднего класса.

ПЕРСПЕКТИВЫ СРЕДНЕГО КЛАССА ИНДИИ

Процесс роста численности сельского среднего класса идёт параллельно с традиционным оттоком молодежи, в первую очередь мужской, в города, в основном крупные. Высокие темпы урбанизации - закономерная часть современного этапа в становлении экономики Индии. Для молодого численно растущего поколения этой страны уход в города стал основной возможностью начать зарабатывать. Схожие по интересам группы населения, хотя и количественно разные, относительно быстро формируются в развивающихся странах.

В этом процессе первенство Индии объективно обусловлено не только её экономическими и социальными условиями, но и в значительной мере стремлением правительства поддержать важный процесс подготовки национальных кадров на современном уровне. Относительно быстрое численное формирование национального среднего класса Индии стало важным следствием этого сложного разностороннего процесса.

Резкое экономическое торможение, вызванное пандемией *COVID-19*, временно приостановило, но не отменило процесс роста среднего класса в Индии, особенно ускорившийся в начале XXI в. вслед за увеличением темпов развития экономики. Быстрый количественный его рост, характерный для Индии до начала эпидемии, прервался особенно быстро в сельских районах с первых дней её распространения.

В короткий срок на численности этой группы сказались не только массовая заболеваемость, нехватка лекарств, скученность сельского населения, но и специфика среднего класса страны, присущая ему высокая численность за пределами городов в сельских районах. Ремесленники, торговцы, владельцы многочисленных лавок, мастерских, мелких предприятий в сельских районах страны в ещё большей степени, чем горожане, страдали от острой нехватки врачебного персонала, необходимых лекарств, недоступности медицинской помощи.

Одним из прямых последствий пандемии стало существенное ухудшение экономического и социального положения среднего класса, особенно деревенского, резкое сокращение его численности, неизбежное следствие его слабости, отсутствия поддержки со стороны государства. Количественный урон, понесенный средним классом, отрицательно скажется на его росте, экономических и политических позициях.

Средний класс Индии, особая, сравнительно новая социальная и экономическая страта населения, как и во многих развивающихся странах, на современном этапе в разных масштабах и с разной скоростью количественно растет, постепенно укрепляя свои экономические позиции. Но его влияние в стране не достигло масштабов, а главное, организации, позволяющих активно влиять на политику государства в сфере трудовых отношений. Особенности становления, количественный рост, а также постепенное усиление влияния на современном этапе, позволяют предположить, что и в перспективе эта особая группа населения будет численно возрастать, наращивая долю своего участия в экономике и политической жизни страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку в Индии группа населения, обозначаемая как средний класс, демонстрировала до начала пандемии *COVID-19* достаточно устойчивые темпы роста, можно с уверенностью предположить дальнейшее развитие и укрепление этой важной прослойки в ближайшие годы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Why some experts are pitching for opening of schools. *The Times of India*. 20.06.2021. <https://timesofindia.indiatimes.com/india/coronabytes> (accessed 22.06.2021)
2. CSSEGISandData/COVID-19. <https://www.google.com/search?q=india+covid-19+statistics&oq=India+COVID-19+&aqs=chrome..69i57j0l5j69i60l2.24154j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (accessed 15.06.2021)
3. India: Gross domestic product (GDP) in current prices from 1986 to 2026. <https://www.statista.com/statistics/263771/gross-domestic-product-gdp-in-india/> (accessed 31.05.2021)

4. Business today. June 1, 2021 (accessed 15.06.2021)
5. Vijaya Lakshmi. What according to you is the criteria to judge who qualifies as poor, lower middle class, upper middle class or rich in India? Coal India Limited. QUORA. <https://www.quora.com/What-incomes-define-upper-middle-and-rich-classes-in-India> (accessed 15.05.2021)
6. Зайцев М. Товары для здоровья - драйвер третьей волны потребления для Азии. *Эксперт*. 02.08.2016. <https://expert.ru/2016/08/2/tovaryi-dlya-zdorovya---drajver-tretej-volnyi-potrebleniya-dlya-azii/> (accessed 15.05.2021)
7. Zaytsev M. Health products are the driver of the third wave of consumption in Asia. *Expert* (In Russ.). <https://expert.ru/2016/08/2/tovaryi-dlya-zdorovya---drajver-tretej-volnyi-potrebleniya-dlya-azii/> (accessed 15.05.2021)
8. India Human Development Survey (2011-12). University of Maryland 08.08.2018. <https://www.icpsr.umich.edu/web/DSDR/studies/36151> (accessed 15.05.2021)
9. Maryam Aslany. The Indian middle class, its size and urban-rural variations. *Contemporary South Asia*, Vol. 27, 19.02.2019. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09584935.2019.1581727?scroll=to> (accessed 25.05.2021)
10. Jayant Kumar. What is average income of Middle class in India? Indian Institute of Finance. 2021. <https://quora.com/What-is-the-disposable-income-levels-of-different-economic-classes-in-india> (accessed 15.05.2021)
11. Many layers within India's middle class. India News. *Hindustan Times*, New Delhi, 16.04.2019. <https://hindustantimes.com/india-news/many-layers-within-india-s-middle-class/story-18h8YO4jgMpeivUgdKyAkO.html> (accessed 15.05.2021)
12. Maryam Aslany. Towards a New Political Economy of India: the Formation of Rural Middle Classes. Peace Research Institute Oslo, Wolfson College, University of Oxford. 23.11.2020. <https://economicsociology.org/2020/11/23/towards-a-new-political-economy-of-india-the-formation-of-rural-middle-classes/> (accessed 25.05.2021)
13. Хромова Н.Г. Алмазно-бриллиантовый комплекс Индии на мировом алмазном рынке. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 11, с. 16-21. DOI: 10.31857/S032150750007017-0
14. Khromova N.G. The diamond complex of India in the global diamond market. *Aziya i Afirka segodnya*. 2011, № 1 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750007017-0

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Брагина Елена Аркадьевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центр проблем развития и модернизации, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Elena A. Bragina, Dr.Sc. (Economics), Chief Researcher, Center for Development and Modernization Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
20.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
18.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
10.08.2021

Стратегия наступления Вашингтона и Токио в АТР

© Гордеева И.В.^a, 2021

^a Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8503-9550; igordeeva@hse.ru

Резюме. Статья посвящена актуальной теме - выдвижению новой американской администрации наступательной стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), направленной на обеспечение лидерства в регионе США и их союзников с применением, в случае необходимости, силовых методов. Главным объектом этой стратегии становится Китай, который, как указывается, является «единственным соперником, способным представить реальный вызов стабильной и открытой международной системе».

С одной стороны, в последние годы Китай стал важным экономическим партнером для стран АТР, однако, с другой стороны, его мощный экономический рост и «агрессивная политика, нарушающая существующий статус-кво» в регионе привели, как утверждают в США и Японии, к серьезной напряженности. Особое место в политике Вашингтона отводится Японии, взявшей курс на дальнейшее укрепление японо-американского альянса.

На первый план в качестве центральной стратегической доктрины выдвинута концепция *FOIP* (*Free and Open Indo-Pacific region* - «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»). Важной составляющей этой политики является значительное наращивание военных усилий этими странами в АТР в контексте конфронтации с Пекином.

Пока не ясны перспективы дальнейшего развития ситуации вокруг стратегии *FOIP*. Хотя для США и Японии направление движения определено - создание как можно более широкого антикитайского блока, далеко не всё ясно с позицией других стран региона - Индии, стран АСЕАН, которые явно не хотели бы ввязываться в опасную конфронтацию с Китаем.

Ключевые слова: американо-японский альянс, Китай, концепция *FOIP*, наращивание американских и японских военных усилий

Для цитирования: Гордеева И.В. Стратегия наступления Вашингтона и Токио в АТР. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 22-30. DOI: 10.31857/S032150750016840-6

The new offensive strategy of Washington and Tokyo in the APR

© Irina V. Gordeeva^a, 2021

^a HSE University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8503-9550; igordeeva@hse.ru

Abstract. The article is devoted to an important and topical issue - the advancement by the new American administration of an offensive strategy in the Asia-Pacific region (APR), aimed at ensuring the leading role in the region of the United States and its allies and applying, if necessary, the use of force. This strategy has led to a serious shift in the overall situation in the region and to rising tensions. The main target of this strategy is China, which is claimed to be "the only competitor capable of presenting a real challenge to a stable and open international system".

On the one hand, China in recent years has become an important economical partner to the countries of the APR, but its rapid growth and "assertive policy undermining existing status-quo" raised, as it stated by Washington and Tokyo, great anxiety. A special role in the U.S. policy is given to Japan, which has taken a course towards further strengthening the Japanese-American alliance and enhancing its role in the affairs in the region and on the world stage.

The concept of a "Free and Open Indo-Pacific region" (FOIP) has been put forward by Washington and Tokyo, as their central strategic doctrine. An important component of this policy is a significant build-up of military efforts by these countries in the APR - in the context of the confrontation with Beijing. Although the situation is really dangerous and the parties will have to reckon with new circumstances, carefully calibrating their actions, however, each of them, as expected, will try to avoid a direct armed clash that could have unpredictable consequences.

Keywords: U.S.-Japan Alliance, China, FOIP concept, build-up of military efforts by the U.S. and Japan

For citation: Irina V. Gordeeva. The new offensive strategy of Washington and Tokyo in the APR. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 22-30. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016840-6

ВВЕДЕНИЕ

В развернутой администрации Байдена попытке тотального наступления на мировой арене одно из центральных мест занимает Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). В опубликованном 3 марта 2021 г. т.н.

«Промежуточном стратегическом руководстве по национальной безопасности» определен и главный объект глобальной борьбы за влияние - Китай, который, как указывается, «является единственным соперником, потенциально способным, объединив свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, представить реальный вызов стабильной и открытой международной системе»¹.

Поставлена задача: в условиях растущих вызовов в международных делах, «возглавить и поддерживать стабильную и открытую международную систему, базирующуюся на сильных демократических союзах, партнерствах, многосторонних институтах и правилах». «Мы будем способствовать тому, - говорится в Руководстве, - что Америка, а не Китай будет устанавливать международную повестку дня». Указывается также, что в отношениях с Пекином США «будут действовать с позиции силы», что сразу же было подкреплено угрозами «призвать Китай к ответу» за не понравившиеся Вашингтону действия.

Предусмотрены и конкретные действия по значительному наращиванию военных усилий США в АТР. В частности, принята и включена в американский бюджет на 2022 фин. г. т.н. «Тихоокеанская инициатива сдерживания» с выделением, применительно к Китаю и с учетом китайских военных программ, \$5,1 млрд (в рамках других крупных американских военных расходов в АТР)².

Провозглашенный Вашингтоном курс приобретает все более системный и всеохватывающий характер, общая цель которого - формирование широкого антикитайского фронта. В отличие от импульсивных действий администрации Д.Трампа - зачастую в ущерб отношениям даже со своими союзниками, - упор сделан на консолидации сил с Европейским Союзом и партнерами по НАТО. Данный подход четко проявился в принятых на последних саммитах США-ЕС, в рамках форума G7, саммите НАТО, документах, определивших совместную стратегию в отношении КНР.

Особое место в стратегии новой американской администрации заняла Япония, что подтверждают предпринятые Вашингтоном шаги на азиатском и японском направлении. Новый японский премьер был одним из первых мировых лидеров, кому позвонил Д.Байден сразу после инаугурации, и уже в апреле состоялся визит Ёсихидэ Суги в США (обычно на встречу с новым президентом первым в Вашингтон ездил премьер-министр Великобритании). В разговоре Д.Байдена по телефону с японским лидером 28 января стороны подтвердили стремление «и дальше укреплять японо-американский союз». Подчеркнуто «значение усиления присутствия США в Индо-Тихоокеанском регионе». Американский президент «высоко оценил вклад Японии в отношения между США, Японией, Австралией и Индией»³.

4 марта стороны провели «двустороннюю дискуссию по вопросам безопасности», в ходе которой, как указывалось, оба правительства «продемонстрировали силу и стойкость (*resilience*) японо-американского альянса». Было выражено «строгое неприятие односторонних попыток изменить статус-кво, путем применения силы или принуждения, в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях». Подтверждено намерение «усилить сдерживание и способность дать ответ, укрепить японо-американский альянс»⁴.

А 15-18 марта состоялись первые зарубежные визиты госсекретаря США Э.Блинкена и министра обороны Л.Остина в Японию и в Южную Корею, в ходе которых проведено заседание японо-американского Консультативного комитета по безопасности в формате «2+2» (министры иностранных дел и обороны). На встрече министра иностранных дел Т.Мотэги и Э.Блинкена стороны заявили, что «японо-американский альянс является краеугольным камнем мира и процветания в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире»⁵.

В принятом по итогам японо-американской встречи в формате «два плюс два» Совместном заявлении от 16 марта обозначена позиция сторон с упором на весьма жесткие действия в отношении Китая. Японская сторона заявила о решимости «усиливать свои способности укреплять национальную оборону и альянс (с США), а Соединенные Штаты подтвердили обязательства защищать Японию с использованием всех своих возможностей, включая ядерные»⁶.

¹ The White House. Interim National Security Strategic Guidance. 03.03.2021. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/> (accessed 06.03.2021)

² Pacific Deterrence Initiative. https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2022/fy2022_Pacific_Deterrence_Initiative.pdf (accessed 10.06.2021)

³ Japan-U.S. Summit Telephone Talk. 28.01.2021. https://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page1e_000305.html (accessed 31.01.2021)

⁴ Japan and the United States Hold Bilateral Security Discussions. 04.03.2021. https://www.mofa.go.jp/press/release/press3e_000180.html (accessed 05.03.2021)

⁵ <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-japanese-foreign-minister-toshimitsu-motegi-before-their-meeting/> (accessed 18.03.2021)

⁶ Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee (2+2). 16.03. 2021. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100161035.pdf> (accessed 19.03.2021)

Относительно Китая утверждалось, что «его поведение несовместимо с существующим международным порядком, представляет политическую, экономическую, военную и технологическую угрозу альянсу и международному сообществу». Изложен стандартный набор обвинений против Пекина: подрыв статус-кво в Восточно-Китайском море, нарушение мира и стабильности в Тайваньском проливе, незаконные претензии и опасная активность в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, нарушение прав человека в Гонконге и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и др. Особое беспокойство высказывалось по поводу принятого Китаем 22 января 2021 г. Закона о морской полиции (береговой охране), согласно которому допускается применение оружия в случае, если иностранный корабль «ведет незаконную хозяйственную деятельность в акватории КНР» и не подчиняется приказам китайской стороны⁷.

Соответствующий набор обвинений, причем в нарочито грубой форме, повторен американской стороной в состоявшейся, по инициативе США, встрече в Анкоридже 18-19 марта госсекретаря Э.Блинкена и советника президента США по национальной безопасности Д.Салливана с членом политбюро ЦК КПК Ян Цзечи и министром иностранных дел КНР Ван И⁸. Китайская сторона, настроенная первоначально на конструктивный разговор с американскими представителями, столь же жестко ответила на американские обвинения. Развернутый официальный комментарий с осуждением политики США буквально по всем направлениям был изложен представителем МИД КНР Чжао Лицзянем на пресс-конференции 17 марта. Указано также, что Япония стала «стратегическим вассалом» США, подрывает к себе доверие, наносит ущерб отношениям с Китаем, предаёт коллективные интересы всего региона⁹.

Настойчиво пытались в Вашингтоне провести аналогичную встречу и с представителями КНДР, однако в Пхеньяне, после долгого молчания, назвали указанные попытки США «дешевыми трюками», направленными на то, чтобы выиграть время и воздействовать на общественное мнение.

КОНЦЕПЦИЯ (FOIP) КАК МЕТОД США И ЯПОНИИ В УТВЕРЖДЕНИИ СВОЕГО ГОСПОДСТВА В РЕГИОНЕ

Формулируя политику в АТР, США и Япония на первый план выдвигают в качестве центральной стратегической доктрины концепцию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (FOIP), которая, как указывается в программных японских документах, якобы «должна стать основой международного порядка в пост-КОВИД-19 период»¹⁰. При этом, подчеркнул министр иностранных дел Японии Т.Мотеги в своей речи 25 февраля 2021 г. в рамках Второго Токийского диалога, «Япония полна решимости взять на себя руководящую роль в построении такого глобального порядка, укрепив тем самым присутствие Японии в мировом сообществе» [1].

Важной целью указанного геополитического построения является создание противовеса инициативе Пекина «Один пояс - один путь» (ОПОП). При этом серьезные расчеты связываются с «перетягиванием» на сторону Запада Индии - крупнейшей страны с ее огромным потенциалом. Учитываются непростые отношения Дели с Пекином, соперничество двух стран на Азиатском континенте, разделяемая Индией с Соединенными Штатами, Японией и многими странами Азии озабоченность по поводу действий Китая в Южно-Китайском море (ЮКМ). В целом, согласно оценкам многочисленных политологов и наблюдателей, речь идет о сколачивании антикитайского блока, своего рода «восточного НАТО».

Заметно усилилась активность сторон в продвижении доктрины FOIP. Состоялся ряд встреч на уровне министров иностранных дел (в формате видеоконференций, а 26 октября 2020 г. - в Токио) - т.н. «четверки» (Quad) в составе США, Японии, Австралии, Индии.

12 марта 2021 г. состоялась, по инициативе США, встреча «четверки» на высшем уровне (в формате видеоконференции), где Д.Байден выступал в качестве хозяина мероприятия. В принятом на саммите Совместном заявлении ("The Spirit of the Quad") сказано, что «вместе» стороны «привержены продвижению сво-

⁷ Береговая охрана Китая получит полномочия открывать огонь по иностранным кораблям. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10537853> (accessed 14.03.2021)

⁸ U.S., Chinese Diplomats Clash in First High-Level Meeting of Biden Administration. 18.03. 2021. <https://www.usnews.com/news/world/articles/2021-03-18/us-china-set-to-broach-icy-relations-in-alaska-talks> (accessed 19.03.2021)

⁹ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on March 17, 2021. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1861993.shtml (accessed 22.03.2021)

¹⁰ Prime Minister Suga and Foreign Minister Motegi's Attendance at the 2nd Tokyo Global Dialogue. 25.02.2021. https://www.mofa.jp/fp/pp/page6e_000230.html (accessed 26.02.2021)

бодного, открытого порядка, основанного на правилах, базирующихся на международном праве, чтобы способствовать безопасности и процветанию региона и противодействовать угрозам, как в регионе Индо-Тихоокеанского региона, так и за его пределами»¹¹.

Согласно словам советника президента США по национальной безопасности Д.Салливана, «четверо лидеров обсудили вызов, который представляет собой Китай, и они дали ясно понять, что ни у кого нет никаких иллюзий насчет Китая». Тем не менее, сказал он, в фундаментальном смысле обсуждения не были посвящены Китаю. В ходе брифинга 12 марта в Белом доме он также сказал, что «*Quad*» не является военным союзом. Это не новое НАТО, несмотря на некоторые пропагандистские утверждения по этому поводу». Согласно Салливану, президент Байден исходит из того, что «зона Индийского океана и Азиатско-Тихоокеанский регион имеют центральное значение для национальной безопасности США»¹².

Американской стороной, еще при администрации Д.Трампа, ставился вопрос о том, что настало время для «институализации» *FOIP* [2]. Однако подобные предложения встретили негативную реакцию со стороны АСЕАН, поскольку появление нового формата отодвигало бы в сторону как саму АСЕАН, так и сложившиеся, под эгидой АСЕАН диалоговые механизмы в АТР. Не хотела бы входить в новые формальные блоки - на антикитайской основе - и Индия, которая предпочитает сохранять свободу рук во взаимоотношениях с другими великими державами, тем более, будучи участницей ряда важных механизмов, членом которых является и Китай (ШОС, БРИКС, РИК).

Заметно усилилось внимание Токио к малым государствам Океании, которые в совокупности представляют собой разветвленную опорную сеть на просторах Тихого океана, контролируемую Соединенными Штатами и их союзниками. 2 июля 2021 г. прошла - в виртуальном формате и под эгидой Токио - уже 9-я встреча лидеров стран региона (приняли участие лидеры или представители практически всех стран данного региона, а также Австралии). В принятой на форуме совместной Декларации указано, что все страны региона «признают общие ценности, такие как свобода, демократия и верховенство закона»¹³. Отмечено, что участники встречи обсуждали свое видение Тихоокеанского региона в свете концепции стран-членов Форума тихоокеанских островов (*PIF*) «Рамки тихоокеанского регионализма» и идеи Японии о «Свободном и открытом Индо-Тихоокеанском регионе». Тема Китая в Декларации прямо не затрагивалась.

УСИЛИЯ ЯПОНИИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ПОЗИЦИЙ СТРАНЫ В РЕГИОНЕ И В МИРЕ

В обстановке нарастания, согласно японским оценкам, «тревожных тенденций в регионе и угроз национальной безопасности страны» заметно усилилась активность Токио на внешнеполитическом направлении, предпринимаются попытки поднять роль Японии в АТР и на международной арене. «Международный порядок, базирующийся на универсальных ценностях таких, как свобода, демократия, права человека, верховенство закона, обеспечивающий стабильность и процветание мира, в том числе Японии, говорится в Голубой книге японской дипломатии за 2020 г., сталкивается с попытками односторонне изменить статус-кво путем применения силы, нарастают терроризм и яростный (*violent*) экстремизм» [3].

Основные угрозы для себя в Токио видят в «экспансионистской» политике Китая, наращивании им вооружений, включая ракетно-ядерные, в стремлении Пекина поставить под свой контроль обширные акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, в достигших опасных размеров северокорейских ракетно-ядерных силах и явном нежелании Пхеньяна отказываться от своих ядерных программ [4]. Все это, как подчеркивается, требует принятия со стороны Японии неотложных ответных мер.

Поставлена задача «осуществить большой вклад в укрепление мира и стабильности в регионе и в международном сообществе», стать «нормальным государством», как другие государства мира. 1 июля 2014 г. кабинет министров С.Абэ принял резолюцию дающую новое толкование (*reinterpreting*) 9-й статьи Конституции, в соответствии с которым обосновывалось право Японии на «коллективную оборону», в частности, возможность использования японских Сил самообороны не только в случае вооруженного нападения на

¹¹ Quad Leaders' Joint Statement "The Spirit of the Quad". 12.03.2021. <https://www.mofa.go.jp/files/100159230.pdf> (accessed 13.03.2021)

¹² Лидеры Австралии, Индии, США и Японии по видеосвязи обсудили вызовы со стороны Китая. 12.03.2021. <https://www.newsru.com/world/12mar2021/big4.html> (accessed 14.03.2021)

¹³ The Ninth Pacific Island Leaders Meeting (PALM 9) Leaders Declaration. July 2, 2021. <https://www.mofa.go.jp/files/100207980.pdf> (accessed: 05.07.2021)

Японию, но и для оказания помощи своим союзникам, в т.ч. за пределами японской территории, «если это диктуется интересами безопасности страны»¹⁴.

Указанный курс Японии встречает полную поддержку со стороны Соединенных Штатов. В Вашингтоне явно не прочь активнее использовать значительный потенциал Японии, как в глобальном плане, так и в качестве противовеса КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В имеющем принципиально важное значение Совместном японо-американском заявлении от 10 февраля 2017 г. (по итогам визита С.Абэ в США) стороны подчеркнули, что краеугольным камнем мира, процветания и свободы в АТР является «нерушимый американо-японский альянс». «Непоколебимы обязательства США защищать Японию всем комплексом военных возможностей США, как ядерных, так и обычных», Соединенные Штаты усилят свое присутствие в АТР, «все большую роль и ответственность в альянсе возьмет на себя Япония»¹⁵.

В документе японского МИД «О политике Японии в сфере безопасности» отмечено, что Токио «берет курс на усиление военного потенциала Японии, подготовку условий для ведения военных операций за пределами японской территории» [5]. По заявлению министра иностранных дел Японии Т.Мотэги на сессии японского парламента 20 января 2020 г., Японии следует добиваться «восстановления мирового порядка», задавая тон в усилиях по выработке новых правил и выдвижении различных инициатив в целях установления более стабильного и устойчивого порядка в свете быстро меняющейся международной обстановки»¹⁶.

Пришедшая к власти в Японии в сентябре 2020 г. новая администрация в лице премьер-министра Ё.Суги, близкого соратника и единомышленника С.Абэ, заявила о своем твердом стремлении продолжить намеченные при прежней администрации ориентиры японской политики¹⁷.

Особое беспокойство США и Японии вызывает ситуация в регионе Южно-Китайского моря, где в последние годы отмечена значительная активность Китая, расширяющего шаг за шагом свой контроль над акваторией ЮКМ.

В основе позиции Токио в регионе ЮКМ лежит стремление не допустить, во взаимодействии с Вашингтоном, доминирования Китая в регионе, что значительно усилило бы стратегические позиции Пекина, позволило бы ему контролировать жизненно важные для Запада транспортные артерии, предоставило китайским ВМС, ВВС и, что особенно беспокоит Вашингтон и Токио, подводным лодкам, безопасный проход в Тихий океан. На данный момент выходы для китайских кораблей и самолетов в Тихий океан из района Восточно-Китайского и Желтого морей, по сути, перекрыты контролируемой Соединенными Штатами и Японией т.н. «первой линией островной цепи» (от Хоккайдо до Малайского архипелага).

Соответствующая базисная позиция Японии была изложена 26 сентября 2016 г. в «политической речи» премьер-министра С.Абэ на очередной сессии японского парламента. Он заявил: «Односторонние попытки изменить статус-кво неприемлемы нигде в мире, включая Восточно-Китайское море и Южно-Китайское море. Все проблемы должны быть разрешены мирным и дипломатическим путем, основанным на международном праве, а не путем применения силы. Кроме того, мы будем решительно защищать территориальное, морское и воздушное пространство Японии»¹⁸.

На протяжении десятилетий Япония обладала преимущественным влиянием в ЮВА, однако теперь в экономическом плане японцев постепенно начинает теснить Китай. КНР уже вышла в регионе на 1-е место по объемам внешней торговли. Так, по данным за 2018 г., товарооборот со странами АСЕАН составил: Китай - \$534,2 млрд, ЕС - \$303, США - \$303,3, Япония - \$237,8 млрд¹⁹. Растут прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая в крупные, в т.ч. инфраструктурные, проекты. В то же время текущие инфраструктурные проекты Японии в регионе оцениваются в \$367 млрд, что на \$100 млрд больше китайских вложений²⁰.

¹⁴ Cabinet Decision on Development of Seamless Security Legislation to Ensure Japan's Survival and Protect its People. 01.07.2014. http://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page23e_000273.html (accessed 12.12.2020)

¹⁵ www.mofa.go.jp/na/na1/us/page3e_000647.html (accessed 10.08.2020)

¹⁶ Foreign policy speech by Minister Motegi to the 201st Session of the Diet. 20.01.2020. https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page3t_001153.html (accessed 24.05.2020)

¹⁷ Asahi. 18.04.21. <https://www.asahi.com/articles/ASP4H750DP4HUTFK01X.html?ref=webpush0417>

¹⁸ Policy speech by Prime Minister to the 192th Session of the Diet. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201609/1219316_11015.html (accessed 12.04.2020)

¹⁹ Российский внешнеэкономический вестник. 12.2019. [www.rfej.ru/rvv/id/A0039D6F8/\\$file/7-21.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/A0039D6F8/$file/7-21.pdf)

²⁰ Japan, not China, is the biggest investor in Southeast Asia's infrastructure. <https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2019/06/26/japan-beats-china-in-the-philippines-singapore-and-vietnam/#e6a0e8d39d81> (accessed 12.04.2021)

Неравномерно развиваются японо-китайские отношения, периоды нормализации в них сменяются резкими обострениями. Воспринимая Китай как главную угрозу и главного соперника в регионе, и полностью солидаризируясь с Вашингтоном в том, что «необходимо дать отпор действиям КНР по подрыву статус-кво в регионе», в Токио, тем не менее, не могут не учитывать сложившиеся за последние годы тесные связи экономик двух стран, значительный объем двусторонней торговли, проявляют готовность к сотрудничеству с Китаем в сфере развития региональной инфраструктуры.

В отличие от предпринятой Вашингтоном целой серии серьезных шагов в поддержку Тайваня, вызвавших резкие протесты со стороны Пекина, Токио до последнего времени вел себя в тайваньском вопросе намного осторожнее, ограничиваясь, в основном, призывами «не нарушать безопасность и стабильность в зоне Тайваньского пролива». Однако в последнее время Япония выступает со все более жесткими заявлениями по Тайваню. В частности, в опубликованной 13 июля 2021 г. очередной Белой книге по обороне указано, что в условиях, когда «Китай наращивает военную активность вокруг Тайваня», «стабилизация окружающей Тайвань обстановки приобретает важное значение для безопасности Японии и для стабильности международного сообщества»²¹.

Серьезным тормозом в отношениях Токио и Пекина является бескомпромиссный спор сторон из-за имеющих важное стратегическое значение островов Сэнкаку в Восточно-Китайском море, находящихся под японским контролем. Положение осложняется жесткими, раз за раз повторяющимися заявлениями США о распространении на указанные острова американских обязательств по американо-японскому Договору о взаимной безопасности 1960 г. Подобные заявления неизменно вызывают у Пекина, отстаивающего «суверенное право» Китая на указанные острова (кит. Дяо юй дао), резкую критику.

На базе общих интересов в решении проблем АТР произошло заметное сближение Японии с Индией. Практически ежегодно проводятся встречи сторон на высшем уровне. В совместном заявлении от 12 декабря 2015 г. премьер-министры С.Абэ и Н.Моди договорились разработать «всеобъемлющий и конкретный среднесрочный и долгосрочный план действий» в соответствии с «представлениями сторон о картине мира в 2025 г.»²².

В противовес «морской части» китайской инициативы ОПОП Токио и Дели представили свой проект - создание «Афро-Азиатского коридора роста». В рамках этого проекта стороны приступили к широкому инфраструктурному строительству в странах бассейна Индийского океана, расширению торговли, увеличению инвестиций, оказанию содействия в усовершенствовании методов управления и др. Важная часть этой программы - строительство в Индии с японской помощью сети современных железных и шоссейных дорог [6].

Что касается взаимоотношений Японии с Россией, то за последние годы стороны существенно укрепили взаимные связи, в чем немалую роль сыграли надежды С.Абэ добиться сдвигов в пользу Японии в решении проблемы «северных территорий». Теперь, очевидно, японской стороне придется учитывать новые моменты на российско-японских переговорах о заключении мирного договора в связи с принятием поправки к Конституции РФ о территориальной целостности страны. В своей первой программной речи 28 октября 2020 г. на заседании японского парламента новый японский премьер-министр Ё.Суга заявил, что с помощью откровенного диалога на уровне высшего руководства сторон он будет стремиться к всестороннему развитию отношений с Россией, включая заключение мирного договора.

В то же время резкое наращивание в последнее время Вашингтоном и Токио своих военных усилий в АТР, проведение совместных масштабных учений, в т.ч. числе вблизи российских границ, нарастающие протесты по поводу законной деятельности РФ в районе Южных Курил, не может не вызывать озабоченности с нашей стороны. В России, в частности, обратили внимание на заявление министра обороны Японии Н.Киси 29 июня 2021 г. в ходе его инспекционной поездки на Хоккайдо о «критической значимости» для Японии северного направления²³.

²¹ Defense of Japan. 2021. https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2021/DOJ2021_Digest_EN.pdf

²² Joint Statement on India and Japan Vision 2025. 12.12.2015. New Delhi. http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/26176/Joint_Statement_on_India_and_Japan_Vision_2025_Special_Strategic_and_Global_Partnership_Working_Together_for_Peace_and_Prospersity_of_the_IndoPacific_R (accessed 14.05.2020)

²³ Комментарий официального представителя МИД РФ М.В.Захаровой в связи с японо-американскими военными учениями «Восточный щит». 03.07.2021. https://www.mid.ru/da/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4807074 (accessed 04.07.2021)

МОДЕРНИЗАЦИЯ И УКРЕПЛЕНИЕ ЯПОНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Япония осуществляет планомерный курс по укреплению своего военного потенциала, давно перешагнув ограничительные рамки, установленные японской конституцией 1947 г. Хотя по размерам своих военных расходов страна занимает скромное, 9-е место в мире (\$47,6 млрд в 2019, 0,9% от ВВП Японии²⁴), в последние годы идет их постепенное увеличение как в количественном (примерно по 2% в год в 2010-2019 гг.), так и, особенно, в качественном отношении.

4 декабря 2013 г. был учрежден Совет национальной безопасности (СНБ) Японии во главе с премьер-министром, в состав которого вошли ведущие министры кабинета (СНБ заменил созданный в 1986 г. Совет безопасности). В задачи СНБ входит проведение обсуждений по стратегическим вопросам, координация действий правительственных ведомств в вопросах национальной политики - «в интересах реализации сильного политического руководства». Рабочим органом СНБ становится специально созданное Управление по обеспечению национальной безопасности.

На состоявшемся 17 декабря 2013 г. заседании кабинета министров были приняты «Стратегия национальной безопасности» (первый документ такого рода в истории Японии); «Основные направления оборонной политики» и «Среднесрочная программа оборонной политики», базирующаяся на «Стратегии национальной безопасности»; создан Совещательный механизм по созданию правовой базы в сфере безопасности, который занимается вопросами, касающимися Конституции Японии, включая вопросы коллективной обороны; «Руководящие принципы передачи за рубеж японской оборонительной техники и оборудования» (из содержания документа видно, что речь шла и о продаже оружия) и др. [5].

На основе указанных решений осуществляются шаги по дальнейшему перевооружению Японии, оснащению японских ВС новейшими американскими вооружениями, развивается и собственное производство современных вооружений. Особое внимание уделяется, с учетом ускоренного укрепления Китаем своих ВМС, строительству мощного японского военно-морского флота (производство новейших эсминцев-вертолетоносцев, современных подводных лодок и др.), средств ПВО, созданию своих твердотопливных ракет. Половина японских вооруженных сил должна стать мобильной.

Большой резонанс вызвали планы Японии разместить на своей территории американские наземные системы «Иджис», предназначенные для защиты от баллистических ракет малой и средней дальности. В Китае и России подобные планы называли серьезной угрозой их безопасности. В итоге, правительство Японии приняло решение пока отказаться от этого, сославшись на имеющиеся на данный момент финансовые проблемы.

В принятых 18 декабря 2018 г. «Руководящих принципах программы национальной обороны Японии на финансовый 2019 г. и далее» поставлена задача, наряду с дальнейшим укреплением японской армейской триады (сухопутные силы, ВВС, ВМС), принять меры - в соответствии с новейшими трендами в развитии вооружений в передовых странах - к ускоренному развитию новых направлений в создании японских вооруженных сил: космос, кибернетическое пространство, электромагнитный спектр и др. [4].

ПОЛИТИКА ТОКИО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Значительные усилия направляются на укрепление экономических позиций Японии, которые заметно пошатнулись в результате длительного периода дефляции²⁵.

Сразу же после прихода к власти в декабре 2012 г. администрации С. Абэ был взят амбициозный курс на возрождение экономической мощи страны под лозунгом «Япония возвращается». В июне 2013 г. утверждена детально проработанная стратегия оздоровления экономики Японии, которую окрестили «абэно-микой»²⁶.

В заявлениях японских руководителей курс Японии в сфере экономики противопоставляется внешне-экономической практике Китая. Подчеркивается, в частности, что, в отличие от «своекорыстных дейст-

²⁴ SIPRI Fact Sheet. Trends in world military expenditure, 2019. https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_o_o.pdf (accessed 21.08.2020)

²⁵ Япония, тем не менее, остается одной из мощнейших экономических держав; занимала в 2019 г. 3-е место в мире (после США и Китая) по размерам своего ВВП - \$5,08 трлн. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=JP>

²⁶ Japan Revitalization Strategy (Japan is back). 14.06. 2013. <https://docplayer.net/3476484-Japan-revitalization-strategy-japan-is-back.html> (accessed 20.06.2020)

вий» Пекина, политика Токио основана на «открытости, справедливости, соблюдении общепринятых экономических норм» [7]. В ходе разговора по телефону 23 марта 2021 г. министра иностранных дел Японии Т.Мотэги и представителя США по вопросам торговли К.Тай стороны отметили, что в условиях «подрывающих рынок мер со стороны таких стран, как Китай, «Япония и США будут тесно сотрудничать, имея в виду поддержание и установление глобального экономического порядка»²⁷.

В 2015 г. японское правительство выступило с рассчитанной на 5 лет (2016-2020 гг.) программой «Партнёрство в создании качественной инфраструктуры» (*Partnership for Quality Infrastructure*). В соответствии с этой программой предполагалось предоставление, совместно с Азиатским банком развития (АБР), \$110 млрд в качестве инвестиций на цели инфраструктурных проектов в странах АТР (по \$50 млрд от Японии и АБР). В дальнейшем была дополнительно выдвинута программа «Расширенное партнёрство ради качественной инфраструктуры», в соответствии с которой планировалось выделение в 2017-2021 гг. \$200 млрд на «качественное инфраструктурное строительство во всем мире»²⁸. Предусматривался льготный характер кредитов, соблюдение прав их получателей, предоставление гарантий против возможных потерь и т.д. Данная инициатива часто противопоставляется китайской инициативе ОПОП, которую и в США, и в Японии критикуют за то, что она является непрозрачной, направленной на закрепление влияния Китая, преследующего лишь собственную выгоду, в регионе.

Японии ведет активную политику в сфере интеграционных объединений в АТР, что приносит свои плоды. Токио занимает лидирующие позиции во Всеобъемлющем прогрессивном транстихоокеанском партнёрстве, является одной из ведущих сил в механизме Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства. Растут возможности Японии влиять на экономическую ситуацию в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе, расширить географию своих экономических связей, использовать открывающиеся кратчайшие пути для продвижения японских товаров, услуг и капиталов в Центральную Азию и в Европу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, выдвижение США и Японией наступательной стратегии на мировой арене вносит важные коррективы в ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как подчеркнул на пресс-конференции 16 марта министр иностранных дел Японии Т.Мотэги, «стратегическая обстановка в АТР вступила в полностью иное измерение, чем это было раньше»²⁹.

Важнейшим новым моментом с приходом администрации Д.Байдена стало выступление США и Японии и их союзников единым фронтом против Китая, который, как утверждает западными державами, своим напористым и агрессивным поведением якобы поставил под угрозу существующий международный порядок.

Сейчас международная пресса и политологические издания наполнены гаданиями, каковы могут быть последствия указанных шагов. Общий вывод следующий: хотя ситуация действительно опасна и стороны будут вынуждены считаться с новыми обстоятельствами, тщательно выверяя свои действия, однако каждая из них все же постарается избежать прямого вооруженного столкновения, грозящего непредсказуемыми последствиями.

Пока не ясны перспективы дальнейшего развития ситуации вокруг стратегии *FOIP*. Хотя для США и Японии направление движения определено - создание как можно более широкого антикитайского блока, далеко не все ясно с позицией других стран региона - Индии, стран АСЕАН. В то время как многие из них не прочь ограничить и сдержать нежелательные для них проявления политики Пекина, в первую очередь, в районе Южно-Китайского моря, они, вместе с тем, явно не хотели бы ввязываться в опасную конфронтацию с Китаем, тем более что для большинства стран региона КНР стала едва ли не главным экономическим партнером. Совершенно четко обозначили свои интересы страны АСЕАН - сохранение центральной роли в регионе АСЕАН и связанных с ней механизмов.

²⁷ Telephone talk between Foreign Minister Motegi and US Trade Representative Tai. 23.03.2021. https://www.mofa.go.jp/press/release/press3e_000191.html (accessed 14.04.2021)

²⁸ The G7 Ise-Shima Summit "Expanded Partnership for Quality Infrastructure". 2016. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (accessed 26.06.2020)

²⁹ Secretary A.Blinken, Secretary of Defense L.Austin, Japanese Foreign Minister T.Motegi, and Japanese Defense Minister N.Kishi at a Joint Press Availability. 16.03.2021. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-secretary-of-defense-lloyd-austin-japanese-foreign-minister-toshimitsu-motegi-and-japanese-defense-minister-nobuo-kishi-at-a-joint-press-availability/> (accessed 18.03.2021)

Твердую позицию против очередных попыток разделить страны региона на противоборствующие блоки заняли Россия и Китай.

REFERENCES

1. Motegi T. Japan's Foreign Policy towards the post-COVID-19 world. 25.02.2021. <https://www.mofa.go.jp/files/100152808.pdf> (accessed 11.02.2021)
2. The Japan Times. 07.02.2021. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/2/07/national/politics-diplomacy/quad-online-meeting-us-china-japan/> (accessed 11.02.2021)
3. Diplomatic Bluebook 2020. Overview of the International Situation. P. 10. <https://www.mofa.go.jp/files/100105301.pdf> (accessed 15.02.2021)
4. National Defense Program for FY 2019 and beyond. 18.12.2018. https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218_e.pdf (accessed 11.02.2021)
5. Japan's Security Policy. 16.06.2015. <http://www.mofa.go.jp/policy/security/index.html#02> (accessed 11.02.2021)
6. Nili Basu. Thinking Africa, India, Japan, and the Asia-Africa Growth Corridor. *The Diplomat*. 03.06. 2017.
7. Yoshimatsu H. Japan's Export of Infrastructure Systems: Pursuing Twin Goals through Development Means. *The Pacific Review*. 30.04.2017. Pp. 492-512. (accessed 08.05.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гордеева Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения ф-та мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Irina V. Gordeeva, PhD (History), Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
09.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
27.07.2021

Принята к публикации (Accepted)
14.09.2021

Существующие практики и риски злонамеренного использования искусственного интеллекта в странах Африки к югу от Сахары

© Панцерев К.А.^а, 2021

^а Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2164-9525; pantserev@yandex.ru

Резюме. В современном мире неперенным условием обеспечения лидирующих позиций на мировой арене для любого государства является развитие прорывных технологий. Однако и так очевидно, что любые технологические новации создают риск их злонамеренного использования в будущем. Страны Африки в этом отношении не являются исключением. Они регулярно становятся жертвами кибератак, которые с каждым годом, по мере развития информационных технологий, становятся все более высокотехнологизированными.

В статье предпринят анализ существующей практики и рисков злонамеренного применения передовых технологий в странах Африки, расположенных южнее Сахары. Автор отмечает, что сегодня кибератакам в наибольшей степени подвергается банковский сектор. Однако передовые технологии постепенно начинают применяться также с целью манипулирования массовым сознанием и создания необходимого злоумышленникам общественного мнения, направленного на рост социальной напряженности в отдельных странах и регионах, что представляет весьма серьезную угрозу международной информационно-психологической безопасности.

В конечном итоге, автор делает вывод о том, что странам Африки следует разработать эффективные наднациональные инструменты, направленные на повышение уровня своей информационной защищенности и недопущения дальнейшего злонамеренного использования работающих на основе искусственного интеллекта технологий. До тех пор, пока этого не произойдет, представляется маловероятным, что африканские страны хотя бы приблизятся к решению проблемы обеспечения их информационной безопасности, а значит, их информационное пространство будет и впредь подвергаться масштабным кибератакам, представляющим серьезную угрозу не только безопасности отдельных людей, но и всей системе национальной безопасности государства.

Ключевые слова: страны Африки южнее Сахары, информационные технологии, стратегическая коммуникация, искусственный интеллект, информационно-психологическая безопасность, инновации

Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке СПбГУ. Проект № 73555239 «Искусственный интеллект и наука о данных: теория, технология, отраслевые и междисциплинарные исследования и приложения».

Для цитирования: Панцерев К.А. Существующие практики и риски злонамеренного использования искусственного интеллекта в странах Африки к югу от Сахары. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 31-37. DOI: 10.31857/S032150750016841-7

Existing practice and risks of malicious use of artificial intelligence in Sub-Saharan Africa

© Konstantin A. Pantserev^a, 2021

^a Saint-Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2164-9525; pantserev@yandex.ru

Abstract. The necessity of the development of advanced technologies is considering as the essential condition for the ensuring of the world leadership in the contemporary world. But the rapid growth of such technologies and their implementation into all spheres of our life increase the risk of their malicious use in the future. African countries are no exception in this regard. They regularly become victims of cyber-attacks, which every year become more and more high-tech.

There has been undertaken in the article the analysis of the existing practice and risks of malicious use of advanced technologies in Sub-Saharan Africa. The author notes that today the banking sector is most exposed to cyber-attacks. But advanced technologies are gradually beginning to be used also for the mind management and creating the public opinion convenient for perpetrators who are aimed on the increase of social tension in certain countries or the entire regions. Undoubtedly even the possibility of such attacks poses a very serious threat to international information and psychological security. Finally, the author comes to the conclusion that African countries should develop effective supranational instruments aimed at improving their information security and preventing further malicious use of advanced technologies. Until this happens, it seems unlikely that African countries will even come close to solving the problem of ensuring their information security. So their information space will continue to be subjected to large-scale cyber-attacks that pose a serious threat not only to the security of individuals, but also to the entire national security system of the state.

Keywords: States of Sub-Saharan Africa, Information Technologies, Strategic Communication, Artificial Intelligence, Information and Psychological Security, Innovations

Acknowledgment. This research was supported by the St. Petersburg State University, project № 73555239 "Artificial Intelligence and the Data Science: Theory, Technology, Sectoral and Interdisciplinary Research and Applications".

For citation: Konstantin A. Pantseriev. Existing practice and risks of malicious use of artificial intelligence in Sub-Saharan Africa. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 31-37. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016841-7

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире неперенным условием обеспечения лидирующих позиций на мировой арене для любого государства является развитие прорывных технологий. Особое внимание при этом уделяется созданию технологий на основе искусственного интеллекта (ИИ), возможности которого растут с каждым днем. Однако следует иметь в виду, что современные информационные технологии развиваются настолько быстрыми темпами, что становится очевидным, что за ними «не поспевают ни правовое регулирование в отдельных странах, ни система международного права, ни существующие механизмы контроля» [1].

В этом как раз и заключается главный вызов цифровой эпохи. Все разработанные в последние годы технологические новации призваны сделать нашу жизнь проще, однако отсутствие эффективных механизмов контроля, равно как и надлежащей нормативно-правовой базы резко повышают риск злонамеренного использования таких технологий.

Искусственный интеллект в этой связи не является исключением, а наша быстро растущая зависимость от компьютеризированных интеллектуальных систем делает нас крайне уязвимыми перед лицом злоумышленников, которые также используют технологии на основе искусственного интеллекта как для удовлетворения своих личных потребностей, так и для нанесения непоправимого урона критически важной инфраструктуре [2]. Данное обстоятельство создает серьезную угрозу международной информационно-психологической безопасности.

РИСКИ ЗЛОНАМЕРЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТРАНАХ АФРИКИ К ЮГУ ОТ САХАРЫ

На первый взгляд, может показаться, что угрозы, связанные с возможным злонамеренным использованием искусственного интеллекта, имеют в Африке второстепенное значение в силу общего относительно невысокого уровня (по сравнению с развитыми странами западной цивилизации) развития ИТ-сферы. Однако это не совсем так. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что за последние два десятилетия странам Африки все-таки удалось добиться существенных успехов в развитии рынка ИКТ. Но в то же самое время, взяв твердый курс на внедрение на своей территории прорывных технологий, указанные государства практически не уделяли внимания необходимости обеспечения своей информационной безопасности. В результате, страны Африки регулярно становятся жертвами кибератак, которые с каждым годом, по мере развития информационных технологий, становятся все более высокотехнологизированными.

Согласно официальным данным, общий объем ущерба от деятельности киберпреступников в Африке превысил \$3,5 млрд. При этом наибольший ущерб приходится на Нигерию (\$649 млн). На втором месте находится Кения (\$210 млн), а на третьем - ЮАР (\$157 млн) [3]. Что касается конкретных сфер деятельности, которые в наибольшей степени подвергаются кибератакам, наиболее уязвимым является банковский сектор африканских стран. Его доля в общем количестве кибератак составляет 23%, затем следуют правительственные структуры различного уровня (19%), электронная торговля (16%), система мобильных переводов (13%) и телекоммуникация (11%) [4].

Применение работающих на основе искусственного интеллекта технологий открывает практически неограниченные возможности для злоумышленников и позволяет им обходить любую киберзащиту. В частности, благодаря передовым технологиям киберпреступники могут:

- скрывать вредоносный код в официальных, безопасных приложениях;
- влиять на голосовую или визуальную аутентификацию;
- получать закрытые ключи для контроля устройств;
- проводить интеллектуальные атаки на системы и сети;
- имитировать надежные компоненты системы [5];
- манипулировать массовым сознанием благодаря умелому использованию поддельного видео (технология дипфейкс).

И с каждым годом количество киберпреступлений неуклонно растет. Так, одна только Кения всего за три месяца 2019 г. (с апреля по июнь) столкнулась более чем с 26 млн кибератак. С нашей точки зрения, подобный стремительный рост числа кибератак за столь короткий промежуток времени обусловлен тем, что цифровая инфраструктура африканских стран по-прежнему крайне плохо укомплектована программными средствами, которые способны противостоять интеллектуальным кибератакам и свыше 60% африканских предприятий не обучают своих сотрудников в сфере кибербезопасности. К этому следует добавить, что свыше 90% крупных африканских компаний тратят менее \$10 000 на обеспечение своей кибербезопасности [4]. Все эти факты в своей совокупности объясняют, почему Африка - крайне привлекательный регион для различного рода киберпреступников.

В подтверждение данного тезиса мы хотели бы привести отчет с говорящим названием - «Африка: новая безопасная гавань для киберпреступников?», который был подготовлен и опубликован еще в апреле 2013 г. компаний *Trend Micro*, которая является признанным мировым лидером в сфере производства технологических решений, направленных на обеспечение кибербезопасности [6].

В этом отчете указывается на 2 ключевых обстоятельства, которые, по мнению автора документа, способствуют росту киберпреступности в Африке: массовый доступ к системе оптоволоконной широкополосной связи, который способствует быстрому увеличению количества Интернет-пользователей, и отсутствие развитого законодательства в сфере обеспечения кибербезопасности. При этом мы видим, что за последние годы, несмотря на то, что в целом ряде африканских стран все-таки были приняты законы, направленные на защиту персональных данных и борьбу с киберпреступностью, каких-либо позитивных изменений в этой сфере не произошло, а резкое увеличение количества киберпреступлений в Африке представляет серьезную угрозу как для личной, так и для национальной и даже международной информационно-психологической безопасности африканских стран.

Одной из наиболее масштабных кибератак принято считать утечку персональных данных жителей Южно-Африканской Республики, которая случилась в 2017 г. [7]. В сети Интернет в свободном доступе появились доступные для скачивания файлы, содержащие личную информацию миллионов южноафриканцев, как живых, так и уже умерших: их паспортные данные (*national identity number*), сведения о семейном положении, размере дохода, сведения о работе и занимаемой должности, а также информацию о собственности. Примечательно, что подобную утечку данных нельзя назвать в полном смысле хакерской атакой, поскольку вся эта информация о пользователях была размещена на сайте компании по обработке данных - *Dracore Data Sciences* без какой-либо дополнительной защиты [8]. Совершенно очевидно, что было исключительно вопросом времени, когда эти сведения попадут в руки злоумышленников, которые теперь могут ими распоряжаться по своему усмотрению.

Помимо подобных случаев, которые имеют все признаки преступной халатности, регулярно с массированными кибератаками сталкиваются африканские банки. В качестве примера мы хотели бы привести кибератаку на расположенный в Руанде Акционерный банк ("*Equity Bank*"). Прежде всего, следует отметить, что этот банк первым в Африке стал предлагать услуги в сфере он-лайн и мобильного банкинга на основе технологии, которая соединяет воедино банкинг и телефонию. Вот почему этот банк оказался столь привлекательным для киберпреступников. Был даже создан преступный синдикат, который состоял из 8-ми кенийцев, трех руандийцев и одного угандийца. Они пытались организовать хакерскую атаку на компьютерную систему банка, но у них ничего не вышло, и они были арестованы полицией Руанды. Однако в процессе расследования этого уголовного дела была доказана причастность этих людей и к организации похожих хакерских атак в Кении и Уганде [9].

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что необходимость обеспечения кибербезопасности, на сегодняшний день, является главным условием обеспечения национальной безопасности стран Африки. Вот почему сегодня большое количество африканских стран начинает уделять повышенное внимание обеспечению своей информационной безопасности.

Так, например, в Кении в начале 2019 г. было арестовано свыше 130 хакеров и мошенников [9], но, несмотря на все эти меры, в Африке наблюдается существенный рост киберпреступности, а финансовые потери от подобных высокотехнологичных преступлений представляют серьезную угрозу не только для региона Восточной Африки, но для всего континента.

Однако, что немаловажно, помимо хакерских атак на африканские банки с целью кражи денежных средств, которые представляют серьезную угрозу информационной безопасности личности в цифровом пространстве, в странах Африки передовые технологии постепенно начинают применяться с целью мани-

пулирования массовым сознанием и созданием необходимого злоумышленникам общественного мнения, направленного на рост социальной напряженности.

Наиболее подходящей технологией в этой связи является функционирующая на основе алгоритмов искусственного интеллекта технология создания поддельного видео. Сама по себе технология создания фейковых видеороликов, которые еще именуют дипфейками либо глубинными фейками, представляет собой метод синтеза изображения при помощи соответствующих алгоритмов, работающих на основе искусственного интеллекта.

Эта технология открывает широкие возможности для злонамеренного использования и представляет серьезную угрозу для личной, национальной и международной информационно-психологической безопасности, поскольку она дает возможность злоумышленнику заставить любого политика сказать все, что он хочет, а затем опубликовать эту фейковую речь на *YouTube* или *Facebook*, либо на поддельном сайте известных СМИ или на поддельном профиле того или иного политика в социальных сетях. Фейковое видео может достаточно быстро стать вирусным в сети и привести, в конечном итоге, к концу политической карьеры того или иного человека или даже вызвать кризис в отношениях между странами.

Одним из наиболее показательных из пока еще не многочисленных примеров использования «высоких» технологий с целью разжигания массового недовольства и напряженности в отношениях между отдельными африканскими странами является активное применение поддельных видеороликов во время прокатившейся по ЮАР в 2019 г. на почве ксенофобских настроений волны беспорядков и насилия, после того, как водители грузовиков устроили забастовку в знак протеста против трудоустройства иностранцев.

В ходе состоявшихся в начале сентября 2019 г. в Йоханнесбурге массовых погромов принадлежащих иностранцам предприятий были убиты 12 человек. И, несмотря на то, что среди убитых на самом деле не оказалось ни одного нигерийца (из 12 убитых 10 человек были гражданами ЮАР, а 2 - Зимбабве) в социальных сетях появились поддельные видеоролики и изображения, на которых якобы были изображены нападения и убийства нигерийцев либо их массовая депортация [10].

С целью дальнейшего разжигания массового недовольства в сети также появилось вырванное из контекста видео, на котором изображено горящее здание, которое на самом деле расположено в Индии в штате Гуджарат, но на видео утверждалось, что пожар произошел в ЮАР [11].

В результате, Нигерия отозвала делегацию с крупной международной конференции, проходившей в Южной Африке, и заявила об эвакуации своих граждан из этой страны. Это вынудило ЮАР принести Нигерии официальные извинения за серию ксенофобских нападений, которые привели к всплеску напряженности между двумя странами, и заверить своих нигерийских партнеров в том, что все случаи массовых погромов принадлежащих нигерийцам предприятий будут тщательным образом расследованы [12].

С нашей точки зрения, подобная апробация злонамеренного использования передовых технологий с целью разжигания конфликта между двумя государствами в регионе, в котором многие страны имеют неурегулированные споры и претензии друг к другу, представляет весьма серьезную угрозу международной информационно-психологической безопасности, поскольку любое такое боестолкновение может перерасти в очередной полномасштабный вооруженный конфликт на континенте. Это означает, что странам Африки следует направить все свои усилия на повышение уровня своей информационной безопасности и недопущения дальнейшего злонамеренного использования работающих на основе искусственного интеллекта технологий.

СТРАНЫ АФРИКИ НА ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сегодня целый ряд африканских стран начинает активно работать над обеспечением своей информационной безопасности. Руанда, например, в 2015 г. разработала и предложила Национальную политику в сфере обеспечения кибербезопасности: был создан Национальный центр компьютерной безопасности и реагирования, в задачи которого как раз и входит обнаружение и предотвращение киберугроз. В стране также разработан направленный на борьбу с киберкризисами Национальный план действий в чрезвычайных ситуациях в киберпространстве. Наконец, в Руанде в 2016 г. был принят Закон об информационных и коммуникационных технологиях, в котором содержатся положения о злонамеренном использовании компьютерных технологий с целью совершения преступлений, которые предусматривают уголовную ответственность за несанкционированный доступ к данным.

В Кении в 2014 г. была разработана собственная Национальная стратегия по кибербезопасности, в соответствии с которой были приняты поправки в Закон об информации и связи с целью криминализации несанкционированного доступа к компьютерной информации. Помимо этого, в Кении был также создан Национальный координационный центр реагирования на компьютерные преступления, направленный на налаживание регионального и международного сотрудничества в этой сфере.

Свою достаточно развитую нормативно-правовую базу в сфере обеспечения кибербезопасности имеет Уганда. В этой стране был принят специальный Закон о неправомерном использовании компьютеров, который обеспечивает защиту электронных транзакций и дает возможность осуществлять мониторинг и перехват подозрительных сообщений. Помимо этого, в Уганде также создана Национальная группа реагирования на чрезвычайные ситуации в киберпространстве и специализированный Национальный информационно-консультативный и технологический орган, в задачи которого входит обеспечение технической поддержки и обучение в сфере кибербезопасности [9].

Таким образом, опираясь на вышеизложенные факты, можно сделать вывод о том, что Руанда, Кения и Уганда приняли ряд мер, направленных на борьбу с киберугрозами и защиту данных в киберпространстве. С нашей точки зрения, эти меры следует признать эффективными, но они не являются достаточными для комплексного и всестороннего решения проблемы.

На наш взгляд, невозможно решить все стоящие перед странами Африки задачи в указанной сфере только посредством внедрения различных запретительных мер на государственном уровне в отдельных африканских странах. Особенно подчеркнем, что проблема обеспечения информационной безопасности - это достаточно сложная, многомерная задача, комплексное решение которой возможно только посредством привлечения всех заинтересованных сторон, которые включают в себя представителей различных органов власти, топ-менеджеров крупных компаний, представителей банковского сектора и гражданского общества. При этом особенно следует сделать акцент на необходимости активизации сотрудничества в указанной сфере между всеми африканскими странами.

В этой связи в Африке была даже создана специализированная Африканская ассоциация по информационной безопасности (*African Information Security Association - AISA*). Эта Ассоциация была создана в 2006 г. как один из ключевых результатов Международной конференции по компьютерной безопасности и киберпреступлениям в Африке (*International Conference on Computer Security and Cybercrime in Africa*). Миссией Ассоциации является развитие информационной безопасности в Африке. Войти в состав Ассоциации может любая заинтересованная сторона, которая обеспокоена обеспечением информационной безопасности - отдельные люди, организации и различные правительственные структуры.

Согласно информации, представленной на сайте, основная деятельность Ассоциации нацелена на то, чтобы делиться передовым мировым опытом в области обеспечения информационной, компьютерной и интернет-безопасности и организовывать различные кампании по борьбе с киберпреступностью в Африке - прежде всего путем организации и проведения семинаров, конференций, публикации книг и журналов, ведения веб-сайтов, блогов, а также разработки различных руководящих принципов безопасности, консультаций. Отдельное важное направление деятельности Ассоциации - проведение ежегодного мониторинга уровня информационной безопасности в Африке [13].

Но более чем за 10 лет работы Ассоциации нам так и не удалось найти сколько-нибудь значимые результаты ее деятельности, а контент ее веб-сайта по-прежнему остается достаточно скудным.

Из других важных инициатив, демонстрирующих попытку африканских стран выработать единый подход к обеспечению информационной безопасности, следует отметить принятую в 2014 г. в Малабо (Экваториальная Гвинея) Конвенцию Африканского Союза в сфере кибербезопасности и защиты персональных данных (*African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection*) [14]. Появление этого документа следует рассматривать как важный шаг, который доказывает стремление африканских стран выработать совместные механизмы, нацеленные на дальнейшую борьбу с киберпреступностью. Но в то же самое время сам процесс подписания и последующей ратификации этого документа свидетельствует о наличии серьезных противоречий между отдельными африканскими странами в сфере обеспечения кибербезопасности.

По состоянию на сегодняшний день, эта Конвенция была подписана только 14 африканскими странами, а ратифицировали ее только 8 - Ангола, Гана, Гвинея, Мозамбик, Маврикий, Намибия, Руанда, Сенегал. Примечательно, что ни Кения, ни Нигерия, ни ЮАР - страны, которые считаются региональными лидерами в сфере развития информационных технологий - не подписали этот документ. В этой связи Конвенция

до сих пор не вступила в силу, поскольку ее должны ратифицировать не менее 15 стран ее подписавших. Таким образом, сегодня эту Конвенцию можно рассматривать всего лишь как очередной программный документ, который пытается регулировать одно из наиболее важных направлений сотрудничества в информационной сфере, связанное с обеспечением кибербезопасности.

На наш взгляд, данное обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что любые наднациональные институты и инструменты в африканских условиях работают крайне плохо. Связано это с тем, что у стран Африки существует много противоречий, которые в своей совокупности препятствуют им выработать единые рабочие инструменты, направленные на решение наиболее значимых проблем континента, в т.ч. и в сфере обеспечения информационной и кибербезопасности.

В этой связи относительного успеха сумела добиться лишь Нигерийская ассоциация по информационной безопасности (*Information Security Society of Africa - Nigeria - ISSAN*), которой удалось превратиться в реальную платформу для сотрудничества и обмена мнениями между всеми заинтересованными сторонами - банками, телекоммуникационными компаниями, правительственными структурами, государственными регуляторами, IT-компаниями, консультантами в сфере информационной безопасности и юристами. При этом особенно подчеркивается, что это некоммерческая организация, направленная на обеспечение защиты нигерийского киберпространства, прежде всего банковской и правительственной систем. Эту задачу Ассоциация решает посредством проведения комплекса мероприятий, направленных на знакомство всех заинтересованных сторон с передовой практикой в указанной сфере [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что:

1. Страны Африки, расположенные к югу от Сахары, по-прежнему страдают от различного рода киберпреступлений, которые в эпоху бурного развития работающих на основе искусственного интеллекта технологий становятся все более высокотехнологизированными;
2. Проблема обеспечения информационно-психологической, информационной и кибербезопасности - общая проблема всех африканских стран, препятствующая их устойчивому социально-экономическому развитию;
3. Африканские страны предприняли значительные усилия, направленные на выработку единого видения в сфере борьбы с киберпреступлениями. Но все их попытки разработать эффективные наднациональные инструменты, которые бы регулировали борьбу с киберпреступностью на panaфриканском уровне и учитывали бы интересы подавляющего большинства стран Африки в этой сфере, провалились. С нашей точки зрения, данное обстоятельство наглядно демонстрирует наличие серьезных противоречий среди африканских стран, которые в своей совокупности препятствуют установлению взаимовыгодного сотрудничества даже в такой важной сфере, как обеспечение информационной безопасности. Но до тех пор, пока этого не произойдет, представляется маловероятным, что африканские страны хотя бы приблизятся к решению этой проблемы, а значит, их информационное пространство будет и впредь подвергаться масштабным кибератакам, представляющим серьезную угрозу не только безопасности отдельных людей, но и всей системе национальной безопасности государства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Пашенцев Е. Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 76, с. 279-300. <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=41254064> (accessed 29.06.2021)
2. Pashentsev E.N. Malicious Use of Artificial Intelligence: New Challenges for International Psychological Security and Ways of their Neutralization. *Public administration. Electronic bulletin*. № 76 (In Russ.). <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=41254064> (accessed 29.06.2021)
3. Bazarkina D., Pashentsev E. 2019. Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security. *Russia in Global Affairs*. № 17(1), pp. 147-170. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/artificial-intelligence-and-new-threats-to-international-psychological-security> (accessed 29.06.2021)
4. Africa Cyber Security Report 2017: Demystifying Africa's Cyber Security Poverty Line. <https://www.serianu.com/downloads/AfricaCyberSecurityReport2017.pdf> (accessed 01.07.2021)
5. Isiaevwe D. 2020. Cybersecurity Threat Evolution: Perspectives from Africa. <https://www.issan.org.ng/download/cyber-security-threat-evolution> (accessed 05.07.2021)

5. Кибератаки на основе искусственного интеллекта и машинного обучения и как от них защититься. *Cloud Networks*. 04.06.2020. <https://zen.yandex.ru/media/id/5e71e35dac36540bbf854c99/kiberataki-na-osnove-mashinnogo-obucheniia-i-kak-ot-nih-zascititsia-5ed90b0d8e6e074cb42cd4a7> (accessed 05.07.2021)
6. Cyberattacks on the Basis of Artificial Intelligence and Machine Learning. *Cloud Networks*. 4.06.2020. (In Russ.). <https://zen.yandex.ru/media/id/5e71e35dac36540bbf854c99/kiberataki-na-osnove-mashinnogo-obucheniia-i-kak-ot-nih-zascititsia-5ed90b0d8e6e074cb42cd4a7> (accessed 05.07.2021)
7. Kharouni L. 2013. Africa: A New Safe Harbor for Cybercriminals? *Trendmicro*. https://www.trendmicro.de/cloud-content/us/pdfs/security-intelligence/white-papers/wp-africa.pdf?_ga=2.144503985.507792652.1626804790-2127745893.1626804790 (accessed 11.07.2021)
8. Mohapi T. What we know so far about South Africa's largest ever data breach. *iAfrikan*. October, 18, 2017. <https://iafrikan.com/2017/10/17/south-africas-govault-hacked-over-30-million-personal-records-leaked> (accessed 11.07.2021)
9. Mohapi T. Is Dracore Data Sciences responsible for South Africa's largest ever data leak? *iAfrikan*. October, 18, 2017. <https://iafrikan.com/2017/10/18/dracore-data-sciences> (accessed 11.07.2021)
10. Что сделано для борьбы с киберпреступностью в Восточной Африке. *Новости высоких технологий*. 4.12.2019. <https://cdnews.ru/2019/12/04/chto-sdelano-dlja-borby-s-kiberprestupnostju-v-vostochnoj-afrike> (дата обращения 17.07.2021)
11. What has been done for the counteraction the cybercrime in East Africa. *High-Tech News*. 4.12.2019. (In Russ.). <https://cdnews.ru/2019/12/04/chto-sdelano-dlja-borby-s-kiberprestupnostju-v-vostochnoj-afrike> (accessed 17.07.2021)
12. Faife C. In Africa, Fear of State Violence Informs Deepfake Threat: WITNESS' workshop in South Africa revealed that perceived threats from synthetic media vary greatly by region, especially where repressive government is a factor. *WITNESS*. December 9, 2019. <https://blog.witness.org/2019/12/africa-fear-state-violence-informs-deepfake-threat> (accessed 18.07.2021)
13. Burning building video from India, not from xenophobic violence in South Africa. *Africa Check*. September 19, 2019. <https://africacheck.org/fact-checks/fbchecks/burning-building-video-india-not-xenophobic-violence-south-africa> (accessed 18.07.2021)
14. South Africa apologizes to Nigeria over xenophobic attacks. *BBC*. September 17, 2019. <https://www.bbc.com/news/world-africa-49726041> (accessed 18.07.2021)
15. African Information Security Association. <http://www.jidaw.com/aisa> (accessed 21.07.2021).
16. African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection. 2014. <https://issafrica.org/ctafrica/uploads/AU%20Convention%20on%20Cyber%20Security%20and%20Personal%20Data%20Protection.pdf> (accessed 21.07.2021)
17. Information Security Society of Africa - Nigeria (ISSAN). <https://issan.org.ng> (accessed 21.07.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Панцерев Константин Арсеньевич, доктор политических наук, профессор, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Konstantin A. Pantserov, Dr.Sc. (Political Science), Professor, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
06.07.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
23.09.2021

*Энергетика: сегодня и завтра***Инфраструктурное развитие Африканского континента
(электроэнергетика Восточной Африки)**© Баринов А.К.^{a,b}, Шарова А.Ю.^{a,c}, 2021^a Институт Африки РАН, Москва, Россия^b ORCID ID: 0000-0001-8388-9463; a.barinov@inafr.ru^c ORCID ID: 0000-0003-4439-9028; sharova.inafr@gmail.com

Резюме. В статье авторы анализируют современное состояние и перспективы развития энергетической инфраструктуры стран Восточной Африки, приводят данные из различных источников о строящихся объектах в области генерации электроэнергии. На сегодняшний день Африка - динамично развивающийся континент, обладающий мощным потенциалом, который будет оказывать ощутимое воздействие на мировое развитие в XXI в. Масштабные трансформации на континент требуют опережающих темпов развития инфраструктуры, которая, несмотря на достигнутые успехи, не удовлетворяет его потребностям. Африка - наименее электрифицированный континент мира, где половина населения не имеет доступа к электроэнергии.

Авторы приходят к выводу, что профицит установленных мощностей уже сейчас существует в отдельных государствах Восточной Африки и в среднесрочной перспективе достигнет региональных масштабов, когда будут введены в эксплуатацию все строящиеся электростанции. Чтобы эффективно использовать избыток электроэнергии, а также раскрыть потенциал как региональной, так и межрегиональной торговли, необходимо развивать передающие и распределительные сети, неразвитость которых - серьезное препятствие для расширения доступа населения к электроэнергии.

В электроэнергетические проекты в Восточной Африке активно вовлечены компании, как из традиционных, так и новых стран-партнеров. Участие компаний из России на данный момент сильно ограничено, несмотря на имеющийся опыт и технологическую базу. Пандемия COVID-19, охватившая мир в 2020 г., безусловно, негативно скажется на мировых финансовых потоках и реализации электроэнергетических проектов (уже объявлено о приостановке отдельных). Однако, по мнению авторов, отрицательное влияние будет не столь масштабным в силу долгосрочного характера контрактов, а также социально-экономической значимости проектов.

Ключевые слова: Восточная Африка, инфраструктура Африки, электроэнергетика, инвестиции, инфраструктурные проекты, COVID-19

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Баринов А.К., Шарова А.Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (электроэнергетика Восточной Африки). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 38-45. DOI: 10.31857/S032150750016842-8

**Infrastructure development in Africa
(East African electricity sector)**© Andrey K. Barinov^{a,b}, Anna Yu. Sharova^{a,c}, 2021^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.^b ORCID ID: 0000-0001-8388-9463; a.barinov@inafr.ru^c ORCID ID: 0000-0003-4439-9028; sharova.inafr@gmail.com

Abstract. In the article, the authors analyze the current state and prospects for the development of the energy infrastructure in the countries of East Africa. They provide data from various sources on the facilities under construction in the field of electricity generation. Today, Africa is a dynamically developing continent with powerful potential that will have a tangible impact on world development in the 21st century. The large-scale transformations that are taking place on the continent require an outstripping pace of infrastructure development, which, despite the success achieved, still does not meet its needs. Africa is the least electrified continent in the world, where half of the population does not have access to electricity.

The authors come to the conclusion that a surplus of installed capacity already exists in certain states of East Africa, and in the medium term will reach regional proportions when all power plants under construction are put into operation. To effectively use the excess of electricity, as well as to unlock the potential of both regional and interregional trade, it is necessary to develop transmission and distribution networks. Their underdevelopment is a serious obstacle to expanding the population's access to electricity.

Companies from both traditional and new partner countries are actively involved in electricity projects in East Africa. The participation of companies from Russia at the moment is very limited, despite the existing experience and technological base. The COVID-19 pandemic that swept the world in 2020 will undoubtedly have a negative impact on global financial flows and the implementation of

electricity projects (the suspension of several projects has already been announced). However, according to the authors, the negative impact will not be so large-scale due to the long-term nature of the contracts, as well as the socio-economic significance of the projects.

Keywords: East Africa, African infrastructure, electricity, investments, infrastructure projects, COVID-19

Acknowledgement. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Barinov A.K., Sharova A.Yu. Infrastructure development in Africa (East African electricity sector). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 38-45. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016842-8

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день Африканский континент обладает мощнейшим экономическим, ресурсным, демографическим, политическим потенциалом, который будет оказывать заметное (а возможно, и определяющее) влияние на мировое экономическое развитие. Уже сейчас ключевые мировые державы и международные игроки, формируя свою геэкономическую и геополитическую стратегию, все чаще рассматривают Африку не как объект, а как субъект международных отношений [2]. Повышенное внимание к континенту как традиционных (страны Европы, США), так и новых партнеров (Китай, Индия, Бразилия, Турция и др.), а также усиливающаяся конкуренция между ними за африканские ресурсы и рынки еще раз подтверждают все возрастающую роль Африки в мирохозяйственных связях.

По данным Всемирного банка, среднегодовой рост реального ВВП в Африке за период 2000-2019 гг. составил около 4,2% и был выше общемирового показателя в 3,1%¹. На перспективу до 2026 г. специалисты Международного валютного фонда ожидают опережающий рост ВВП Черного континента (4,3 и 3,8%, соответственно). В кризисный 2020 год, когда мир охватила пандемия новой коронавирусной инфекции, экономика Африки оказалась более устойчивой: ее падение составило -1,9% по сравнению со среднемировым значением в -3,3%², что можно объяснить, прежде всего, относительно низкой вовлеченностью Африки и мировые хозяйственные связи.

В целом, несмотря на пессимистические прогнозы относительно развития ситуации и последствий COVID-19 в Африке, которые звучали весной 2020 г. и были связаны с объективными негативными факторами (невысокий уровень развития здравоохранения, ограниченный доступ к квалифицированной медицинской помощи и современным методам лечения, зачастую неблагоприятные санитарные условия и др.), реальная картина оказалась не столь печальна [1]. По состоянию на 28 июля 2021 г., за исключением Океании, Африка - наименее затронутый пандемией регион мира: инфицированы 5,1 на 1000 жителей, умерли 0,13 на 1000. Для сравнения - в мире эти показатели достигли 25 и 0,54 на 1000 человек, соответственно; в Азии - 14,2 и 0,22; в Европе - 74,5 и 1,62; в Северной Америке - 70,3 и 1,58; в Южной Америке - 82,5 и 2,53 на 1000³.

Население Африки остается до сих пор самым быстрорастущим в мире по сравнению с другими регионами: темпы прироста составляют 2,5% в год. Это превращает континент в одного из крупнейших поставщиков трудовых ресурсов с постепенно повышающейся их квалификацией, а также значительно увеличивает внутренний рынок потребления. Согласно оценкам специалистов ООН, темпы прироста населения на перспективу до 2050 г. будут снижаться, но превышать среднемировые показатели: 2,3% в 2025-2030 гг.; 2% - в 2035-2040 гг.; 1,7% - в 2045-2050 гг. против 0,9; 0,7 и 0,5% в мире, соответственно⁴.

Экономические, демографические и интеграционные процессы, происходящие сейчас в Африке, вызывают потребность в полноценной трансформации инфраструктуры, одновременно замедляя развитие континента и задавая ему новый вектор. Инфраструктура в Африке, несмотря на заметные успехи, достигнутые в последние десятилетия, все еще развита недостаточно. Необходимость ее совершенствования осознается африканскими государствами, и именно поэтому в стратегическом плане Африканского Союза (АС) по всестороннему развитию континента - «Повестка 2063» - в качестве одной из ключевых целей ставится формирование современной инфраструктуры, которая могла бы отвечать быстрорастущим потребностям экономики и населения континента.

Одним из ключевых сдерживающих факторов развития инфраструктуры в Африке остается его финансирование. Тем не менее, в этом вопросе наблюдаются положительные сдвиги в последнее десятилетие.

¹ World bank. GDP (current US\$). Databank, World Bank national accounts data, and OECD national accounts data files. 2019. <https://data.worldbank.org/indicator/ny.gdp.mktp.cd> (accessed 20.01.19)

² Data Mapper. IMF, World Economic Outlook (April 2021). https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD (accessed: 08.04.21).

³ COVID-19 World Statistics. <https://covid.observer/> (accessed 28.07.21)

⁴ World Population Prospects: The 2019 Revision. UN. <http://data.un.org/Data.aspx?d=PopDiv&f=variableID%3a47> (accessed 28.02.20).

В 2018 г. суммарные капиталовложения в инфраструктурные проекты в африканских странах достигли рекордных \$100,8 млрд, впервые преодолев отметку в \$100 млрд. Крупнейшим получателем инвестиций в 2018 г. стал энергетический сектор⁵ (\$43,8 млрд, или 43,5%). На втором месте по объемам капиталовложений - транспортный сектор (\$32,5 млрд, или 32,2% суммарного показателя в 2018 г.).

Ввиду вышеуказанных факторов авторы статьи ставили перед собой задачу - оценить современное состояние и перспективы развития транспортной и энергетической инфраструктуры, в качестве наиболее важных для развития и привлекательных с инвестиционной точки зрения отраслей, в Восточной Африке - одном из наиболее динамично развивающихся субрегионов континента.

При этом транспортной инфраструктуре была посвящена предыдущая статья, которая вышла в № 7 журнала «Азия и Африка сегодня» (см.: [15]), энергетической - данная статья.

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

В настоящее время развитие энергетики в целом и электроэнергетики, в частности, признается многими мировыми экспертами базовой предпосылкой устойчивого и поступательного экономического роста [14; 12]. Было доказано, что в районах, где обеспечен доступ к электроэнергии, существенное развитие получили такие общественные блага, как образование, здравоохранение, досуг и безопасность, имеющие долгосрочное значение для социально-экономического развития [4; 8; 13].

Несмотря на то, что Африка располагает значительными запасами как традиционных, так и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) (см.: [16]), она остается наименее электрифицированным континентом в мире. По данным на 2019 г., 580 млн африканцев, или 52,1% населения, не имели доступа к электроэнергии (для сравнения - в Центральной и Южной Америке этот показатель составил всего лишь 3,3%, в развивающихся странах Азии - 3,9%, на Ближнем Востоке - 7,7%). Безусловно, страны Африки и ее субрегионы сильно дифференцированы по рассматриваемому показателю. Так, например, в 2019 г. 99,6% жителей Северной Африки имели доступ к электроэнергии⁶.

В 2017 г. в Восточной Африке был электрифицирован 41% населения (63% в городе и 26% в сельской местности). Этот показатель был ниже аналогичного по странам Северной и Западной Африки, однако за 2000-2017 гг. продемонстрировал наиболее значительные темпы роста. В начале 2000-х гг. уровень электрификации в Центральной и Восточной Африке не превышал 10% - самый низкий показатель в государствах Африки южнее Сахары (АЮС), который сохранялся до 2012 г.

За 4 последующих года в Восточной Африке доступ к электроэнергии получили в 6 раз больше людей, чем в центральной части континента. При том, что оба субрегиона располагают равными энергетическими ресурсами, стабильный инвестиционный климат и развитая кооперация на региональном уровне позволили Восточной Африке добиться больших успехов в деле электрификации: с 2000 г. этот показатель увеличился на 30 процентных пункта, т.е. примерно 85 млн человек ежегодно получают доступ к электроэнергии.

Наиболее значительный прогресс в рассматриваемом субрегионе был достигнут в Кении и Эфиопии, во многом благодаря поддержке со стороны государства, государственно-частному партнерству (ГЧП) и международной помощи. В 2012-2017 гг. число потребителей в Кении возросло в 3 раза, а доля электрифицированного населения - с 20 до 65%. Проект *"Last Mile Connectivity Project"*⁷ имел большой успех и позволил подключить к национальной энергосистеме 1,5 млн кенийцев, проживающих в сельской местности. В тот же период в Эфиопии доступ к электроэнергии увеличился с 20 до 45% [10]. В последующие годы рост электрифицированного населения в регионе не прекратился: в 2019 г. показатель достиг 84,5 в Кении и 46,7% - в Эфиопии. В тройку региональных лидеров вошла Руанда, где доля населения, имеющего доступ к электроэнергии, достигла в 2019 г. 52,6%, показав стремительные темпы роста: в 2010 г. - 9,7% населения было электрифицировано, в 2015 г. - 26,4%⁸. В немалой степени успеху в указанных странах способствовало активное развитие рынка автономных (*off-grid*) экологически чистых решений в области электроснабжения, особенно сельских регионов: в настоящее время Кения является крупнейшим в Африке рынком автономных солнечных домашних систем и фонарей на солнечных батареях (см. табл. 1).

⁵ В приводимых статистических данных под энергетическим сектором понимается производство, передача и распределение электрической энергии и газа, однако газовая отрасль привлекает не более 10% суммарного показателя, поэтому с небольшой долей условности показатели по энергетическому сектору можно приравнять к показателям по электроэнергетике (прим. авт.).

⁶ SDG7: Data and Projections. International Energy Agency (IEA). <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections/access-to-electricity> (accessed 12.09.20)

⁷ См. подробнее о проекте: African Development Bank Group: Kenya - Last Mile Connectivity Project Overview. <https://www.afdb.org/en/projects-and-operations/project-portfolio/p-ke-fa0-010/> (accessed: 09.10.20)

⁸ SDG7: Data and Projections. International Energy Agency (IEA). <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections/access-to-electricity> (accessed 12.09.20)

Таблица 1. Основные показатели развития электроэнергетики государств Восточной Африки
Table 1. Key indicators of the electricity sector development in East Africa

	Доля электрифицированного населения, %		Установленные мощности, МВт		Потребление электроэнергии, млн кВт·ч		Потери электроэнергии, %
	2000 г.	2019 г.	2000 г.	2018 г.	2000 г.	2018 г.	2018 г.
Бурунди	4	10,9	44	70	477	276	25,4
Джибути	46	42,2	88	130	192	469	24,5
Замбия	12	37,2	2260	2898	6023	12898	17,2
Зимбабве	39,7	53,1	2011	2315	12110	8506	22,6
Кения	7,9	84,5	1054	2647	4164	8702	27
Коморские острова	30	69,5	6	34	19	59	66
Маврикий	94,8	100	661	874	1777	2650	18,6
Мадагаскар	8	38,7	228	663	807	1917	8
Малави	5	13,4	196	661	884	1513	44,3
Мозамбик	6	34,9	2085	2744	1562	12722	20
Руанда	6,2	52,6	43	217	182	668	21,3
Сейшельские острова	50	100	28	155	164	476	8
Сомали	5	17,8	80	80	282	350	-
Танзания	10,5	39,5	543	1602	2603	6372	20,6
Уганда	3,7	28,9	264	984	1413	3067	25,7
Эритрея	17	46,5	172	226	216	404	20,5
Эфиопия	4,7	46,7	469	4260	1700	9090	33,9
Южный Судан		1,1	-	131	-	446	6,9
ИТОГО:			10232	20691	34575	70585	

Составлено и рассчитано по: [6; 5].

В 2018 г. установленные электрические мощности в странах Восточной Африки достигли почти 20,7 тыс. МВт, что составило 9% суммарного африканского и почти 0,3% мировых показателей и приблизительно равно установленным мощностям в Австрии, или Бельгии, или Чехии. Лидерами в регионе являются Эфиопия, Замбия, Мозамбик, Кения и Зимбабве.

С 2000 г. установленные мощности в регионе увеличились в 2 раза, максимальный рост был зафиксирован в Эфиопии (на 800%), на Коморских островах (466%), Сейшельских островах (453%) и в Руанде (на 404%). За 18 лет объем установленных мощностей не изменился в Сомали, незначительно увеличился в таких государствах, как Зимбабве (на 15,1%), Эритрея (31,4%), Мозамбик (31,6%), Маврикий (32,2%). Конечное потребление электроэнергии в период 2000-2018 гг. в регионе также увеличилось в 2 раза, лидерами роста стали Мозамбик (714%), Эфиопия (434%), Руанда (267%) и Коморские острова (210%) (см. табл. 1).

Если прогресс в развитии генерирующих электрических мощностей в Восточной Африке очевиден, то проблема неразвитости, устаревания передающих и распределительных сетей остается острой в рассматриваемом регионе. Уровень потерь электроэнергии - один из важнейших показателей эффективности работы энергетической системы - высокий и достигает более 24%, в среднем, по всем странам. На Коморских островах, в Малави и Эфиопии зафиксированы самые высокие показатели: 66, 44 и 34%, соответственно; на Мадагаскаре, Сейшельских островах и в Южном Судане - самые низкие: 8, 8 и 6,9%, соответственно (см. табл. 1).

Энергоснабжение в государствах Восточной Африки характеризуется низким качеством электроэнергии, выраженным в частоте ниже стандартной и значительных отклонениях от номинального напряжения, а также частными и длительными отключениями электроэнергии. Постоянные перебои вынуждают предприятия устанавливать дорогостоящие, зачастую неэффективные, дополнительные источники питания и влекут за собой серьезные потери, связанные с повреждением оборудования, нарушением производственной деятельности, нереализованной продукцией. Бесперебойное энергоснабжение и высокое качество электроэнергии имеет важное значение не только для коммерческого и коммунально-бытового секторов, но и для промышленного развития стран и регионов мира: согласно подсчетам специалистов, отключения электроэнергии могут снижать ежегодные темпы роста подушевого ВВП на 4 процентных пункта [9; 7; 11].

В 2005 г. был создан Восточноафриканский энергетический пул (*Eastern Africa Power Pool, EAPP*), который объединил 11 государств региона: Бурунди, ДРК, Египет, Эфиопию, Кению, Руанду, Судан, Танзанию (2010 г.), Ливию (2011 г.), Уганду и Джибути (2012 г.). Несмотря на его существование, относительные показатели экспорта и импорта электроэнергии в регионе остаются низкими. Так, в 2018 г. в Восточноафриканском энергетическом пуле доля экспорта в суммарном производстве электроэнергии составила всего 0,6, доля импорта в суммарном потреблении электроэнергии - 0,7 %.

В *EAPP* существуют неактивные участники, т.е. те, которые не импортируют и не экспортируют электроэнергию, но участниками энергообъединения являются - Судан и Джибути. Восточноафриканский энергетический пул - самое молодое энергообъединение Африки, развивающееся быстрыми темпами. В настоящее время в *EAPP* торговля электроэнергией полностью осуществляется посредством регулируемых договоров. Однако, согласно прогнозам, централизованная региональная торговая площадка может быть создана в 2023-2025 гг. при условии ввода в эксплуатацию строящихся линий электропередачи (ЛЭП) и после завершения крупных энергетических проектов, прежде всего, строительства в Эфиопии «Плотины великого возрождения» (*“The Great Renaissance Dam”*) (подробнее см.: [17]). Несмотря на то, что проект еще не завершен (ориентировочно - в 2022 г.), уже подписано соглашение о покупке электроэнергии сроком на 20 лет между Эфиопией и Кенией, аналогичное соглашение планируется подписать с Танзанией. При этом, согласно оценкам, региональная торговля электроэнергией может сэкономить до \$500 млн за счет уменьшения суммарной установленной мощности электростанций, оптимизации использования генерирующих ресурсов и повышения экономичности выработки электроэнергии.

Важнейшими строящимися линиями электропередачи, способными раскрыть потенциал региональной торговли и положительно повлиять на энергетическую ситуацию в регионе, являются: 1) межсистемные ЛЭП Эфиопия - Кения и Кения - Танзания; 2) ЛЭП Лойянгалани - Сасва в Кении; 3) межсистемная ЛЭП Уганда - Руанда. В настоящее время существует профицит электроэнергии в Эфиопии, Кении и Уганде, и ее дефицит в Танзании и Руанде.

Таким образом, после введения в эксплуатацию указанных ЛЭП недорогая электроэнергия сможет быть передана из профицитной Эфиопии в дефицитную Танзанию, Руанда будет полноценно подключена к региональной системе (сейчас взаимосвязь отсутствует), а также к единой энергосистеме будет подключена построенная ветроэлектростанция (ВЭС) на озере Туркана (*Lake Turkana Wind Power Station*) в Кении мощностью 310 МВт. В 2018 г. ВБ одобрил кредит в размере \$455 млн на строительство межсистемной ЛЭП Танзания - Замбия, которая объединит Восточноафриканский и Южноафриканский энергетические пулы (*Southern African Power Pool, SAPP*).

В табл. 2 приведены важнейшие строящиеся проекты в области генерации в государствах Восточной Африки, а также основная информация по ним. Согласно оценкам авторов, приведенным в табл. 2, в странах Восточной Африки будет реализовано не менее 30 довольно крупных проектов (мощностью более 50 МВт) в области генерации электроэнергии суммарной мощностью более 13 тыс. МВт и стоимостью почти \$20 млрд в период до 2026 г. Основная часть проектов будет завершена в более краткосрочной перспективе: до 2023 г.

Ожидается, что наибольшее количество проектов будет завершено в Эфиопии и Танзании (по 7), в Кении (6). Наибольший объем мощностей будет введен в эксплуатацию в Эфиопии (7200 МВт), в основном, за счет мегапроекта - строительства ГЭС «Хидасэ» (амх. - Возрождение) мощностью 6450 МВт⁹. Вторым крупнейшим проектом в регионе является строительство ГЭС в ущелье Батока на реке Замбези на границе Замбии и Зимбабве мощностью 2400 МВт. К крупным электростанциям также можно отнести СЭС «Гранд Бара» в Джибути и ТЭС «Мтвара» в Танзании мощностью 300 МВт каждая, ГЭС «Рухуджи» в Танзании мощностью 385 МВт, ГеоЭС «Нгози» в Танзании и ГЭС «Карума» в Уганде мощностью 600 МВт каждая.

Активное участие в строительстве новых генерирующих мощностей в Восточной Африке принимают иностранные компании и финансовые институты, а именно: из Китая, стран ЕС (Франции, Германии, Испании, Италии и др.), Великобритании, Исландии, Индии, ЮАР, Турции, Египта, ОАЭ, Японии и др. Участие России в энергетических проектах в Африке остается незначительным и ограничивается выражением заинтересованности, заключением меморандумов о взаимопонимании и изредка участием в тендерах. Например, заинтересованность в подрядах при строительстве ГЭС на реке Замбези выражали инженеринговая компания «Технопромэкспорт» и один из крупнейших мировых производителей оборудования для электростанций концерн «Силовые машины».

Важное значение имеет тот факт, что подавляющее большинство строящихся генерирующих объектов относится к возобновляемой энергетике. И хотя самые мощные из них - это объекты традиционной возобновляемой энергетики (гидроэнергии), количество и доля солнечных, ветровых и геотермальных проек-

⁹ По своим характеристикам гидроэлектростанция превосходит самую мощную в России - Саяно-Шушенскую ГЭС на реке Енисей. См.: <https://russiancouncil.ru/blogs/dkristiana/ukradennyi-nil-velikoe-vozhrozhdenie-efiopii/> (accessed 27.10.2017)

тов в регионе неуклонно возрастает. Также увеличивается количество проектов малой энергетики мощностью менее 30 МВт. На наш взгляд, именно технические решения в области малой энергетики, функционирующие на основе возобновляемых источников энергии и зачастую не подключенные к централизованным электросетям, могут стать наиболее эффективными и экономически целесообразными, способными реально решить проблему энергетической отсталости не только Восточной Африки, но и всего континента в целом.

Таблица 2. **Строящиеся генерирующие объекты электроэнергетики в странах Восточной Африки**
Table 2. **Power plants under construction in East African countries**

Название	Страна	Мощность, МВт	Оценочная стоимость, \$млн	Год ввода в эксплуатацию
ГЭС «Рузизи III»	ДРК, Руанда, Бурунди	147	650	2026
ВЭС «Губе»	Джибути	60	63	2022
СЭС ¹⁰ «ГрандБара»	Джибути	300	430	2022 (I очередь: 30 МВт)
ГЭС в ущелье Батока на р. Замбези	Замбия, Зимбабве	2400	5200	2024-2026
СЭС «Квекве»	Зимбабве	50	н/д	2021
ГеоЭС ¹¹ «Мененгай»	Кения	105	108	2020
ВЭС «Кипето»	Кения	100	344	2021
Гибридная ветросолнечная электростанция в округе Меру	Кения	80	150	2023
ВЭС «Ламу»	Кения	90	н/д	2023
СЭС «Малинди»	Кения	50	н/д	2021
ГеоЭС «Акиира I»	Кения	140	300	2022 (I очередь: 70 МВт)
Торфяная ТЭС «ХаканМамба»	Руанда	80	350	2021
ТЭС «Симбион» (ТЭС «Киву 56»)	Руанда	56	н/д	н/д
ГЭС «Русумо»	Руанда, Танзания, Бурунди	80	340	2021
ТЭС «Мтвара»	Танзания	300	1300	2021
ГЭС «Румакали»	Танзания	222	344	2024
ГЭС «Рухуджи»	Танзания	385	407,4	2024
ГЭС «Каконо»	Танзания	87	379,4	2021
ГеоЭС «Нгози»	Танзания	600	821	2023
ГЭС «Малагараси»	Танзания	50	149,5	н/д
ГЭС «Карума»	Уганда	600	1700	2021
ВЭС в регионе Карамоджа	Уганда	120	н/д	2023-2024
СЭС в регионе Карамоджа	Уганда	80		
ГЭС «Хидасэ»	Эфиопия	6450	4800	2022
ГеоЭС «Корбетти»	Эфиопия	150	800	2023-2025
ГеоЭС «Тулу Мойе»	Эфиопия	150	800	2023-2025
СЭС «Метахара»	Эфиопия	100	120	2021
СЭС в регионе Дичето	Эфиопия	125	300	2022
СЭС в регионе Гад	Эфиопия	125		
ВЭС «Ассела»	Эфиопия	100	н/д	н/д
ИТОГО:		13382	19556,3	

Составлено авторами.

Подводя итог анализу современного состояния и перспектив развития энергетической инфраструктуры в Восточной Африке, хотелось бы отметить следующее:

¹⁰ СЭС - солнечная электростанция.

¹¹ ГеоЭС (или ГеоТЭС) - геотермальная электростанция.

- профицит электроэнергии - это реальность сегодняшнего дня. Как было отмечено выше, в настоящий момент он уже существует в Эфиопии (по состоянию на декабрь 2017 г. он составлял 1392 МВт), Кении и Уганде. В Восточноафриканском энергетическом пуле избыток рабочей мощности электростанций (установленная мощность за вычетом неиспользуемой, а также мощности, выведенной в плановый и аварийный ремонты) в 2017 г. составил с учетом резерва 3054,2 МВт, или 28,5% максимальной нагрузки [3]. Согласно прогнозам, он увеличится на 13382 МВт, когда будут введены в эксплуатацию строящиеся объекты;

- образующийся избыток генерирующих мощностей может стать как стимулом энергетического и экономического развития региона, так и оказать негативное экономическое влияние. В случае, если вводимые мощности не будут активно использоваться, а платежи по кредитам сохранятся, стоимость электроэнергии для конечных потребителей значительно увеличится;

- чтобы использовать существующий и будущий профицит электроэнергии в регионе, а также раскрыть потенциал как региональной, так и межрегиональной торговли, необходимо развивать и привлекать инвестиции в передающие и распределительные сети, т.к. в настоящее время их неразвитость является серьезным препятствием расширения региональной торговли и доступа к электроэнергии;

- помимо развития физической инфраструктуры, необходимо развивать и инвестировать в т.н. «мягкую» инфраструктуру: разработку систем регулирования и управления энергосистемами, аварийного регулирования и восстановления, правил рынка, стандартизации контрактов и методологии определения затрат и тарифов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недостаточный уровень инфраструктурного развития остается серьезным сдерживающим фактором для социального и экономического роста стран Восточной Африки. Однако за последние 10 лет развитие восточноафриканского транспорта и энергетики идет быстрыми темпами, во многом благодаря наращиванию финансирования, а также вовлеченности мирового сообщества и иностранных компаний. Важную роль в этом процессе играет углубление региональной интеграции, а именно: создание общего рынка электроэнергии, строительство межсистемных ЛЭП, строительство и модернизация мультимодальных транспортных коридоров.

Несмотря на положительную динамику, наблюдаемую в последние годы, вопрос о достаточности капиталовложений для преодоления инфраструктурной отсталости африканского континента остается открытым. Согласно расчетам специалистов, потребности Африки в финансировании инфраструктурных проектов колеблются в пределах от \$130 млрд до \$170 млрд. Даже при значительном росте инвестиций в 2018 г. и увеличению их среднего значения за 2016-2018 гг. до \$83 млрд дефицит финансирования остается и оценивается в \$53-93 млрд в год.

С высокой долей уверенности можно утверждать, что к 2022 г. указанный разрыв в инвестициях еще больше углубится. Пандемия *COVID-19* оказывает негативное влияние на мировые финансовые потоки и реализацию инфраструктурных проектов на континенте. Так, например, было объявлено о приостановке на неопределенное время строительства солнечных электростанций в Эфиопии, электростанции на Сейшельских островах, а также ЛЭП в Кении. Тем не менее, по мнению авторов, отрицательные последствия будут не столь масштабными в силу долгосрочного характера контрактов, а также социально-экономической значимости проектов в области энергетической инфраструктуры.

В постковидный период участники инфраструктурных проектов в Восточной Африке будут стремиться снизить свои экономические риски путем привлечения новых партнеров. В этих условиях российские финансовые организации и промышленные предприятия имеют возможность встроиться в инфраструктурные программы, в первую очередь связанные со строительством передающих, распределительных электросетей в Восточной Африке.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Абрамова И.О. Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2020, Т. 13, № 5, с. 38-56. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-3>
2. Абрамова И.О. 2020. Coronavirus in Africa: Social, Economic and Political Consequences. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. № 5. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-3>
3. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, № 12, с. 5-14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14>
4. Abramova I.O., Fituni L.L. 2018. The African Segment of Multipolar World: Dynamics of Geostrategic Significance. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 12. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14>

3. Шарова А.Ю. Интеграция в электроэнергетике Африки: объединение энергосистем и региональные рынки электроэнергии. Африка в условиях формирования полицентричного мира. Отв. ред.: Волков С.Н., Дейч Т.Л., Ненашев С.В. М.: Институт Африки РАН, 2020, с. 38-47. ISBN 978-5-91298-246-0
- Sharova A.Yu. 2020. African Electricity Integration: Grid Interconnection and Regional Electricity Markets. *Africa in the Context of the Formation of a Polycentric World*. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-246-0
4. Davis M. 1998. Rural household energy consumption: the effects of access to electricity - evidence from South Africa. *Energy Policy*, vol. 26, № 3, pp. 207-217.
5. Energy Statistics Yearbook 2000. New York, USA: UN, 2000. https://unstats.un.org/unsd/energystats/pubs/yearbook/documents/EYB_2000.pdf (accessed: 23.07.20)
6. Energy Statistics Yearbook 2018. New York, USA: UN, 2018. <https://unstats.un.org/unsd/energystats/pubs/yearbook/> (accessed: 23.07.20)
7. Haselip J., Desgain D., Mackenzie G. 2015. Non-financial constraints to scaling-up small and medium-sized energy enterprises: Findings from field research in Ghana, Senegal, Tanzania and Zambia. *Energy Research and Social Science*, vol. 5, pp. 78-89. DOI: 10.1016/j.erss.2014.12.016
8. Karekezi S., Kimani J. Status of power sector reform in Africa: Impact on the poor. *Energy Policy*, 2002, vol. 30, № 11-12, pp. 923-945. DOI: 10.1016/S0301-4215(02)00048-4
9. Nawaal Gratwick K., Eberhard A. An analysis of independent power projects in Africa: understanding development and investment outcomes. *Development Policy Review*, 2008, vol. 26, № 3, pp. 309-338. DOI: 10.1111/j.1467-7679.2008.00412.x
10. Off-Grid Solar Market Trends Report 2018. Washington D.C., USA: International Finance Corporation, 236 p. <https://www.lightingglobal.org/resource/2018-global-off-grid-solar-market-trends-report/> (accessed 12.06.20)
11. Oseni M.O. 2012. Households' access to electricity and energy consumption pattern in Nigeria. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, vol. 16, № 1, pp. 990-995. DOI: 10.1016/j.rser.2011.09.021
12. Rosenberg N. 1998. The role of electricity in industrial development. *The Energy Journal*, vol. 19, № 2, pp. 7-24. DOI: 10.5547/ISSN0195-6574-EJ-Vol19-No2-2
13. Spalding-Fecher R. 2005. Health benefits of electrification in developing countries: a quantitative assessment in South Africa. *Energy for Sustainable Development*, vol. 9, № 1, pp. 53-62. DOI: 10.1016/S0973-0826(08)60482-2
14. Templet P.H. 1999. Energy, diversity and development in economic systems; an empirical analysis. *Ecological Economics*, vol. 30, № 2, pp. 223-233. DOI: 10.1016/S0921-8009(98)00085-8
15. Баринов А.К., Шарова А.Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (транспорт Восточной Африки). *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 7. С. 38-46, DOI: 10.31857/S032150750015770-9
- Barinov A.K., Sharova A.Yu. 2021. Infrastructure development in Africa (East African transport). *Aziya i Afrika segodnya*. № 7. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015770-9.
16. Азербасев С.Г. Состояние и перспективы развития ВИЭ в африканских странах. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 11. С. 64-69. DOI: 10.31857/S032150750011856-3
- Azerbayev S.G. 2020. State and prospects of RES development in African countries *Aziya i Afrika segodnya*. № 11. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750011856-3
17. Брагин А.Н. Эфиопия: «Великая дамба возрождения». *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 1, с. 56-58.
- Bragin A.N. 2012. Ethiopia: "The Great Renaissance Dam". *Aziya i Afrika segodnya*. № 1. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Баринов Андрей Константинович, м.н.с., Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Andrey K. Barinov, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Шарова Анна Юрьевна, кандидат экономических наук, ст.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Anna Yu. Sharova, PhD (Economics), Senior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
19.04.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
10.08.2021

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750017090-1

Оригинальная статья / Original article

Перспективы глобального джихадизма в Юго-Восточной Азии

© Жерлицына Н.А.^a, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются взаимоотношения местных и глобальных радикальных исламистских движений в странах Юго-Восточной Азии: Индонезии, Малайзии и Филиппинах.

Автор ставил задачу определить причины привлекательности для местного населения в отдаленных регионах мира риторики современных глобальных джихадистских движений. Исследование показало, что идеология джихадизма базируется на возврате к идентичности, основным полюсом которой является религия. Рассмотрев истоки радикальных исламистских движений в Индонезии, Малайзии и Филиппинах, автор пришел к выводу, что толчком для их развития послужила Афганская война.

Цель данного исследования - найти общие и отличительные характеристики ситуации с исламистским радикализмом в каждой из этих стран региона, который можно рассматривать как альтернативный центр джихада, а не как периферию глобальной арены. Анализируя ситуацию в Индонезии, автор заключает, что приоритетом для локальных групп являются местные цели, а вопрос вооруженного джихада раскол индонезийское исламистское движение на умеренное и радикальное крыло, связанное с «Аль-Каидой» и ИГИЛ. В статье прослеживается эволюция светской власти в Малайзии к институционализации политического ислама, начиная с 1970-х гг.

Автор утверждает, что «гонка исламизации» в Малайзии привела к тому, что современные религиозный и этнический дискурс страны, в целом, были подготовлены для восприятия идеологии радикалов, когда ИГИЛ появилось в регионе. Автором установлено, что джихадистские движения на Филиппинах мотивированы сепаратистским конфликтом, они преследуют местные цели и используют риторику глобального джихада для стимулирования борьбы и запугивания противников.

Ключевые слова: международный терроризм, Юго-Восточная Азия, Индонезия, Малайзия, Филиппины, политический ислам, «Аль-Каида», ИГИЛ

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Жерлицына Н.А. Перспективы глобального джихадизма в Юго-Восточной Азии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 46-54. DOI: 10.31857/S032150750017090-1

Prospects for global jihadism in Southeast Asia

© Natalia A. Zherlitsyna^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship between local and global radical Islamist movements in the countries of Southeast Asia: Indonesia, Malaysia and the Philippines. The author set out to determine the reasons for the attractiveness of the rhetoric of modern global jihadist movements for the local population in remote regions of the world.

The study showed that the ideology of jihadism is based on a return to identity, the main pole of which is religion. After examining the origins of radical Islamist movements in Indonesia, Malaysia, and the Philippines, the author concluded that the Afghan War was the impetus for their development. The purpose of this study is to find common and distinctive characteristics of the situation with Islamist radicalism in each of the countries of the region.

Analyzing the situation in Indonesia, the author concludes that the priority for local groups is local goals, and the issue of armed jihad has split the Indonesian Islamist movement into a moderate and radical wing associated with Al-Qaeda and ISIS. The article traces the evolution of secular power in Malaysia to the institutionalization of political Islam, starting in the 1970s.

The author argues that the growth of the Islamization in Malaysia led to the fact that the modern religious and ethnic discourse of the country as a whole was prepared for the perception of the ideology of radicals when ISIS appeared in the region. The author found that the jihadist movements in the Philippines are motivated by the separatist conflict, they pursue local goals and use the rhetoric of global jihad to stimulate the struggle and intimidate opponents.

Keywords: international terrorism, Southeast Asia, Indonesia, Malaysia, Philippines, political Islam, Al-Qaeda, ISIS

For citation: Zherlitsyna N.A. Prospects for global jihadism in Southeast Asia. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 46-54. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750017090-1

ВВЕДЕНИЕ

Транснациональный терроризм, в силу своей глобальной природы, несет гораздо более высокий уровень угроз по сравнению с обычным. Локальные воинствующие группы исламистской ориентации также могут быть интернационализированы в определенной степени с точки зрения логистики, тактики и идеологии, но их повестка дня по-прежнему определяется чувством местной миссии, которая не бросает вызов международной системе как таковой. Напротив, транснациональный терроризм, движимый «Аль-Каидой» и ИГИЛ, характеризуется двумя отличительными чертами.

Во-первых, его цели выходят за рамки международной системы национальных государств и, во-вторых, он представляет собой новую организационную форму. Поскольку ИГИЛ в последние годы утратил позиции в Сирии, Ираке и Ливии, а «Аль-Каида» перегруппировывается, актуальным становится вопрос о перспективах переноса джихадизма в периферийные регионы. Представляется важным понять, насколько локальные конфликты, в которые ввязываются глобальные радикальные группировки, способствуют локализации идеи джихада.

Воинствующий исламистский радикализм является сложным социально-политическим явлением, объединяющим местную, транснациональную и региональную историческую динамику под эгидой джихада. Он - часть более широкой динамики борьбы за власть, уходящей корнями в историю антиколониальной борьбы мусульманских народов Азии и Африки. Начиная с антифранцузского сопротивления 1830-х гг. в Алжире под руководством Абд аль-Кадира и продолжая антиколониальными мятежами в Египте, Индии или Индонезии, сопротивление иностранному правлению или интервенции часто формулировались в терминах джихада. «Аль-Каида» и ИГИЛ уверенно используют антиколониальный дискурс в своей современной идеологии, оправдывая в религиозных терминах атаки на «дальнего врага» борьбой против оккупации, вмешательства и унижения.

Привлекательная для местного населения в отдаленных регионах мира риторика современных джихадистских движений базируется на возврате к идентичности, основной полюс которой - религия. Ядро идеологии и политической задачи «Аль-Каиды» и ИГИЛ - утверждение суннитской идентичности над шиизмом. Глобальный исламистский радикализм продвигает мировоззрение, которое одновременно реагирует на кризис религиозной идентичности на Ближнем Востоке, межконфессиональную борьбу, разочарование в системе национального государства, растущий нигилизм, связанный с очевидным крахом ценностей западной демократии и терпимости, и чувством социально-экономической несправедливости.

Джихад сегодня базируется по большей части за пределами Ближнего Востока, и мусульманские страны Юго-Восточной Азии становятся новым центром глобального исламистского террора. Только мусульманское население Индонезии составляет 12,7% мирового мусульманского населения. Если прибавить число мусульман, проживающих на юге Филиппин, в Малайзии, на юге Таиланда и Сингапуре, эта цифра возрастает примерно до 15%. Регионы Юго-Восточной Азии с мусульманским большинством, в частности Индонезия и южные Филиппины, породили джихадистов и стали аренами джихада. Таким образом, было бы более правильным рассматривать мусульманскую Юго-Восточную Азию как альтернативный центр джихада, а не как периферию глобальной арены. Таким образом, изучение местного контекста становится важным для понимания динамики стратегического продвижения глобального джихадизма в регионе.

Существуют важные характеристики угроз, с которыми сталкивается каждая страна в регионе, а также важные взаимосвязи, которые связывают их воедино. Отправной точкой возникновения международного терроризма как явления стала Афганская война (1979-1989), когда как ответ на введение в эту страну советских войск произошел наплыв туда иностранных боевиков со всего исламского мира, в т.ч. и из Юго-Восточной Азии.

ИНДОНЕЗИЯ: СУННИТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРИМАТ МЕСТНЫХ ЦЕЛЕЙ

Около 350 индонезийцев примкнули к исламистским боевикам в Афганистане в 1980-1989 гг., породив целое поколение основателей, лидеров и активистов одиозных радикальных организаций в Индонезии, таких, как «Джемаа Исламия», «Моджахедин КОМПАК», «Ласкар Джихад», «Ласкар Джундулла» (также известный как «Корпус Пемуда Ислам»). Из 350 индонезийцев, отправившихся в Афганистан, около 200 были выходцами из движения «Дарул Ислам», что говорит об организованном характере переправки боевиков в Афганистан [1, р. 127]. Во главе этого движения стояли два лидера «Дарул Ислама» - имамы Абдулла

Сунгкар и Абу Бакар Баашир, неоднократно подвергавшиеся арестам на родине за критику светского характера государственной идеологии Индонезии.

В период с 1985 по 1991 гг. они отправили 10 групп боевиков, среди которых сначала преобладали хорошо образованные студенты, владеющие английским или арабским языком [2, p. 279]. Этих первых индонезийских добровольцев обучали афганцы, пакистанцы и арабы. Затем учебные материалы были переведены на индонезийский язык и впоследствии боевики из первых групп стали инструкторами для тех индонезийцев, которые присоединились к афганскому джихаду позднее. Таким образом, для Сунгкара и Баашира основная мотивация при установлении связей с руководством афганского джихада и для отправки туда индонезийцев была, в конечном счете, местной.

Сунгкар и Баашир посылали индонезийских добровольцев не воевать в Афганистане, а проходить военную подготовку. В основе их взглядов лежало убеждение, что шариат и исламское управление не могут быть внедрены в Индонезии мирными средствами. Получение военной подготовки и опыта индонезийскими боевиками в Афганистане стало ключевой целью. Индонезийские добровольцы проходили обучение по «учебной» программе, включающей военные предметы - такие как тактика, чтение карт и навигация, изучение типов вооружений и полевой инженерии, а также использование мин, взрывчатых веществ и бомб. Некоторые из них были отобраны для дальнейшего обучения ремонту оружия и боеприпасов, стрельбе, электронике и подготовке химических веществ для изготовления взрывчатых веществ и ядов. Как правило, индонезийские «студенты» не участвовали в боевых действиях на передовой, их берегли для будущих сражений в Индонезии.

Афганский период важен для индонезийского джихада и тем, что именно тогда были установлены широкие международные связи, например, члены «Дарул Ислам» начали сотрудничать с египетской исламистской военизированной группировкой «Аль-Гама Аль-Исламия». Целью таких контактов было извлечение полезного опыта, заимствование из идеи глобального джихада всего, что могло помочь индонезийским радикалам в продвижении к местной или региональной цели. Отношения, построенные в афганских тренировочных лагерях, позволили индонезийским исламистским группировкам боевиков установить связи с другими исламистскими экстремистскими группировками в Юго-Восточной Азии, которые также имели афганских ветеранов в качестве основателей или ведущих членов. В их число входили «Кумпуланские моджахеды Малайзии» и группа Абу Сайяфа на Филиппинах.

Ближайшим последствием участия индонезийских боевиков в афганском джихаде стало появление в Индонезии целого спектра значительных исламистских группировок, которыми руководили ветераны Афганистана. Примечательно, что каждая из этих вновь созданных групп преследовала, в первую очередь, местные цели - возрождение шариата в Индонезии, защита мусульман в Индонезии, введение исламского управления в Индонезии и, в конечном счете, создание исламского государства в Индонезии.

Исходя из этого приоритета - борьбы с «ближним врагом», т.е. правительством Индонезии, - строились отношения «Джемаа Исламия», созданной Сунгкаром и Бааширом в январе 1993 г., с авангардом мирового глобального джихадизма «Аль-Каидой».

Пик сотрудничества двух организаций пришелся на период с 1999 по 2003 гг., когда «Аль-Каида» помогала «Джемаа Исламия» создавать тренировочные лагеря на островах Серам и Буру [3, p. 26]. Но «Джемаа Исламия» оставалась автономной организацией, она никогда не присягала Усаме бен Ладену и не подчинялась «Аль-Каиде». Особенно четко разрыв между местными целями «Джемаа Исламия» и глобальной повесткой «Аль-Каиды» проявился в 2003-2005 гг., после серии взрывов, направленной на «западные» цели в Индонезии: отель «Марриотт», посольство Австралии и на туристический о-в Бали. Ответственность за них взяла на себя «Аль-Каида», она действовала при содействии глобально ориентированного крыла «Джемаа Исламия» под руководством Нурдина М.Топа, или Азхари Хусина.

Руководство «Джемаа Исламия» провело четкую грань между своей деятельностью и деятельностью крыла, выступающего за глобальную повестку. Еще в 2004 г. оно разрешило своим членам информировать власти, если им известно о местонахождении Топа и Хусина, в 2005 г. это крыло откололось от основной организации, назвав себя «Аль-Каидой на Малайском архипелаге», а затем «Аль-Каидой в Индонезии» [4, p. 21]. Таким образом, индонезийское радикальное движение не имело единства в вопросе вооруженного джихада, большинство считало его контрпродуктивным, поскольку он отчуждал местных мусульман, поддержка которых была необходима для создания в будущем исламского государства.

Новый толчок к развитию джихадистского движения в Индонезии дал Сирийский кризис. По оценкам индонезийского правительства, около 800 индонезийцев отправились в Сирию и Ирак в период с 2012 по

2018 гг. [5] Точно так же, как индонезийцы, отправившиеся в Афганистан в середине 1980-х гг., они были мотивированы сочетанием глобальных и местных факторов.

Подобно афганскому джихаду, сирийский джихад рассматривался индонезийскими мусульманами как справедливая война, в которой они должны были защищать своих единоверцев от смертельной угрозы и притеснений. Особенно увеличился поток индонезийцев, желающих уехать в Сирию, после объявления о создании халифата ИГИЛ в 2014 г. Целые семьи направлялись на Ближний Восток, чтобы начать новую жизнь в халифате. Эти индонезийцы часто брали с собой всех своих многочисленных родственников. Они решили навсегда покинуть Индонезию, поскольку пришли к выводу, что исламское государство в Индонезии невозможно.

Привлекательность сирийского джихада для индонезийских мусульман объяснялась несколькими факторами, сочетавшими в себе как внутренние, так и глобальные аспекты. Если в самой Индонезии легитимность вооруженного джихада подвергалась большим сомнениям даже самими радикалами, приведя к расколу, то война в Сирии предоставила мусульманам возможность выполнить свои религиозные обязательства по джихаду немедленно и независимо от продолжающихся дебатов о джихаде в Индонезии.

Кроме того, сектантский аспект сирийского конфликта находил глубокий отклик у суннитов Индонезии, осуждавших тех, кого они считали еретиками, будь то шииты на Ближнем Востоке или община Ахмадия в Индонезии. Шииты, которых насчитывается в Индонезии до 1 млн, рассматривались как особенно угрожающие, поскольку существовали подозрения, что они пользовались поддержкой со стороны Ирана и даже имели план захвата Индонезии в период с 2018 по 2020 гг., как писала местная пресса¹.

Когда ИГИЛ появилось на Ближнем Востоке в 2013 г., индонезийское джихадистское движение было расколото и втянуто в дебаты о легитимности и эффективности вооруженного джихада. Сирийский конфликт подпитывал эти разногласия, и поддержка или противодействие ИГИЛ стали частью местной конкуренции между индонезийскими джихадистами. Это позволило ИГИЛ внедриться в существующие индонезийские сети, такие как «Джемаа Аншарут Таухид», «Моджахедин Индонезия Тимур». Инициатором объединения порядка 20 индонезийских радикальных организаций под знаменем ИГИЛ стал местный религиозный деятель Аман Абдуррахман, до этого принимавший активное участие в сепаратистском движении в провинции Ачех. В 2015 г. новое объединение «Джемаа Аншарут Даула» присягнуло на верность тогдашнему лидеру ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади. Именно с деятельностью этой руководимой ИГИЛ организации связаны многочисленные теракты в 2016-2021 гг. в Индонезии².

Правительство Индонезии в борьбе с экстремистами использует сочетание силовых, законодательных и социальных мер [6, с. 8]. В период с 2015 по 2020 гг. было арестовано более 1100 подозреваемых в терроризме. С 2015 г. значительно ужесточились условия для индонезийцев, желавших выехать на Ближний Восток для джихада и присоединения к халифату ИГИЛ. Индонезийская полиция арестовала тех, кто содействовал поездке, и усилила наблюдение в аэропортах и на границах. Более того, те немногие, кому удалось уехать, часто добирались только до Турции, где их затем задерживали и депортировали обратно в Индонезию. Правительство поощряет программы социального обеспечения, дерадикализации и реабилитации экстремистов. Об осторожности подхода властей и нежелании огульно применять запретительные меры свидетельствует тот факт, что «Джемаа Аншарут Даула», связанная с ИГИЛ и запятнавшая себя насилием в стране, в 2018 г. была объявлена вне закона, а «Джемаа Исламия», например, никогда не запрещалась в Индонезии.

Обнадеживающе выглядят и результаты изучения общественного мнения в Индонезии. Мусульманская община, в лице индонезийской исламской организации «Нахдлятул Улама», объединяющей более 50 млн единоверцев, единодушна в осуждении деятельности ИГИЛ. Опросы общественного мнения также демонстрируют осуждение идеологии радикализма: 92,9% индонезийских респондентов заявили, что сторонникам ИГИЛ не следует разрешать жить в Индонезии, а 74% считают ИГИЛ главной угрозой глобальной безопасности страны³.

МАЛАЙЗИЯ: ГОНКА ИСЛАМИЗАЦИИ

Мусульмане составляют большинство населения Малайзии, и они не имеют претензий к национальным меньшинствам, исламские политические партии и действующие лица допускаются в правительство.

¹ Syiah sesat akan revolusi di Indonesia dalam rentang 2018-2020. *Waislamanet*. 26 April 2015. <http://waislamanet.wordpress.com/2015/04/26/syiah-sesat-akan-revolusi-di-Indonesia-dalam-rentang-2018-2020/> (accessed 10.05.2021)

² Indonesia: Extremism and Terrorism. *Counter extremism project*. <https://www.counterextremism.com/countries/indonesia> (accessed 12.04.2021)

³ Ibidem.

Современное национальное государство Малайзия родилось в 1957 г. с преимущественно светским правительством, применявшим законы шариата к вопросам обычаев. Несмотря на умеренное применение шариата, исламское возрождение начало укореняться в Малайзии в конце 1970-х гг., и эта тенденция продолжалась на протяжении последующих десятилетий. Хотя отчасти это было результатом усилий малайзийских политиков, стремившихся разыграть «исламскую карту» для получения и удержания политической власти, но в значительной мере рост исламского экстремизма в то время был связан с международными событиями, которые затронули мусульманские общины во всем мире, включая Иранскую революцию 1979 г., ввод советского контингента в Афганистан, осаду Большой мечети в Мекке в 1979 г., продолжавшийся арабо-израильский конфликт и растущее влияние некоторых стран Ближнего Востока, учитывая их богатые запасы нефти.

Исламистские движения в Малайзии начали возникать в 1980 и 1990-х гг., особенно эта тенденция затронула вузы. Ассоциация мусульманских студентов Юго-Восточной Азии, Индонезийский студенческий союз и Исламская Международная федерация студенческих организаций стали платформами для борьбы за права мусульман как на национальном, так и на международном уровнях. Эти движения вдохновлялись ближневосточными и южноазиатскими партиями и идеологами, в первую очередь Ассоциацией «Братья-мусульмане» и «Джамаат-и-Ислами».

Воздействие на малайзийских мусульман экстремистской идеологии объясняется как международной конъюнктурой, так и свободным распространением внутри страны, но не внутренними противоречиями. Как и правительство Индонезии, правительство Малайзии еще менее охотно объявляло вне закона исламистские группы, не связанные непосредственно с насилием, но придерживавшихся экстремистских взглядов. Кроме того, значительное число радикальных иностранных идеологов, проповедников и финансистов из региона и вне его продолжали посещать Малайзию, а несколько сотен малайзийских студентов обучались в пропагандирующих радикализм учебных заведениях как в регионе, так и на Ближнем Востоке. По мере того, как в соседних странах, например, Индонезии, партии исламистской направленности и их лидеры притеснялись, они находили в Малайзии безопасное убежище. В дальнейшем страна стала использоваться экстремистами как база для операций в регионе.

Как и в Индонезии, в Малайзии толчком для появления в стране радикальных исламистских группировок стало участие малайзийцев в афганском джихаде. Так, в 1995 г. Зайнон Исмаил, бывший афганский моджахед, основал организацию «Кумпуланские моджахеды Малайзии», которая ставила целью свергнуть правительство Малайзии и создать исламское государство, а затем исламский халифат в Юго-Восточной Азии. В 1999 г. Зайнона Исмаила сменил сын лидера «Исламской партии Малайзии» (PAS), организации, близкой к «Братьям-мусульманам», Ник Адли Ник Абдул Азиз. И Ник, и его преемник Зулькифли также воевали в Афганистане. «Кумпуланские моджахеды Малайзии» практиковали насилие, доказана их причастность ко взрывам церквей и индуистских храмов, грабежам и убийствам политических деятелей, заговору с целью убийства американских моряков⁴.

Экстремистская организация «Джемаа Исламия» (JI), образованная в Малайзии в 1993 г. изгнанным в тот период из Индонезии имамом Абдуллой Сунгкармом, имела транснациональный характер и действовала во всем регионе, используя Малайзию в качестве базы. Она оказала значительное влияние на исламистскую среду в Малайзии. Организация имела ту же цель - создание исламского государства в Малайзии посредством джихада. После того, как «Джемаа Исламия» вступила в контакт с «Аль-Каидой», ее амбиции возросли, и она стала стремиться к созданию панисламского государства в Юго-Восточной Азии. «Джемаа Исламия» оказывала влияние на мусульман по всему региону, тем не менее, поскольку она выступала за политику отказа от нападений на малайзийские цели, как из соображений целесообразности, так и из-за большей терпимости к позициям исламского правительства, группе было разрешено относительно свободно действовать до конца 2001 г.

До 11 сентября 2001 г. исламистские экстремисты действовали в Малайзии относительно свободно. Малайзия была оперативным центром, где лидеры и оперативники «Аль-Каиды» встречались, проходили обучение, инвестировали и получали медицинскую помощь. В Малайзии «Аль-Каида» делала первые шаги по проникновению во всемирную сеть Интернет: первый веб-сайт организации был зарегистрирован именно здесь [7, с. 149]. Малайзия оказалась местом, где «Аль-Каида» провела свое последнее совещание по планированию атаки 11 сентября [8, р. 9].

⁴ Helfstein S. Radical Islamic Ideology in Southeast Asia. *The Combating Terrorism Center at West Point*. 2009. 117 p. <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/104059> (accessed 03.05.2021)

Только после терактов 11 сентября 2001 г. малайзийские власти предприняли шаги по противодействию росту идеологического экстремизма, серьезным репрессиям подверглись не только «Кумпуланские моджахеды Малайзии», но и «Джемаа Исламия» и «Аль-Каида». Но общего направления политического курса, направленного на исламизацию страны, это не изменило. Правящий режим в Малайзии фактически позволил постепенно формироваться климату большей религиозной нетерпимости на протяжении многих лет, и именно в этом контексте экстремистские идеи и взгляды стали основными в Малайзии. Внутренний контекст исламизации в Малайзии уже давно определяется политической конкуренцией между партией Объединенная малайзийская национальная организация (*UMNO*) и «Исламской партии Малайзии» (*PAS*). Первая из них была правящей партией с момента получения страной независимости в течении нескольких десятилетий. Вторая, как уже упоминалась, идеологически близка международной Ассоциации «Братья-мусульмане».

И *UMNO*, и *PAS* считали мусульманский электорат своей базой поддержки и делали все для усиления значимости ислама для малайзийской идентичности и политики. Так, *PAS* приняла внутри партии структуру руководства улемов в иранском стиле и усилила призыв к провозглашению исламского государства, а также к осуществлению исламского уголовного права. Для *PAS* эта новая форма правления подразумевала, что «высшая святость, авторитет и моральная легитимность государства основываются на его приверженности исламским законам и нормам» [9, р. 201].

UMNO ответила на новую исламистскую повестку дня *PAS* тем, что осуществила собственную программу исламизации, которая оказала влияние на политическую, экономическую и социальную сферы малайзийского государства. Например, администрация Махатхира Мохамеда, премьер-министра в 1981-2003 гг., осуществила крупномасштабное расширение религиозной бюрократии. Альянс *UMNO* с салафитскими улемами способствовал институционализации нетерпимости последних к демократии, отказу от секуляризма и поддержку исключительной концепции мусульманской общины в Малайзии, поскольку теперь они могли получить доступ в различные правительственные учреждения.

В сфере образования изучение ислама стало обязательным для студентов всех уровней образования, и правительство Малайзии поддержало создание международного исламского университета. В экономической сфере исламские банки и финансовые учреждения получили решительную поддержку со стороны правительства [10, с. 43]. Возможно, одним из наиболее значительных шагов, предпринятых администрацией Махатхира, стало расширение роли шариатских судов, которые теперь уполномочены рассматривать дела личного права, касающиеся мусульман. Некоторые современные специалисты считают, что в результате такой «гонки исламизации» в Малайзии произошло слияние этнической идентичности с религиозной идентичностью, а суннитский ислам стал неделимым ключевым элементом малайзийской этнической идентичности [11, р. 105].

Таким образом, ко времени возникновения ИГИЛ на Ближнем Востоке современные религиозный и этнический дискурс Малайзии в целом были подготовлены для восприятия идеологии экстремистов. По данным соцопросов в 2015 г. 11% мусульманского населения Малайзии положительно относилось к ИГИЛ [12, р. 5]. С одной стороны, это можно считать лишь небольшой частью всего населения Малайзии. С другой стороны, этот процент является вторым по величине в мире после Нигерии. Для страны, которая заявляет о приверженности принципам демократии и светскости, это число было истолковано как сигнал о росте экстремизма и религиозной нетерпимости на низовом уровне.

Неудивительно, что с начала гражданской войны в Сирии в 2011 г. примерно от 100 до 150 граждан Малайзии отправились в Сирию в одиночку или семьями, и более 300 человек были арестованы за то, что они якобы сочувствовали ИГИЛ. Это означает, что они распространяли пропаганду ИГИЛ или выражали поддержку этой группе [13]. Мотивами малайзийцев при присоединении к боевикам ИГИЛ на Ближнем Востоке были возможность исполнить религиозный долг путем джихада, возможность жить в халифате под законной исламской властью халифа. Они верили, что халифат ИГИЛ предлагает им благочестивую жизнь, которая увеличит их шансы на вознаграждение в загробной жизни.

После разгрома ИГИЛ 41 малайзиец подал заявление о возвращении в Малайзию [14, р. 207]. Правительство страны применяет очень жесткий подход к оценке террористов, подавших заявления о возвращении домой. Власти Малайзии разработали схему, которая сочетает в себе применение правосудия в соответствии с законом в виде тюремного заключения за участие в террористической деятельности с многогранной программой оказания помощи возвращенцам в их реинтеграции в общество.

ФИЛИППИНЫ: МЕСТНЫЙ СЕПАРАТИЗМ И СЛАБОСТЬ ВЛАСТИ В АВТОНОМИИ

Уязвимость Филиппин перед радикализмом обусловлена наличием этно-национального сепаратистского конфликта. Хотя в этой преимущественно христианской стране мусульмане составляют всего 5% населения и проживают преимущественно на о. Минданао в районе Бангсаморо, но вот уже 50 лет длится противостояние в ответ как на реальную, так и на предполагаемую дискриминацию филиппинских мусульман правительством большинства христианского населения. Изучение сепаратистских корней конфликта показывает, что они в значительной степени носят местный характер. Конфликт в Минданао и насилие, развязанное сепаратистскими группировками, были вызваны сложным сочетанием вопросов идентичности, этнического и кланового соперничества и постколониального наследия.

Мятеж мусульманских повстанцев в районе Бангсаморо вспыхнул в 1970-х гг., его возглавило партизанское движение «Национально-освободительный фронт моро» (*MNLF*). Широкомасштабные боевые действия длились с 1972 по 1976 гг., и лишь через 13 лет - в 1989 г. - правительство согласилось на образование Автономного района Мусульманского Минданао, региона, в котором проживает 61% филиппинского мусульманского населения⁵.

К моменту подписания Филиппинами и *MNLF* в 1996 г. окончательного мирного соглашения, которое расширило автономный район, *MNLF* уже раскололась по этническому принципу. Из его состава вышли радикалы, образовав «Исламский освободительный фронт моро». В настоящее время урегулирование конфликта на Минданао зависит от выполнения Всеобъемлющего соглашения по Бангсаморо 2014 г., которое призвано окончательно разрешить вопрос.

Насильственная обстановка, поддерживаемая на Филиппинах этим сложным сепаратистским конфликтом, служила почвой для возникновения и роста различного толка радикальных исламистских групп и движений. Многие мусульмане рассматривали конфликт как повод для законного джихада, в то же время джихад в значительной степени служил созданию общей моро-мусульманской идентичности.

До 1990-х гг. мятежи и терроризм на Филиппинах носили, в основном, местный или региональный характер. Связи между различными террористическими и повстанческими группами были относительно слабыми, и большинство групп традиционно действовали только в своем регионе, сосредоточив внимание на внутренних проблемах и недовольстве. Исламские повстанческие группы на Филиппинах в 1970 и 1980-х гг. были ограничены в основном мусульманскими регионами Минданао, где они вели сепаратистскую кампанию против центрального правительства.

Все изменилось в 1990 гг., когда в регионе появились вдохновленные религией транснациональные повстанческие и террористические группы. Вместо того чтобы сосредоточиться на свержении светских правительств в регионе, они работали над созданием наднационального исламского государства, управляемого законами шариата. С 1990-х гг. Филиппины столкнулись с многочисленными угрозами со стороны повстанческих и террористических организаций, которые процветали в неподконтрольных регионах.

Минданао, второй по величине остров на Филиппинах, служил убежищем для транснациональных террористических группировок, включая «Аль-Каиду», «Джемаа Исламия», а затем и ИГИЛ. Пористый островной регион архипелага Сулу, простирающийся от Малайзии и Индонезии, где преобладает мусульманское население, создает вакуум безопасности, который джихадистские группы используют различными способами: для перемещения персонала и оборудования, для вербовки боевиков [15, p. 19].

Одна из первых группировок, базирующихся на Филиппинах, которая объявила о приверженности глобальному джихаду. - Группа Абу Сайяф. Как и в случае с индонезийскими и малайзийскими джихадистскими группами, происхождение Группы восходит ко времени афганской войны. Среди сотен филиппинских мусульман, отправившихся воевать в Афганистан, был и Абдураджак Абубакар Джанджалани, представитель этнической группы *таусог* с острова Басилан, член *MNLF*.

Встреча с Усамой бен Ладеном в 1987 г. повлияла на взгляды филиппинца, отныне он взял на себя обязательство вести джихад у себя дома в Минданао, чтобы создать «чистое» исламское государство, основанное на салафитском ваххабизме [16, p. 42]. В 1991 г. Джанджалани и 7 его последователей вышли из *MNLF*, чтобы основать Группу Абу Сайяф. Группа пользовалась финансовой и технической поддержкой из иностранных источников, включая «Аль-Каиду», что помогло укрепить ее потенциал.

⁵ Heydarian R.J. Crisis in Mindanao. *Aljazeera Centre for Studies*. August 6 2017. http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2017/8/6/b03ba3f98f124b4ca3aa27b08d2740f1_100.pdf (accessed 06.05.2021)

Группа Абу Сайяф не только стремится к созданию независимого мусульманского государства на юге Филиппин, но и выступает за избавление Сулу и Минданао от всех немусульман, если это необходимо, силой. Группа придерживается той интерпретации ислама, которая оправдывает убийство неверных и лишение их имущества. Соответственно, она практикует различные виды преступной деятельности, включая похищение людей с целью получения выкупа, убийства, захват заложников, вымогательство у крестьян, бизнесменов и рыбаков, выращивание марихуаны и изнасилования.

Группа Абу Сайяф, в отличие от *MNLF* и «Исламского освободительного фронта моро», отвергает любую перспективу переговоров о мирном урегулировании конфликта на Минданао с правительством Филиппин. После нескольких лет sporadических стычек Группа неуклонно завоевывала репутацию авангарда джихадистского интернационализма на Филиппинах. Пик ее интеграции с «Аль-Каидой» пришелся на 1995 г., когда филиппинская полиция сорвала т.н. заговор «Божинка» с целью убийства Папы Иоанна II и размещения бомб в 11 авиалайнерах, следовавших в США [17, р. 235].

В 2014 г. Группа Абу Сайяф вместе с еще несколькими джихадистскими группировками на Минданао присягнули на верность ИГИЛ. Иснилон Хапилон, лидер Абу Сайяф, взял на себя руководство этими группами в качестве эмира предполагаемой вилайи или мухафазы в Юго-Восточной Азии. ИГИЛ предоставляло финансирование и поощряло иностранных боевиков приезжать в Минданао, чтобы помочь создать независимое Исламское государство. Эти бойцы принесли с собой новую тактику и методы войны, которым они научились в Ираке и Сирии.

Бренд ИГИЛ используется не только джихадистскими группировками, но и влиятельными на Минданао семейными кланами, которые имеют свои частные вооруженные группы. Причина такого явления - слабое присутствие филиппинского государства на Минданао, отсутствие управления, которое по умолчанию уступает власть тем, кто может использовать больше оружия, - кланам. Эти влиятельные семьи используют бренд ИГИЛ для того, чтобы узаконить свои преступные действия и запугать врагов.

Примером такого рода «слияния» местных и глобальных трендов стала группа Мауте, привлекавшая международное внимание в ноябре 2016 г. вооруженным противостоянием с другим местным кланом - Пансара⁶. В мае 2017 г. имя этого клана, как подразделения ИГИЛ, упоминалось еще раз в связи с битвой за Марави - городом в провинции Южный Ланао. Боевые действия вспыхнули в Марави после попытки правительственных войск захватить лидера Абу Сайяф Хапилона на квартире в Марави. Попытка сорвалась, когда на поддержку боевикам Абу Сайяф пришли бойцы Мауте. Правительству потребовалось 5 месяцев, чтобы объявить об окончании боевых действий. Битва за Марави стала самым продолжительным городским сражением в истории страны, причем большая часть города была разрушена [18, с. 23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в последние десятилетия Юго-Восточная Азия стала объектом многочисленных террористических нападений, но характер и мотивация этих нападений сильно различаются. Причины атак коренятся как в национальной или региональной этнической борьбе, так и отражают более грандиозные амбиции салафитов-джихадистов по созданию регионального или глобального халифата.

Экстремисты Юго-Восточной Азии используют риторику глобального джихада, но их приоритетом остаются местные цели. Их основная цель - захватить государство у себя дома. Джихадисты Юго-Восточной Азии охотно получают материальную и идеологическую поддержку от «Аль-Каиды» и ИГИЛ, но зачастую идеология джихада не имеет прямого отношения к местным конфликтам и служит лишь для подпитки местной динамики и запугивания врагов. Мятежи против действующих режимов мотивируются местным недовольством, и поэтому решения могут быть найдены только внутри каждой из стран региона.

Глокализация джихада бросает вызов более широким представлениям, в соответствии с которыми глобальный джихад, оторванный от любой национальной социально-политической динамики и воплощенный транснациональными террористическими организациями, такими как «Аль-Каида» и ИГИЛ, преследует мусульманский мир.

⁶ Rommel C. Banlaoi. The Maute Group and Rise of Family Terrorism. *Rappler*. June 15, 2017. <http://www.rappler.com/thought-leaders/173037-maute-group-rise-family-terrorism> (accessed 13.04.2021)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Solahudin. 2013. The Roots of Terrorism in Indonesia: From Darul Islam to Jemaah Islamiyah. Sydney: New South Publishing, University of New South Wales Press. 257 p.
2. Chernow Hwang J. 2015. The disengagement of Indonesian jihadists: understanding the pathways. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 29. № 2. Pp. 277-295.
3. Abuza Z. 2007. Political Islam and Violence in Indonesia. London and New York, Routledge. 180 p. DOI: 10.4324/9780203969250
4. Chernow Hwang J. 2019. Dakwah before jihad: understanding the behaviour of Jemaah Islamiyah. *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 41. № 1. Pp. 14-34. DOI: 10.1355/cs41-1b
5. Arianti V., Muh Taufiqurrohman. 2020. The Quiet Threat of Indonesia's Jamaah Ansharul Khilafah. *The Diplomat*. August 11.
6. Мельянец В.А., Адрова И.С. Индонезия: основные параметры эффективности экономического и социального развития. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750014641-7
7. Meliantsev V.A., Adrova I.S. 2021. Indonesia: main parameters of economic and social development efficiency. *Asia and Africa today*. № 4. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014641-7
8. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Медиа сеть как мультипликатор силы ИГИЛ. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2020. № 5. С. 142-152. DOI: 10.31857/S086919080011315-3
9. Vasiliev A.M., Zherlitsyna N.A. 2020. Media network as a multiplier of ISIS's power. *Vostok (Oriens)*. № 5. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086919080011315-3
10. Mohamed Nawab Mohamed Osman, Arosoaie A. 2018. Jihad in the Bastion of «Moderation»: Understanding the Threat of ISIS in Malaysia. *Asian Security*. № 16 (1). Pp. 1-14. DOI: 10.1080/14799855.2018.1470508
11. Farish A.Noar. 2003. Blood, sweat and jihad: the radicalization of the political discourse of the Pan-Malaysian Islamic Party (PAS) from 1982 onwards. *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 25. № 2. Pp. 200-232. DOI:10.1353/csa.2011.0060
12. Зарипов И.А. Исламские финансы Малайзии. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 2. С. 41-46.
13. Zaripov I.A. 2017. Islamic finance of Malaysia. *Asia and Africa today*. № 2. (In Russ.)
14. Liow J.C. 2009. Piety and Politics: Islamism in Contemporary Malaysia. New York, Oxford university Press. 2263 p.
15. Kumar Ramakrishna. 2017. The Growth of ISIS Extremism in Southeast Asia: Its Ideological and Cognitive Features-and Possible Policy Responses. *New England Journal of Public Policy*. Vol. 29. № 1. Pp. 1- 22.
16. Maza C. 2017. Malaysia's reckoning with the Islamic State. *The Diplomat*. 3 September.
17. Andrin Raj. 2019. Challenges in counter terrorism and counter violent extremism in Malaysia. *Countering Insurgencies and Violent Extremism in South and South East Asia*. New York: Routledge.
18. Жерлицына Н.А. Перспективы распространения ИГИЛ после разгрома халифата. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 7. С. 13-18. DOI: 10.31857/S032150750010099-0
19. Zherlitsyna N.A. 2020. Prospects for the spread of ISIS after the defeat of the caliphate. *Asia and Africa today*. № 7. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750010099-0
20. Abuza Z. 2005. Al Qaeda Comes to Southeast Asia. *Terrorism and Violence in Southeast Asia: Transnational Challenges and Regional Stability*. New York: M.E. Sharpe.
21. Wright L. 2014. The Looming Tower: Al Qaeda's Road to 9/11. London, Penguin. 469 p.
22. Васильева Н.А., Мармита Ш. Особенности борьбы с терроризмом на Филиппинах. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 9. С. 18-24. DOI: 10.31857/S032150750006269-7
23. Vasilyeva N., Marmita S. 2019. Features of the fight against terrorism in the Philippines. *Asia and Africa today*. № 9. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750006269-7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жерлицына Наталья Александровна кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН; Ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам стран Африки, Москва, Россия.

Natalia A. Zherlitsyna, PhD (History), Senior Researcher, Center of History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (RAS); Academic Secretary, Africa Council of RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
14.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
15.07.2021

Принята к публикации (Accepted)
02.09.2021

Торгово-экономические отношения КНР с Алжиром, Марокко и Мавританией в XXI веке

© Кравцов К.С.^a, 2021

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0547-0573; kskravtsov@edu.hse.ru

Резюме. Данное исследование анализирует текущий уровень торгово-экономических отношений КНР с Алжиром, Марокко и Мавританией. Методы исследования включают сравнительно-исторический и экономический анализ с привлечением индексов интенсивности торговли и торговой комплементарности.

Автор пришел к выводу, что Алжир пользуется лидирующим положением по объему торговых потоков между странами и инвестициям из КНР. На втором месте по объемам товарооборота - Марокко, самый малый объем - у Мавритании. Наиболее диверсифицированной является торговля между КНР и Марокко, т.к. присутствует не только сектор полезных ископаемых (как в случае с двумя другими странами), но также сектор услуг и электроники. Традиционные направления торгово-экономического сотрудничества в области добычи полезных ископаемых продемонстрировали низкий уровень торговой комплементарности для пар Китай-Алжир, Китай-Мавритания. Наиболее перспективными отраслями, по результатам исследования, оказались машиностроение КНР, сектор услуг и сельское хозяйство.

Интенсивность торговых потоков была более высокой в период 2010-2019 гг. со стороны КНР в парах Китай-Алжир, Китай-Марокко. Неравенство в интенсивности торговли прогрессировало на протяжении всего периода для пары Китай-Алжир, в паре Китай-Марокко интенсивность осталась прежней. Мавритания имеет наиболее высокий индекс торговой интенсивности с КНР. Более того, интенсивность со стороны Мавритании была выше, чем со стороны КНР, на протяжении всего периода.

Полученные данные подтвердили важность региона во внешнеэкономической политике Китая - тенденция, которая может получить развитие в будущем.

Ключевые слова: Китай, Алжир, Марокко, Мавритания, Магриб, китайско-африканские отношения

Для цитирования: Кравцов К.С. Торгово-экономические отношения КНР с Алжиром, Марокко и Мавританией в XXI веке. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 55-64. DOI: 10.31857/S032150750015293-4

China's trade and economic relations with Algeria, Morocco, and Mauritania in the 21st century

© Kirill S. Kravtsov^a, 2021

^a HSE University, St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0547-0573; kskravtsov@edu.hse.ru

Abstract. The study analyzes the current level of China's trade and economic relations with Algeria, Morocco, and Mauritania. The research methods include comparative-historical and economic analysis with the use of trade intensity and trade complementarity indices.

The author concluded that Algeria enjoys a leading position in terms of trade flows between the countries and investment from China. Morocco is in the second place in terms of trade turnover, while Mauritania has the smallest volume. The most diversified trade is between the PRC and Morocco, as there is not only the mineral sector (as in the case of the other two countries), but also the services and electronics sectors. Traditional areas of trade and economic cooperation in the field of mining have demonstrated a low level of trade complementarity for the China-Algeria, China-Mauritania pairs. The most promising industries, according to the results of the study, are China's machinery, the service sector and agriculture.

The intensity of trade flows was higher in the period 2010-2019 on the part of the PRC in the China-Algeria, China-Morocco pairs. The disparity in the intensity of trade progressed throughout the period for the China-Algeria pair, while the intensity remained the same for the China-Morocco pair. Mauritania is the country with the highest trade intensity index with the PRC. Moreover, the intensity on the part of Mauritania was higher than on the part of the PRC throughout the entire period.

The data obtained confirmed the importance of the region in China's foreign trade relations, a trend that may develop in the future.

Keywords: China, Algeria, Morocco, Mauritania, Maghreb, Sino-African relations

For citation: Kirill S. Kravtsov. China's trade and economic relations with Algeria, Morocco, and Mauritania in the 21st century. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 55-64. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750015293-4

ВВЕДЕНИЕ

В наше время КНР становится все более значимым актором в системе международных отношений, поскольку ее роль в мировой экономике и политике растет день ото дня. Взор Китая теперь обращен на развивающиеся страны, в частности на страны африканского континента, которые способны предоставить КНР новые рынки сбыта и ресурсы, столь необходимые все еще стремительно расширяющейся экономике. Страны Африки южнее Сахары (АЮС) и страны Северной Африки (СА) тесно связаны с Китаем экономически и продолжают сближение в политической сфере.

Экономика является движущим фактором растущего присутствия КНР в странах СА. Торгово-экономические отношения будут продолжать играть ключевую роль в связях КНР с Африкой, несмотря на развитие политических связей и более силовой повестки во внешней политике КНР. В статье дан обзор текущего положения торговых отношений КНР с Алжиром, Марокко, Мавританией и выделены их основные черты.

СОТРУДНИЧЕСТВО КНР И СТРАН МАГРИБА В ТОРГОВЛЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР

В 2019 г. ВВП всего региона Магриба составлял 0,45% от мирового и, согласно данным Всемирного банка, в нем проживало 102,52 млн человек, что составляет около 1,34% мирового населения (см. табл. 1). С одной стороны, этот регион нельзя назвать крупной и значимой с экономической точки зрения географической единицей. Действительно, при таком малом вкладе в мировую экономику и незначительном объеме населения Магриб невозможно сравнить по уровню торговых потоков с динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом или Евросоюзом. Однако в контексте китайско-африканских отношений данная группа стран может оказаться стратегически значимой, особенно для расширяющего ареал своей деятельности китайского бизнеса.

Таблица 1. Основная информация по странам Магриба на 2019 г.

Table 1. General information on Maghreb countries in 2019

Страны/ регион	Население (млн чел.)	ВВП от мирового (в %)	Легкость ведения бизнеса	Импорт (\$ млрд)	Экспорт (\$ млрд)	Экспорт от мирового (в %)	Импорт от мирового (в %)
Алжир	43,053	0,195	157	50,013	38,999	0,157	0,205
Ливия	6,777	0,06	186	27,662	33,532	0,135	0,113
Маврита- ния	4,526	0,009	152	4,031	3,04	0,012	0,017
Марокко	36,472	0,137	53	57,495	46,814	0,188	0,235
Тунис	11,695	0,044	78	23,309	19,126	0,077	0,095
Магриб	102,523	0,445	-	162,24	141,511	0,569	0,665

Составлено по: [1].

Алжир, Марокко и Мавритания довольно сильно различаются в своих экономических условиях, а именно: по объему внутренних рынков (население), экономической мощи (ВВП), специализации и возможности осуществления коммерческой деятельности для иностранных предприятий. Эти факторы оказывают влияние на торгово-экономическую активность КНР в этих государствах.

Алжир - крупная страна, претендующая на региональное лидерство, обладает самым большим в Магрибе населением в 43,05 млн человек, что позволяет государству активно использовать людские ресурсы для увеличения своего ВВП. К преимуществам Алжира можно отнести тот факт, что около 30,6% населения страны моложе 15 лет, а людей старше 65 - лишь 6,5%, что говорит о возможностях роста экономики за счет молодого населения [1].

Алжир богат своими полезными ископаемыми, особенно нефтью и газом, а также марганцем, фосфоритом, черными и цветными металлами. Страна преимущественно ориентирована на нефтехимическую и газовую отрасль, в то время как сектор услуг еще не получил заметного развития. Экспорт страны на 94,35% состоит из нефти и газа, что демонстрирует отсутствие диверсификации внешней торговли Алжир [2]. Слабым местом Алжира также можно назвать довольно высокий уровень коррупции (104-е место в мире из 179) [3] и низкий уровень привлекательности для бизнеса (157-е из 190) [4]. В данном индексе рассматриваются разные факторы, способствующие ведению предпринимательской деятельности, в котором, чем выше позиция, тем более страна открыта к созданию и развитию бизнеса.

Марокко - небольшая страна на западе Северной Африки, которая считается одной из наиболее развитых и «вестернизированных» стран арабского мира. Население страны составляет 36,47 млн человек, а уровень пожилого населения равен 7,3% от общего количества; это говорит о том, что Марокко чуть ближе по демографическим показателям к «развитым» странам, но в целом не выбивается из общего тренда [1].

К основным отраслям экономики можно отнести сельское хозяйство, добычу фосфатов, текстильное производство, туризм и сектор услуг, в целом [2]. Услуги в Марокко составляют 50,93% от всего ВВП; для сравнения - среди стран Магриба только в Тунисе этот показатель выше и составляет 61,72%. Ни одна из статей экспорта и импорта не превышает 20% от общего количества, что свидетельствует о высоком уровне диверсификации марокканской экономики. Кроме того, в Марокко более низкий уровень коррупции (86-е место из 179) [3], что лучше, чем у всех стран региона, кроме Туниса (69-е из 179). Наконец, Марокко занимает 53-е место по рейтингу легкости ведения бизнеса (из 190) [4], обгоняя все страны арабского мира, кроме ОАЭ (16-е) и Бахрейна (43-е место).

Мавритания, если сравнивать ее с Алжиром и Марокко - государство с обширной площадью, но малочисленным населением - всего 4,53 млн человек. К ее экономическим преимуществам можно отнести крайне большой объем населения младше 15 лет (39,89%) и очень малый процент населения старше 65 лет - 3,16% [1]. В основном, в стране развиты рыболовство, добыча железных, медных руд и золота [2]. Услуги в ВВП страны занимают 45,83%, что меньше, чем у соседей по региону. Можно утверждать, что экспорт страны состоит из двух категорий: 1) морепродукты (47,9%); 2) металлы (48,55%). Это показывает слабый уровень диверсификации мавританской экономики. К недостаткам мавританской экономики также можно отнести высокий уровень коррупции (134-е место из 190) [3] и неблагоприятные условия для бизнеса (152-е из 190) [4] (см. табл. 1).

В начале третьего тысячелетия КНР обратила свой взор на экономику этого региона. Еще в 2001 г. товарооборот КНР с тремя странами составлял лишь \$710,81 млн [5], или около 6,58% от всей торговли Китая с Африкой. С 2000 по 2018 гг. Китай увеличивал свою экономическую активность на Африканском континенте, вместе с тем наращивая товарооборот с Алжиром, Марокко и Мавританией в 46, 13 и 64 раза, соответственно.

Основная причина интереса КНР к этому региону - его увеличивающаяся потребность в энергоресурсах и стремление реализовать свою экспортную продукцию на внешних рынках [6]. Для содействия и консультаций по реализации экономических проектов существуют специальные экономические и торговые отделения посольств КНР в Алжире, Марокко и в Мавритании, соответственно [7; 8; 9].

По последним данным на 2019 г., товарооборот КНР с тремя странами Магриба значительно вырос и составил \$14,71 млрд, что в 20 раз больше, чем в 2001 г. (см. табл. 2). Доля этих государств в товарообороте КНР с Африкой повысилась до 7%.

Крупнейшим экономическим, а также политическим партнером Китая среди этих стран, является Алжир. Основная часть товарооборота со всем регионом приходится именно на Алжир и составляет \$8,08 млрд. В экспорте из Алжира в Китай преобладают нефть и газ (98,38%), т.е. можно утверждать, что Алжир играет роль сырьевого придатка для экономики КНР.

Это схоже с примером Анголы, которую часто приводят в качестве образца подобного вида сырьевого сотрудничества КНР с другими странами, где из страны вывозятся полезные ископаемые, а ввозятся товары китайского производства. В то же время КНР экспортирует в Алжир большое количество различных категорий товаров, включая текстиль (19%), товары металлургической отрасли (14%), продукцию машинного оборудования (21%), транспортные средства (13%) и т.д. [2] Особенность торгового сотрудничества - отрицательное торговое сальдо Алжира в торговле с Китаем: экспорт в КНР в 6 раз меньше импорта из нее.

Таблица 2. Торговый оборот КНР со странами Магриба за 2019 г.
Table 2. China's trade turnover with the Maghreb countries in 2019

Страны/регионы	Импорт из КНР (\$ млрд)	Экспорт в КНР (\$ млрд)	Товарооборот с КНР (\$ млрд)
Алжир	6,942	1,141	8,083
Ливия	2,452	4,816	7,268
Мавритания	1,026	0,928	1,954
Марокко	4,035	0,633	4,668
Тунис	1,364	0,209	1,573
Магриб	15,819	7,727	23,546

Составлено по: [5].

Марокко занимает 2-е место среди рассматриваемых нами государств по уровню товарооборота с КНР, который составлял на 2019 г. \$4,668 млрд. Торговые связи КНР и королевства Марокко более интересны с точки зрения структуры самого товарооборота, поскольку здесь уже нельзя обнаружить какой-то довлеющей категории товаров, а присутствует высокий уровень диверсификации как в экспорте в Китай, так и в импорте из него. Основная статья экспорта в КНР из Марокко на 2018 г. - электронное оборудование (31,9%), включая микросхемы (20,5%), полупроводниковые приборы (5,9%), изолированные электропровода (1,15%), что выбивается из «ресурсного» тренда в торговле КНР с Африкой. Далее следуют полезные ископаемые (26,2%), текстиль (20,4%), товары сельскохозяйственной продукции (7,3%) и др. [2].

Импорт в Марокко из КНР представлен текстильной продукцией (22,1%), машинным оборудованием (20,2%), электронным оборудованием (19,7) и т.д. Для Марокко также характерно значительное превышение объема импорта из КНР над экспортом в нее (в 6 раз), что укрепляет уверенность в том, что эти государства важны для Китая, скорее, как рынки потребителей китайской продукции, чем просто поставщики природных ресурсов.

Наконец, Мавритания имеет не слишком большой объем товарооборота с КНР - примерно \$1,95 млрд. В силу особенностей экономики Мавритании и низкого уровня ее развития экспорт этой страны в КНР состоит преимущественно из полезных ископаемых (88,36%) и сельскохозяйственной продукции (11,6%). Импорт включает в себя такие категории товаров, как текстиль (53,2%), сельскохозяйственная продукция (9%), электронное оборудование (8,9%) и т.д. [2] В случае Мавритании, ее торговое сальдо с Китаем пусть и является отрицательным, но не имеет такого сильного дисбаланса, импорт превышает экспорт лишь в 1,11 раз (см. табл. 2).

ИНВЕСТИЦИИ КНР В АЛЖИР, МАРОККО И МАВРИТАНИЮ

Обратимся теперь к инвестиционной активности КНР в Алжире, Марокко и Мавритании. Новостные агентства многих стран отмечают, что Китай стал «вливать» инвестиции в страны Африки, при этом вытесняя европейские страны и США с Африканского континента [10].

По данным на 2018 г., КНР является 5-м инвестором в Африку по объему накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) с суммой в \$46 млрд [11]. Это значительный рост всего за 4 года с \$34 млрд, и в будущем ожидается дальнейшее увеличение в связи с инвестиционным соглашением КНР об инвестициях на \$60 млрд в Африку.

Страны Магриба, в среднем, получают меньше китайских ПИИ в сравнении с такими странами, как ЮАР, Нигерия, Эфиопия, однако они также стали бенефициарами от усиления экономического присутствия Китая в Африке [12]. С 2005 по 2020 гг. Китай инвестировал в Алжир, Марокко и Мавританию \$27,16 млрд, причем Алжир получил львиную долю этих инвестиций - \$23,85 млрд [12]. В Марокко и Мавритании инвестиций из КНР несравнимо меньше - \$2,3 и \$1,01 млрд, соответственно.

Необходимо отметить, что почти все инвестиции направлены на выполнение инфраструктурных проектов, добычу нефти и газа - черта, которая свойственна и инвестициям КНР в Африку, в целом. Однако также китайскими компаниями в трех странах Магриба выполнялись проекты в сфере туризма, недвижимости и индустрии развлечений. Наиболее активной в Алжире представляется деятельность таких китайских компаний, как *CNPC, Sinohydro, State Construction Engineering, China Railway Construction, Sinosteel* и ряда других [12].

В Марокко китайские проекты концентрируются в транспортной отрасли, энергетике и недвижимости. Данные проекты исполняются уже упомянутыми *Sinohydro* и *China Railway Construction*, а также *Three Gorges, Power Construction Corporation, Sinomach* [12]. По мнению автора, инвестиции КНР в Марокко невелики в силу его большей ориентации и открытости западным инвесторам, что все же не исключает возможности роста уровня китайских ПИИ в будущем.

Мавритания имеет низкий уровень вовлеченности китайских инвесторов в развитие экономики страны из-за своего непривлекательного инвестиционного климата и политической нестабильности, о чем говорилось ранее. С 2010 г. Мавритания не заключала новых инвестиционных контрактов с КНР, а те немногочисленные проекты, которые выполнялись, также были ориентированы на сектор транспорта и сельскохозяйственное хозяйство. Среди функционирующих там компаний можно назвать *China Communications Construction, China Poly, Gezhouba* и др. [12].

Магриб участвует в масштабной инициативе «Один пояс - один путь» (ОПОП), реализуемой Китаем и объявленной руководителем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Она подразумевает возрождение существовавшего столетия назад Шелкового Пути между Китаем и Ближним Востоком, но стремится расширить его до двух крупных проектов: 1) Экономический пояс Шёлкового пути; 2) Морской Шёлковый путь XXI века.

По данным на 30 января 2021 г., КНР заключила более 200 соглашений с 140 государствами и 31 международной организацией по сотрудничеству в реализации данной инициативы [13]. В число подписантов

этих соглашений входят и рассматриваемые нами Алжир, Марокко и Мавритания. Алжир и Мавритания присоединились к инициативе в 2018 г., в то время как Марокко сделало это годом ранее.

Несмотря на то, что эти страны пока не являются активными участниками проекта, в Марокко в 2017 г уже было подписано как минимум три крупных инвестиционных соглашения в рамках инициативы ОПОП [13]. Это также, вероятно, является следствием визита короля Марокко Мухаммеда VI в КНР в 2016 г., как и укрепления политических отношений в целом.

Уровень экономической активности Китая в регионе возрос за последние два десятилетия, а уровень товарооборота с этими странами вырос без малого в 20 раз. Если ранжировать страны по убыванию объемов торговли с КНР, то выйдет следующий список: Алжир, Марокко, Мавритания. Это соотносится как с объемами экономик этих стран, так и степенью их привлекательности для КНР в силу запасов природных ресурсов и потребительских рынков.

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КНР С АЛЖИРОМ, МАРОККО И МАВРИТАНИЕЙ

Чтобы выявить существующие проблемы в двусторонних торговых отношениях, автор обратился к двум значимым для анализа международной торговли показателям - индексу интенсивности торговли и индексу торговой комплементарности.

Индексы интенсивности торговли и торговой комплементарности были использованы такими исследователями, как Блудова С.Н.¹ [14], Олден К.² и Фатен А.-К.³ [15] для детального исследования уровня отношений в области торговли между двумя и более странами (Россия и ЕАЭС, Китай и Канада). Благодаря расчету данных индексов был выявлен реальный уровень торгового взаимодействия между Китаем, Алжиром, Марокко и Мавританией, а также выделены страны, с которыми Китай имеет наиболее активные экономические отношения, наилучшую торговую совместимость.

Рассмотрим *индекс интенсивности торговли*. В целом, это довольно простой для расчета и наглядный показатель, по которому можно судить об уровне вовлеченности двух стран в торговлю между собой. Он измеряется значениями от 0 и до бесконечности, но достаточным уровнем интенсивности считается уже единица. Это демонстрирует довольно активное торговое взаимодействие между двумя странами. Уровень ниже единицы рассматривается как незначительный и говорит об отсутствии тесной торгово-экономической кооперации.

Индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$I_{ij} = \frac{X_{ij} * (M_w - M_i)}{X_i * M_j}, \text{ где}$$

X_i - общий объем экспорта страны i ; X_{ij} - экспорт страны i в страну j ;
 M_j - общий объем импорта страны j ; M_i - общий объем импорта страны i ;
 M_w - общий объем мирового импорта.

При помощи этой формулы был рассчитан индекс интенсивности торговли со стороны КНР с Алжиром, Марокко, Мавританией и, напротив, со стороны данных трех стран Магриба с Китаем за период с 2010 по 2019 гг. (см. *табл. 3*). Данные для расчетов взяты из официальных открытых источников КНР (Китайский статистический ежегодник) [5] и открытой базы данных Всемирного банка [1].

Основываясь на полученных данных, можно говорить о трех ключевых трендах: 1) в 2-х из трех случаев торговля со стороны КНР более активна, чем со стороны одной из трех рассматриваемых стран; 2) в 2-х из трех случаев (Алжир, Марокко) торговля со стороны рассматриваемых стран будет менее интенсивной, чем со стороны КНР, а также не будет расти с течением времени; 3) интенсивность торговли со стороны КНР возросла в 2-х из трех случаев (Алжир и Мавритания) за обозреваемый период.

В предыдущей части статьи показано, что Алжир по совокупным объемам товарооборота является лидером в торговле с Китаем.

Однако как обстоит ситуация в случае с интенсивностью торговли?

¹ Блудова Светлана Николаевна, Северо-Кавказский Федеральный Университет, кафедра налогов и налогообложения, доцент, к.э.н.

² Олден Крис, Лондонская школа экономики и политических наук, научный сотрудник Южноафриканского института международных отношений, профессор международных отношений.

³ Фатен Аггад-Клерк, Южноафриканский институт международных отношений, африканская программа Европейского центра управления политикой развития, магистр международных отношений (*прим. авт.*).

Во-первых, имеют место те тенденции, о которых мы упоминали: с 2010 по 2019 гг. КНР стабильно была более активна в торговле, чем Алжир, и, более того, этот разрыв со временем только увеличивался. Это объясняется значительным отрицательным торговым сальдо Алжира в торговле с Китаем, а также все увеличивающимся стремлением КНР реализовать свою продукцию на внешних рынках.

Таблица 3. **Индекс интенсивности торговли КНР с Алжиром, Марокко и Мавританией с 2010 по 2019 гг.**
Table 3. **China's trade intensity index with Algeria, Morocco, and Mauritania from 2010 to 2019**

Период	Со стороны КНР в Алжир	Со стороны Алжира в КНР	Со стороны КНР в Марокко	Со стороны Марокко в КНР	Со стороны КНР в Мавританию	Со стороны Мавритании в КНР
2010	0,86	0,25	0,67	0,2	1,14	5
2011	0,83	0,32	0,65	0,17	1,25	5,58
2012	0,9	0,36	0,63	0,2	1,07	5,49
2013	0,89	0,36	0,61	0,18	1,37	6,13
2014	0,99	0,24	0,52	0,16	1,93	5,63
2015	1,05	0,25	0,57	0,18	1,91	4,27
2016	1,2	0,13	0,59	0,2	2,58	4,71
2017	1,2	0,14	0,57	0,19	2,2	3,64
2018	1,28	0,3	0,58	0,18	2,34	3,61
2019	1,24	0,34	0,63	0,16	2,28	3,59

Составлено по: [1; 5].

Во-вторых, торгово-экономическая интенсивность Алжира с КНР за данные годы не только не возрастала, но даже переживали определенные падения, которые особо заметны в 2016-2017 гг. (см. *граф. 1*)

В-третьих, можно отметить, что уровень интенсивности со стороны КНР преодолел порог в единицу (см. *табл. 3*), а значит, торговые потоки между странами достигли уровня торговой активности выше среднего. Стоит подчеркнуть, что эта разница в интенсивности имеет тенденцию к увеличению, соответственно, торговые отношения Алжира и КНР будут все более несбалансированными.

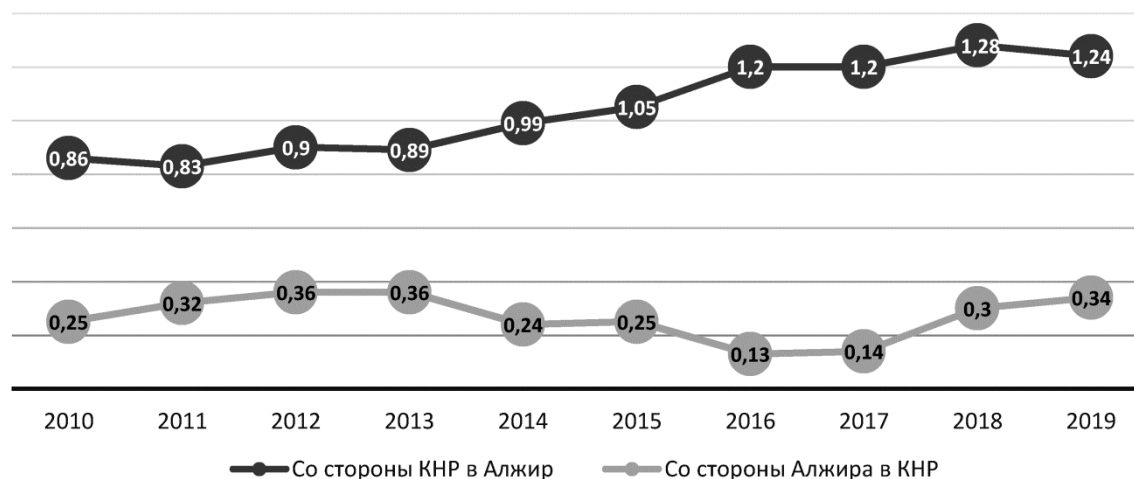

График 1. **Индекс интенсивности торговли КНР с Алжиром с 2010 по 2019 гг.**
Graph 1. **China-Algeria Trade Intensity Index from 2010 to 2019.**

Составлено по: [1; 5].

Торговые отношения Марокко с Китаем почти в точности копируют тренды, наблюдаемые у Алжира (см. *граф. 2*). КНР постоянно была более активна в своей торговле с Марокко, однако этот показатель был невысок, колеблясь от 0,52 до 0,67. Со стороны Марокко интенсивность торговли была ниже, не превысив за весь период уровня в 0,2.

Причина, по которой Марокко не наращивал свою активность в торговле с КНР, - его более тесные связи с европейскими экономиками. Странно, что КНР не увеличила свою торговую активность с Марокко,

особенно после многообещающего визита Мухаммеда VI в Китай. Вполне вероятно, КНР просто осознает, что в ближайшей перспективе не сможет вытеснить страны Европы как важнейших экономических партнеров Марокко, поэтому предпочитает сохранять статус-кво.

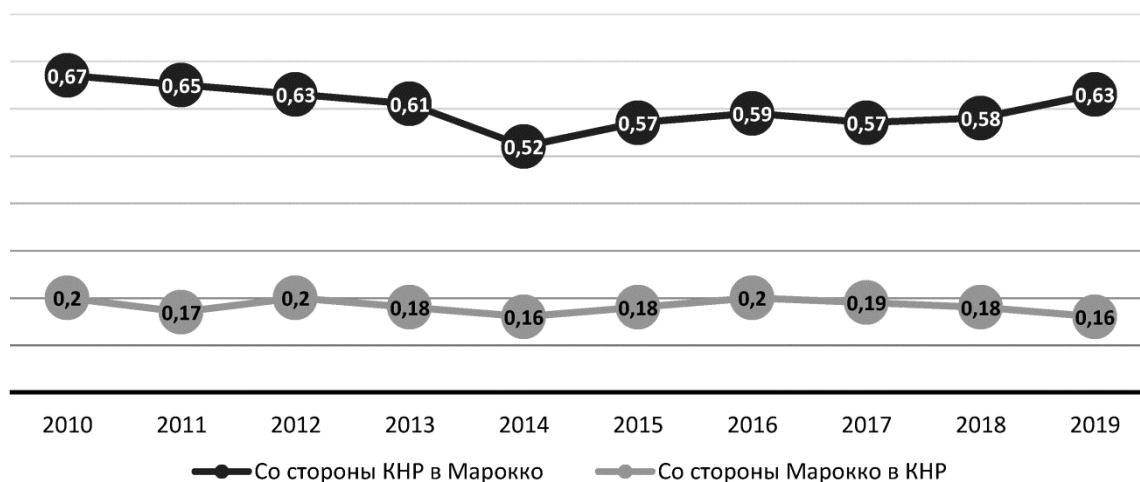

График 2. Индекс интенсивности торговли КНР с Марокко с 2010 по 2019 гг.
Graph 2. China-Morocco Trade Intensity Index from 2010 to 2019.

Составлено по: [1; 5].

Мавританию можно назвать отклонением от тех трендов, которые мы обнаружили в случае с Алжиром и Марокко, поскольку в ее случае они носят противоположный характер. Мы видим, что в 2010 г. Мавритания была в 4,5 раза активнее в торговле, чем КНР (см. *граф. 3*). Тенденция большей активности со стороны Мавритании сохранялась в течение всего времени, но после 2014 г. дисбаланс стал выравниваться.

На 2019 г. индекс интенсивности торговли со стороны Мавритании выше лишь на 1,3 пункта в сравнении с КНР, что демонстрирует позитивное развитие торгового взаимодействия Китая и Мавритании. Более того, индекс интенсивности торговли КНР с Мавританией с обеих сторон не опускался ниже значения в 1,14 с 2010 по 2019 гг. Несмотря на то, что по суммарному объему товарооборота с Китаем Мавритания отстает от Марокко и Алжира, сама интенсивность торговых потоков у нее значительно выше.

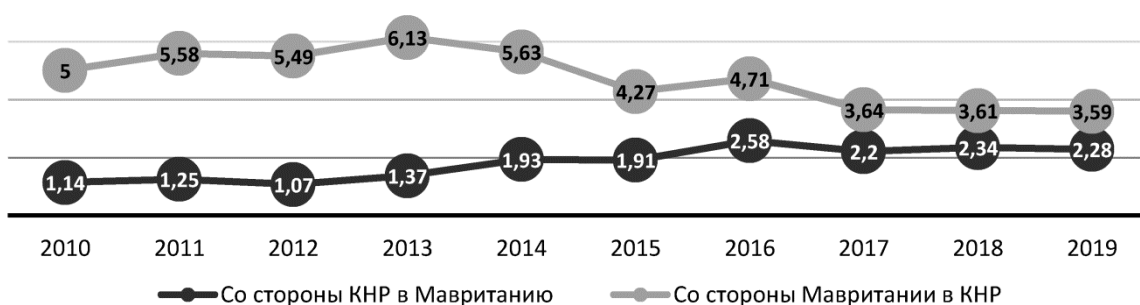

График 3. Индекс интенсивности торговли КНР с Мавританией с 2010 по 2019 гг.
Graph 3. China-Mauritania Trade Intensity Index from 2010 to 2019.

Составлено по: [1; 5].

Перейдем к *индексу торговой комплементарности*, который служит показателем совместимости двух экономик по их экспорту и импорту в определенных категориях товаров. Он измеряется только в пределах от 0 до 1, где 0 показывает абсолютную несовместимость, а 1 - абсолютную комплементарность двух экономик с точки зрения торговли каким-либо товаром.

Благодаря этому показателю, мы сможем выделить наиболее перспективные виды товаров, которые могут быть более логичными для КНР, Алжира, Марокко, Мавритании с точки зрения совместимости их экспортных и импортных структур. Он рассчитывается по следующей формуле:

$$I_{jk} = 1 - \frac{\sum_i |Ex_{ij} - Im_{ik}|}{2}, \text{ где}$$

I_{jk} – индекс комплементарности торговли между экспортером j и импортером k по товарным группам i;

Ex_{ij} – доля товаров i в экспорте страны j;

Im_{ik} – доля товаров i в импорте страны k.

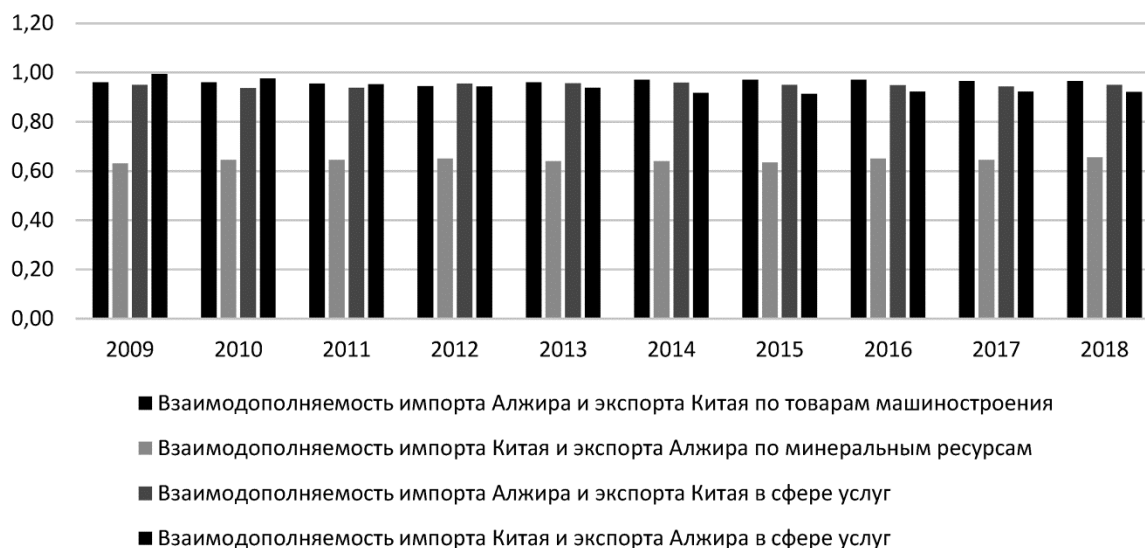

Диаграмма 1. Индекс торговой комплементарности КНР с Алжиром с 2009 по 2018 гг.

Diagram 1. China-Algeria Trade Complexity Index from 2009 to 2018.

Составлено по: [2].

Автор использовал открытые данные, которые размещены в Атласе экономической комплексности Гарвардского университета, для расчета этого индекса с 2009 по 2018 гг.

Начнем анализ результатов с кейса Алжира. Первая категория товаров, которая была рассмотрена - это минеральные ресурсы (нефть, газ). Данная категория экспорта Алжира, как говорилось ранее, превалирует над всеми остальными и также является доминирующей в экспорте в КНР. Однако индекс торговой комплементарности не превышал значения в 0,66 за все рассматриваемые 10 лет (см. *диагр. 1*). Это означает, что хотя именно это импортирует Китай из Алжира, на самом деле минеральные ресурсы не являются лучшим товаром в торговой связке Китай-Алжир.

Для экспорта из Алжира в КНР, с точки зрения торговой комплементарности двух стран, намного лучше подходят, например, различные услуги, которые включают туризм, возможно, ИКТ и др. В этом случае индекс не опускался ниже отметки в 0,91 за период наблюдений. То же справедливо и для импорта услуг в Алжир из КНР, что даже несколько больше соответствует их уровню торговой комплементарности: индекс колебался от 0,93 до 0,96.

Это подкрепляет позицию автора о том, что услуги должны играть большую роль в торговле между КНР и странами Магриба, поскольку именно за ними, а не за природными ресурсами, будущее мировой экономики. Однако еще можно отметить почти идеальный уровень торговой комплементарности между импортом Алжира и экспортом КНР по товарам машиностроения: с 2009 по 2018 гг. индекс не опускался ниже 0,95.

Марокко имеет уровень торговой комплементарности с КНР по ряду категорий товаров, приближенный к единице (1). Необходимо отметить, что товары машиностроения традиционно играют большую роль в торговле Китая с Алжиром, Марокко и Мавританией, и уровень торговой комплементарности для экспорта этих товаров из КНР в Марокко довольно высок (см. *диагр. 2*). Данный факт свидетельствует о том, что машиностроение - одна из перспективных областей будущего сотрудничества двух стран.

Далее, важную роль в экспорте Марокко в Китай играет электротехника, и уровень торговой совместимости по этой статье товаров колебался в промежутке от 0,96 до 0,99 пунктов. В основном, как было упомянуто ранее, Марокко поставляет КНР микросхемы и другие элементы, необходимые при создании электронных устройств. Китай стремится к диверсификации стран-поставщиков во всех категориях товаров и, в частности, он пытается избавиться от чрезмерной зависимости от западного импорта технологий, что

побуждает его закупать данный вид товаров в развивающихся странах за более низкую цену. Подобный уровень индекса показывает, что КНР и Марокко было бы логично развивать двухстороннюю торговлю этой категорией товаров, особенно с учётом резко возросшей в последнее десятилетие роли высоких технологий в международной торговле.

Диаграмма 2. Индекс торговой комплементарности КНР с Марокко с 2009 по 2018 гг.

Diagram 2. China-Morocco Trade Complexity Index from 2009 to 2018.

Составлено по: [2].

Наконец, услуги - это та сфера, которая пока остается неразвитой, но имеет большой потенциал и объективные основания для увеличения своей доли в торговле между Китаем и Марокко. Можно отметить, что с 2010 по 2018 гг., скорее, был логичен экспорт услуг со стороны КНР, однако в последние годы показатели выровнялись и составляют около 0,93.

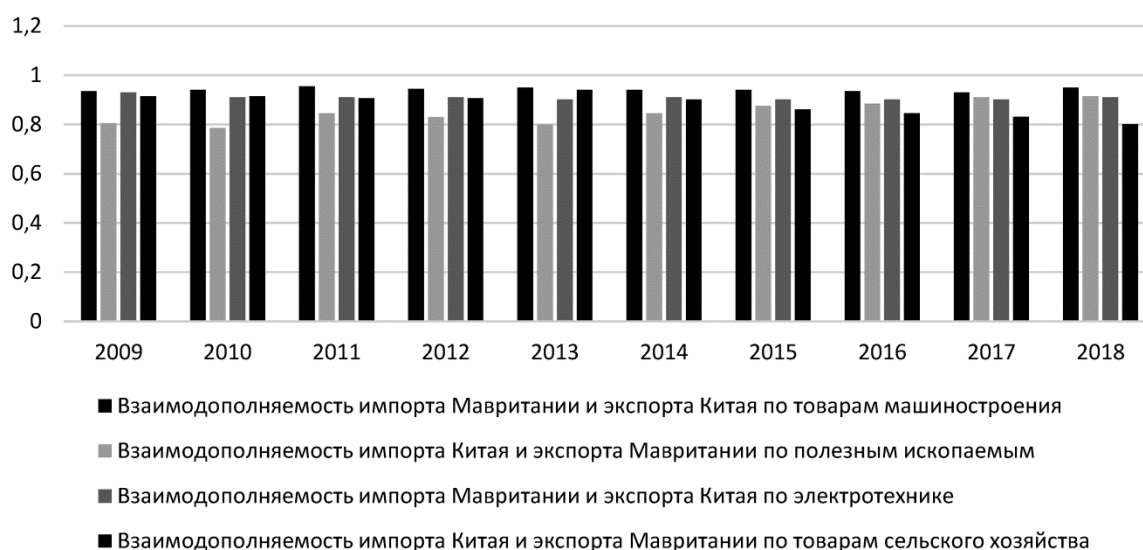

Диаграмма 3. Индекс торговой комплементарности КНР с Мавританией с 2009 по 2018 гг.

Diagram 3. China-Mauritania Trade Complexity Index from 2009 to 2018.

Составлено по: [2].

При рассмотрении индекса в торговых отношениях КНР и Мавритании автор решил, что анализ торговли услугами проводиться не будет в силу почти полного отсутствия этой категории как в экспорте, так и импорте Мавритании. Относительно традиционного элемента торговли Мавритании с Китаем, полезных ископаемых, можно сказать, что это не самая подходящая категория товаров, с точки зрения структуры экспорта Мавритании и импорта КНР. Как и у Алжира, эта статья торговли является основной, и индекс комплементарности даже имел тенденцию к повышению - с 0,81 до 0,92 (см. *диагр. 3*).

Экспорт из КНР в Мавританию таких категорий, как товары машиностроения и электротехники, в будущем имеет смысл развивать и расширять, т.к. индексы торговой комплементарности стабильно имели значения от 0,9 до 0,96. Кроме того, большую роль в экспорте Мавритании играет продукция сельского хозяйства, и индекс торговой комплементарности был сравнительно высоким - от 0,8 до 0,94 пунктов.

Это демонстрирует тот простор для расширения экспорта товаров сельского хозяйства из Мавритании в КНР, который пока не использован в достаточной степени. Особенно актуально это может быть из-за большого населения КНР и стремления обеспечить продовольственную безопасность государства. Мавритания в таком случае могла бы быть одной из стран, способствующих этому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У всех трех стран несколько отличные особенности в контексте торговли с КНР. Анализ двух индексов (интенсивности торговли и торговой комплементарности) показал, что объем товарооборота стран не является показателем, прямо влияющим на уровень торговой интенсивности. Особенно это заметно на примерах Алжира и Мавритании, поскольку именно у Алжира уровень интенсивности торговли с КНР ниже в несколько раз, чем у Мавритании.

Был выявлен тренд более активной торговли со стороны КНР в случае с Алжиром и Мавританией. Расчет уровня торговой комплементарности продемонстрировал, что полезные ископаемые, оставаясь основной статьей экспорта из этих стран в КНР, совсем не идеально подходят этим государствам с точки зрения совместимости их экспортно-импортной структуры.

В будущем торгово-экономических отношений КНР с Алжиром, Марокко и Мавританией наиболее перспективным представляется усиление торговли услугами, товарами сельского хозяйства, электротехникой и продукцией машиностроения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. World Bank Open Data. 2021. <https://data.worldbank.org/> (accessed 23.05.2021)
2. The Atlas of Economic Complexity. Harvard University. 2021. <https://atlas.cid.harvard.edu/> (accessed 23.05.2021)
3. Corruption Perception Index. Transparency International. 2021. <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (accessed 23.05.2021)
4. Ease of Doing Business rankings. *The World Bank*. 2021. <https://www.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 23.05.2021)
5. China Statistical Yearbook 2000. National Bureau of Statistics of China. 2020. (In Chin.) <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (accessed 23.05.2021)
6. Alden Ch., Faten A. Chinese Investments and Employment Creation in Algeria and Egypt. *African Development Bank*. 2012, p. 2.
7. Office of Economy and Trade of the Embassy of the PRC in the People's Democratic Republic of Algeria. Ministry of the Commerce of the PRC. 2021. (In Chin.) <http://dz.mofcom.gov.cn/> (accessed 23.05.2021)
8. Office of Economy and Trade of the Embassy of the PRC in the Kingdom of Morocco. Ministry of the Commerce of the PRC. 2021. (In Chin.) <http://ma.mofcom.gov.cn/> (accessed 23.05.2021)
9. Office of Economy and Trade of the Embassy of the PRC in the Islamic Republic of Mauritania. Ministry of the Commerce of the PRC. 2021. (In Chin.) <http://mr.mofcom.gov.cn/> (accessed 23.05.2021)
10. Mourdoukoutas P. How China beats America and Europe in Africa. *Forbes*. 24.10.2019. World Investment Report 2020. *UNCTAD*. 2021. <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2020> (accessed 23.05.2021)
11. China Africa Research Initiative. Johns Hopkins University. 2021. <http://www.sais-cari.org/> (accessed 23.05.2021)
12. China Global Investment Tracker. American Enterprise Institute. 2021. <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed 23.05.2021)
13. List of countries that have signed cooperation documents with China to jointly build the "Belt and Road". *Belt and Road Portal*. 2021. (In Chin.) <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/77298.htm> (accessed 23.05.2021)
14. Блудова С.Н. Потоки взаимной торговли в рамках Таможенного союза. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2014. №. 6. С. 81-86.
15. Bludova S.N. 2014. Bilateral trade flows within the Customs Union. *Russian Foreign Economic Journal*. №6, pp. 81-86. (In Russ.)
16. Fen S., Latif E. Bilateral trade between China and Canada: trends, patterns, and comparisons. *Asian-Pacific Economic Literature*. 2014. Vol. 28(2). Pp. 77-87. DOI: 10.1111/apel.12074

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кравцов Кирилл Сергеевич, научный ассистент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия.

Kirill S. Kravtsov, Research Assistant, HSE University, St. Petersburg, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
14.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
08.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
20.09.2021

Народ, у которого не бывает вдов

© Альбедиль М.Ф.^a, 2021

^a Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера)
им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8805-2184; albedil@inbox.ru

Резюме. Статья посвящена особенностям этнокультурной идентичности *неваров*, одного из множества непальских народов, который практически не изучен в отечественном востоковедении.

Неваров считают потомками древнего населения долины Катманду, но достоверно неизвестно, были ли их предки здесь коренным народом или пришли в долину из других мест; с их происхождением связано еще немало загадок. В настоящее время численность неваров составляет около 1,5 млн человек, это - шестая часть населения Непала. Они живут, в основном, в крупных городах долины Катманду, а также за ее пределами.

Ярко выраженная этнокультурная идентичность этого народа имеет глубокие исторические корни, а среди ее отличительных особенностей немало уникальных черт. В их числе - религия, представляющая собой тесный синкретизм индуизма и буддизма. Особенности религии закрепились в строго ранжированном кастовом обществе. Кастовая система, изначально связанная с индуизмом, у неваров распространяется и на буддизм, хотя исходно он был несовместим с кастами.

Уникальные особенности сохраняются и в ритуальных практиках, например, в свадебной церемонии *ихи*, во время которой девушки символически заключают брак с божествами Вишну-Нараяной и Сурьей. Когда девушка позже выходит замуж обычным образом и ее муж умирает по какой-либо причине, она не становится вдовой. Уникален и культ живой богини Кумари.

Ключевые слова: Непал, невары, этнокультурная идентичность, ритуал *ихи*, живая богиня

Для цитирования: Альбедиль М.Ф. Народ, у которого не бывает вдов. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 65-72.
DOI: 10.31857/S032150750016843-9

People who never have widows

© Margarita F. Albedil^a, 2021

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8805-2184; albedil@inbox.ru

Abstract. The research article is focused on the peculiarities of the ethnocultural identity of the Newars. This is one of the many Nepalese peoples that is practically not studied in Russian oriental studies. Newars are considered the descendants of the ancient population of the Kathmandu valley, but it is not known for certain whether their ancestors were indigenous here or came to the valley from other places.

Currently, the number of Newars is about 1.5 million people, this is the 6th population of the people of Nepal. They live mainly in the cities of the Kathmandu Valley. The Newars have long been famous as the creators of a rich and original culture. Their pronounced ethnocultural identity has deep historical roots, and among its distinctive features there are many unique ones. The Newar religion is a synthesis of Hinduism and Buddhism, while many of its features are enshrined in a strictly ranked caste society. The caste system originally associated with Hinduism extends among the Newars and Buddhism, although initially it was incompatible with it.

A distinctive feature of the social life of the Newars is the *guthi*, social and religious formations that regulate and control the social and ritual life of the people and help them maintain internal unity. Unique features are also preserved in ritual practices, for example, in the *ihi* wedding ceremony, during which girls are symbolically married to the deities Vishnu-Narayana and Surya. When a girl later marries in the usual way and her husband dies for whatever reason, she does not become a widow. The cult of the living goddess Kumari is also unique.

Keywords: Nepal, Newars, ethnocultural identity, *ihi* ritual, living goddess

For citation: Albedil M.F. People who never have widows. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 65-72. (In Russ.)
DOI: 10.31857/S032150750016843-9

ВВЕДЕНИЕ

В полиэтническом и поликонфессиональном (хотя и объявленном по конституции светским) Непале проживает около 60 разных этносов и народностей, которые говорят более чем на 100 языках и диалектах.

Среди них выделяется один народ, гордящийся своим богатым древним наследием и самобытными культурными традициями, это - *невары*, весьма слабо изученные в отечественном востоковедении.

Между тем, по многим признакам они занимают особое место среди других народов Непала. этнокультурная идентичность неваров отмечена несколькими уникальными чертами, которые едва ли можно встретить у других народов.

Рассмотрение и изучение этой темы представляет не только самостоятельный исследовательский интерес, вызванный современным всплеском этничности в разных регионах мира и повышенным вниманием к проблемам этнокультурной идентичности. Оно может способствовать позитивному решению некоторых актуальных проблем в сфере антропосоциального бытия в нашем полиэтническом мире, поскольку обращение к глубинным этническим ценностям, сохраненным в неварском обществе, можно трактовать как защитную реакцию людей на неустойчивость и изменчивость современной жизни.

ЗАГАДКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕВАРОВ

Современных неваров считают потомками древнего населения долины Катманду, исторического и культурного центра Непала. Однако достоверно неизвестно, были ли их предки коренным народом этой местности или пришли в долину из других мест. Если же они были пришельцами, то неясно, откуда, когда и какими путями они двигались сюда и где находилась их древняя историческая прародина [1, p. 435].

По всей вероятности, загадка происхождения этого народа еще далека от разрешения по многим причинам, среди которых не последнее место занимает слабая археологическая, эпиграфическая и палеоантропологическая изученность Непала, а также скудость исторических источников и своеобразие исторического сознания непальцев, которые - в отличие от людей Запада - не расценивают его как некую необходимую точку опоры. Пока же остается исходить из самых общих предположений, согласно которым пригималайские районы с древних времен и на протяжении многих веков входили в зону взаимопроникновения нескольких этнических пластов, в числе которых были дравиды, австроазиаты, арии, тибето-бирманцы и другие народы. Массовые перемещения населения происходили и из-за военных завоеваний, нередко случавшихся в этом регионе во все времена. Вследствие этого кажется вполне закономерным предположение,

что в этногенезе неваров принимали участие разные этнические группы - древние кираты, предки тибето-бирманских народов Непала, мундоязычные племена, выходцы из северной Индии и другие группы индийского происхождения [2, с. 8].

Согласно одной из гипотез, невары могут также иметь южноиндийское происхождение. Такого взгляда придерживается непальский ученый Г.С.Непали, специально изучавший неваров. По его мнению, правитель Нанья Део, карнатский, т.е. южноиндийский раджа (возможно, из династии Чалукьев), в XI в. привел в Непал индийцев как солдат своей армии. Г.С.Непали подтверждает свою точку зрения сходством в физическом облике, социальном устройстве, а также в культурных и лингвистических особенностях у неваров и южноиндийских дравидов [3, p. 14]. Он считает, что и название непальского народа произошло от слова *наяр/найяр* - кастового термина, принятого в Южной Индии. Другие ученые возводят слово «невар» к названию страны Непал. Впрочем, непротиворечиво объяснить происхождение этнонима «невар» столь же сложно, как и происхождение самого народа [3, p. 27-30].

Как бы то ни было, невары, по всей вероятности, довольно рано обрели весьма развитое этническое самосознание и к началу XV в. сложились как самостоятельная этнолингвистическая общность, создав в средние века свое самостоятельное государство. В 1768 г., когда гуркх Притхви Нараян Шах объединил разрозненные княжества

Фото 1. Храм Ньятапола в Бхактапуре, возведенный неварскими зодчими. Фото автора.
Photo 1. The Nyatapola Temple in Bhaktapur, erected by Newar architects.

в единое непальское королевство, неварское государство распалось на самостоятельные княжества - Катманду, Бхадгаон и Патан. Об их существовании напоминают нынешние города с теми же названиями, в которых преимущественно и живут современные невары. Они встречаются также за пределами долины Катманду. Неварские диаспоры известны в США, Японии, Бельгии, Германии и некоторых других странах мира [4, pp. 88-90].

В настоящее время неваров насчитывается около 1,5 млн человек (при населении страны ок. 28 млн); они образуют 6-ю по численности народность Непала. Антропологически они относятся к монголоидам, но среди них встречаются и южные европеоиды, нередки и разные переходные типы. Их язык входит в отдельную ветвь тибето-бирманских языков китайско-тибетской семьи, но в нем присутствуют и индоарийские элементы.

Издавна невары славились как создатели богатой и своеобразной культуры; крупными центрами ремесла и торговли были преуспевавшие города, окруженные земледельческими поселениями. Руками искусных неварских зодчих в долине Катманду было возведено множество неповторимых храмов, святилищ и скульптур (см. *фото 1*). Изделия неварских ремесленников из дерева, металла и глины всегда пользовались большим спросом в соседних Индии и Китае. Веками невары имели репутацию опытных и преуспевающих торговцев; этому способствовало положение долины Катманду на транзитных путях между Индией, Китаем и Тибетом, где процветала трансгималайская торговля.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НЕВАРОВ

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что невары обладают ярко выраженной этнокультурной идентичностью.

Имея глубокие исторические корни, она не раз менялась под влиянием различных социальных, этнических, культурных и иных обстоятельств, формировавших ее отличительные особенности, среди которых немало уникальных черт. Примечательно, что невары стараются сохранить свою традиционную культуру даже в условиях современной глобализации и модернизации. Думается, этому способствуют глубинные основания и разнообразные связи, заложенные в их культуре. Они не в последнюю очередь определяют смысл жизни всего народа в целом и отдельного человека, они же способствуют сохранению и трансляции маркерных элементов культуры и основных идентификационных характеристик народа.

Каковы же эти характеристики? Пожалуй, главной среди них стоит назвать религию. Это индуизм и буддизм, которые образуют у неваров такой тесный синкретизм, что порой трудно определить границу между ними. Сами невары называют себя *Шива Марги* - последователи Шивы (на их долю приходится более 80%), и *Буддха Марги* - последователи Будды (составляют около 15%). Ситуация сращивания религий складывалась веками. Исторически, примерно с VII-VIII вв. до н.э., доминировал буддизм, но позже, начиная с XIII в., утвердился индуизм, который с XVIII в. стал государственной религией, мирно сосуществуя с буддизмом [5, pp. 110-115].

Многие особенности религии закреплены в строго ранжированном кастовом обществе. Кастовая система Непала была заимствована из Индии (XIV в.). При этом касты неваров отличаются от общенепальской модели более сложной иерархической структурой; они имеют полный набор статусных групп, типичных для индуистских обществ. В среднем, исследователи выделяют у неваров от 20 до 30 каст в рамках следующей иерархической структуры: служители культа; высшие касты; сельскохозяйственные касты; касты ритуально «чистых» профессий; касты ритуально «нечистых» профессий; неприкасаемые. Главенствующую роль в жизни общества играют жрецы - брахманы (*бахуны*) и воины - кшатрии (*чхетри*) [6, pp. 235-260].

Кастовая система неваров, как и других непальских народов, неразрывно связана с индуизмом. Она была декретирована этой религией со времени своего зарождения и, в свою очередь, всегда служила его прочной и неизменной цементирующей силой. Кастовые предписания вплоть до настоящего времени воспринимаются как религиозные правила, поэтому касты не только формируют социальную иерархию в обществе, но и определяют ритуальный статус людей и их основные религиозные обязанности. В зависимости от семейно-родственной и кастовой группы невары живут в определенном месте, занимаются определенной деятельностью, поклоняются тем или иным богам и совершают предписанные кастой ритуалы и праздники. Важно отметить, что в противовес общепринятым канонам многомерная иерархическая система кастовой дифференциации, изначально связанная с индуизмом, распространилась у неваров и на буддизм, хотя исходно буддизм был совершенно не совместим с кастами.

Примечательной особенностью этнокультурной идентификации неваров являются *гутхи* - особые социально-религиозные институты (их можно условно назвать общинами или братствами), которые играют ключевую роль в неварском обществе. Они регулируют и контролируют ритуальную и социальную жизнь неваров и позволяют им поддерживать внутреннее единство. Гутхи охватывают широкий спектр

социальных групп - от касты до родственных групп, живущих на одной территории. Целая сеть таких гутхи, иногда перекрывающих друг друга, объединяет неваров на трех уровнях: кастовом, территориальном и патрилинейно-родственном.

Существуют гутхи, целью которых является выполнение определенных работ, например, строительство храма. Другие гутхи совершают ритуалы почитания какого-либо божества (обычно это божество репрезентирует единство гутхи). Специальные гутхи занимаются похоронными обрядами, подготовкой праздничных ритуалов, исполнением музыки и танцев и т.п. Если члены гутхи нарушают предписанные нормы и правила, их подвергают наказаниям вплоть до социального бойкота [3, pp. 191-195].

Таким образом, социальная жизнь неваров регламентирована гораздо более строго и разнообразно, чем у других непальских народов. Стоит специально отметить важность пищевой символики в повседневной и праздничной культуре неваров, которая включает в себя не только поведенческие нормативы застолья, но и символические особенности некоторых блюд [7, pp. 158-170].

Важную роль в религиозной и социальной жизни народа традиционно играют ритуальные практики. Их множество, они обильно уснащают и жизненный путь каждого человека, и годовой цикл всего народа. Среди этих практик существуют уникальные, которые не встречаются у других народов Непала. Как важнейшие коммуникационные инструменты многие ритуалы неваров разработаны чрезвычайно тщательно и вписаны во временные и пространственные рамки, гармонично сопрягая ритмы людей и природы. Так, для людей пожилого возраста проводят ритуалы, отмечающие приближение старости. Мужчин и женщины могут пройти 3 обряда *джанко*, или *бурха-джанко*, после которых они перестают быть обычными людьми и переходят в разряд обожествляемых предков.

Первый раз церемонию устраивают, когда человеку исполняется 77 лет, 7 мес., 7 дней, 7 час., 7 мин., 7 секунд. Второй ритуал *джанко* отмечают в возрасте 83 лет, 4 мес., 4 дня, 4 мин., а третий и последний (если до него доживают) в 99 лет, 9 мес., 9 дней и т.д. Каждый раз семейный жрец совершает жертвоприношение богам, а старцев приветствуют и поздравляют все члены семьи и клана [3, pp. 120-123].

ПОЧЕМУ НЕВАРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ НЕ БЫВАЮТ ВДОВАМИ?

О неварских женщинах говорят, что они трижды выходят замуж - первый раз за Вишну-Нараяна, второй раз - за бога солнца Сурью, а в третий - за мужчину. Это действительно так. Неварские девочки в возрасте от 5 до 9 лет, т.е. еще до подросткового возраста, проходят ритуальную церемонию *ихи* (сокр. от *ихи-ла* «свадьба»). Она состоит в том, что их символически выдают замуж за плод священного дерева *бильва* (древесное яблоко, *Aegle marmelos*), которое выступает в ритуале как субститут божества. В индуизме оно считается деревом Шивы, но невары почитают его как символ бога Вишну-Нараяны.

Домашний жрец проводит ритуал *ихи* сразу для целой группы девочек из высококастовых семей, в которую может входить от 5 до 40 человек (см. *фото 2*). Обычно ритуал приурочен к периоду между месяцами *магх* (январь-февраль) и *байсакх* (апрель-май), поскольку он считается благоприятным временем года. Подходящие дни для ритуала, продолжающегося три дня, как правило, выбирает индуистский астролог или буддийский жрец, который выполняет роль астролога. Ритуал проводят либо во дворе дома человека, финансирующего этот ритуал (если этот дом достаточно большой), либо во дворе индуистского храма или буддийского монастыря [8, p. 155-158].

Главными процедурами первого дня *ихи* являются разного рода очистительные церемонии. Девочкам, готовящимся к священному браку, разрешено есть только чистую пищу и в малых количествах, например, молоко и творог, все остальное запрещено. Предусмотрена и специальная процедура измерения тела каждой девочки особым образом, с помощью желтой нити. Эту нить в виде ожерелья кладут в глиняный сосуд, стоящий перед каждой участницей ритуала; это ожерелье предназначено для ее будущего супруга, оно будет использовано в свадебном ритуале.

Основные церемонии совершаются на второй день ритуала. Они начинаются с раннего утра под руководством индуистских брахманов и буддийских жрецов, которые прежде всего устраивают для участниц ритуала специальные места - *свастика асана*, на которых девочки должны находиться во время ритуала, потому что эти места символизируют соединение мужского и женского начал.

Ритуал включает в себя несколько процедур, многие из них полны символического смысла. Среди них - поминальный обряд *шраддха*, во время которого почитаются предки - как с материнской, так и с отцовской сторон. Примечательно, что верховное божество Махадев, призываемое во время этого ритуала под именем Алин Дьо, почитается не в антропоморфном облике, а в виде глиняного сосуда, изготовленного местными гончарами [3, pp. 107-110]. Сосуд у неваров - наряду с изображением божества или при его отсутствии - может выступать полноценным заместителем бога в разных видах ритуальных практик как домашних, так и храмовых, и служить его полноценной репрезентацией. Подобная традиция почитания обожествленных (теофорных) сосудов сохранилась с глубокой архаики [9, с. 150-152].

**Фото 2. Церемония *ихи*. Отцы символически отдают своих дочерей в жены божеству.
Photo 2. *Ihi* ceremony. Fathers symbolically give their daughters to the deity as wives.**

Источник: <https://kailash.ru/news2/news6573.html>

Наконец, на третий день проводится символическая ритуальная свадьба: девочки пышно разодеты, они в украшениях и драгоценностях, как настоящие невесты, проборы в их волосах, как положено, окрашены киноварью в красный цвет. Торжественно зажигается священный огонь, перед каждой девочкой на глиняной тарелке помещается плод бильвы, а их отцы символическими жестами показывают, что они отдают своих дочерей в жены божеству. С религиозной точки зрения, девочки вступают в настоящий брак. Этот ритуал служит основой и для церемонии инициации: отныне девочка считается полноправным членом своей касты и должна неукоснительно выполнять все ее предписания.

Еще один свадебный ритуал *бахра* совершается в пубертатный период. Девочек держат в темной комнате в течение 12 дней, им запрещено видеть свет солнца, которое считается мужским божеством Сурья и за которое они символически выходят замуж на 12-й день. Вот почему неварские женщины считают своего человеческого супруга всего лишь третьим мужем. По сравнению с торжественной свадьбой *ихи* обычный свадебный ритуал кажется совсем простым [10, р. 66-73].

Когда позже девушка выходит замуж обычным образом и ее муж по какой-либо причине умирает, она не становится вдовой и ей не приходится терпеть презрение, обычное для индуистских вдов. Она всегда остается супругой божества, единственного и вечного мужа. Таким образом, у неварских женщин отсутствует статус вдов, и они могут выходить замуж столько раз, сколько захотят.

ШЕСТВИЕ КОРОВ

Нельзя не сказать о многочисленных праздничных ритуалах неваров, которые весьма плотно заполняют годовой цикл, причем их отмечают чаще всего по лунному календарю. В качестве примера можно привести праздничный ритуал *гай джатра* - «шествие коров», который встречается только у этого народа. Обычно его отмечают в начале темной половины месяца *бхадра* (август-сентябрь); как правило, в нем участвуют только индуисты.

По мнению самих неваров, истоки праздника коренятся в глубоком легендарном прошлом, когда жители долины Катманду раз в год умиротворяли индуистского бога смерти Яму. Каждая семья, в которой кто-нибудь умер за год, прошедший с предыдущего праздника, должна присоединиться со своими коровами к процессии, идущей по улицам городов и деревень. У кого нет коров, облачают мальчиков в соответствующие костюмы и маски, украшают их как коров и присоединяют к этому маскарадному шествию. Часто мальчики укрепляют на голове бумажные стаканы, на которых рисуют коровьи рога. Никто не сомневает-

ся, что корова обладает высокими полномочиями и потому может своими рогами открыть ворота в царство Ямы и помочь неупокоенным душам умерших обрести в этом царстве свое заслуженное место [3, р. 353].

Шествие начинается после ритуала поминовения усопших, который совершается в каждом доме рано утром. В праздничную толпу вливаются многочисленные семейные общины в сопровождении жрецов и групп музыкантов, главы семей раздают еду и монеты участникам процессии, включая коров. Все улицы и дороги в этот день переполнены празднующими людьми, всюду царит атмосфера веселья и радости, как ни странным это может показаться на наш европейский взгляд.

Праздник *гай джатра* отмечается во многих городах и селениях долины Катманду, но везде имеет свою локальную специфику, обусловленную разными причинами.

Так, в г. Катманду шествие строится как торжественный парад, который направляется в центральную часть столицы, на площадь Дурбар, где находится комплекс сооружений с королевским дворцом. В Патане процессия выглядит не торжественной, а скорее, деловитой: наряженные коровами мальчики встречаются в центре и обходят местные храмы под громкую игру музыкантов, бой барабанов и грохот привязанной к маскарадным «хвостам» кухонной посуды. Считается, что такой громкий шум способен усмирить разгневанных богов и отпугнуть злонамеренных духов. В Бхадгаоне устраивают настоящий спектакль, во время которого члены семей, в которых недавно кто-нибудь умер, водружают на свои головы огромные, обернутые тканью корзины с соломенными рогами и нарисованными коровьими мордами [11, pp. 99-102].

ЖИВАЯ БОГИНЯ

Совершенно уникален неварский культ живой богини Кумари, который нигде, кроме Непала, не встречается. До 2008 г., когда Непал был единственным в мире индуистским королевством, этот культ был связан с королевской властью и считался одинаково священным как для буддистов, так и для индуистов.

Кумари воплощала богиню Таледжу, которая почиталась как хранительница трона и владычица королей. Девочка-богиня участвовала во всех церемониях государственного масштаба. Каждый год она ставила на лоб короля знак - красную *тику*, тем самым символически благословляя его на правление страной в ближайшее время, магически возобновляя его сакральную власть. Король благодарил ее и прикасался лбом к ее ногам. В течение всего года королевская чета по разным поводам бывала во дворце Кумари [12, pp. 15-25]. Сейчас Непал - не королевство, но культ сохраняется, а место короля занимает первое лицо государства.

Кто же такая Кумари?

Фото 3. Живая богиня Кумари.

Photo 3. Living goddess Kumari.

Источник: <http://top-antropos.com/religion/india-buddhism/item/590-kumari>

Обычно на эту роль выбирают девочку 3-5 лет из буддийской касты ювелиров, причем она проходит строгий отбор. Ее внешний вид не должен иметь никаких изъянов, а на теле до этого ни разу не должна выступить кровь. Астролог обязательно учитывает генеалогию семьи, и претендентка подвергается испыта-

нию на бесстрашие. Избранная в результате строгого отбора девочка проходит ритуал очищения, чтобы ее тело было способно вместить дух богини. Объявленная живой богиней девочка поселяется в своем дворце на центральной площади Катманду и остается там на все время пребывания богиней [13, pp. 45-50].

Верят, что богиня вселяется в Кумари до тех пор, пока у девочки не начнутся менструации, не выпадет зуб или она заболеет. Даже небольшая царапина может положить конец ее божественному состоянию. Бывшая Кумари, носительница сакральной силы, воспринимается как потенциально опасная, поэтому лишь немногие мужчины рискуют взять ее в жены.

Все сказанное относится к т.н. королевской Кумари Катманду, культ которой начал формироваться у неваров в русле буддизма ваджраяны примерно с V в. Вероятно, тогда культ живой богини разных уровней был строго иерархичен и связан с определенными территориями и группами неварского населения [3, p. 48].

Фигура королевской Кумари венчала древний институт нескольких живых богинь - от Кумари большой семьи и квартала до живой богини поселения и княжества. Это был чрезвычайно сложный и многослойный культ, в сферу которого были втянуты разнообразные ритуалы и обычаи, правила и запреты, храмы и дворцы, мифы и легенды (см. *фото 3*).

В настоящее время прежняя целостность культа размыта, его можно только гипотетично восстановить в самом общем виде по нескольким сохранившимся осколкам. Возможно, в прежние времена в долине повсюду существовали подобные Кумари разного масштаба; все они были территориально распределены надлежащим образом в сакральном пространстве государства. Чаще всего разделяющей границей служила река, тем более что Кумари вообще запрещалось переправляться через реку. Большинству из них не разрешалось встречаться с другими Кумари [14].

Гипотетически можно предположить, что в культе Кумари сохранились отзвуки древних представлений о верховной власти, свойственных ранним архаическим обществам с их половозрастной социальной системой. В них ритуал избрания вождя был совмещен с брачным ритуалом, причем в сан вождя мужчину вводила его супруга [15, с. 328-335].

Женщине отводилась особая роль, поскольку она считалась носительницей энергии, причастной к благоденствию человеческого коллектива. Пережитки подобных взглядов долго сохранялись и в Европе, получив выражение в парадоксальном французском высказывании «Король - дитя королевы». Но, насколько можно судить, только в Непале эти архаические взгляды сохранились в наибольшей полноте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гуманитарных исследованиях последнего времени заметна актуализация темы этнокультурной идентичности, отражающая нарастание неопределенности, противоречивых и кризисных явлений в глобальном масштабе. Эта проблематика свидетельствует о сложности и многомерности идентификационных процессов в современном мире, которые нуждаются в глубоком осмыслении.

Неварский материал представляет для этой цели значительный интерес. Он демонстрирует, что невары, объединенные общими культурными ценностями традиционной культуры, сохраняют свою этнокультурную идентичность в условиях глобализации, модернизации и поликультурного непальского общества и транслируют ее традиционными для своего этноса путями. Их опыт убеждает в том, что главным ресурсом этнокультурной идентификации остается ценностно-нормативный пласт своей родной культуры. Именно в нем заложены глубинные связи, определяющие смысл жизни отдельной личности и целого народа и помогающие выработать стратегии и формы сохранения собственной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Doherty V.S. Notes on the Origins of the Newars of the Valley of Nepal Himalayan Anthropology. The Hague/Paris: Mouton, 1978. Pp. 433-445.
2. Габорио М. Непал и его жители. М., Наука, 1985. 184 с.
Gaborio M. 1985. Nepal and its inhabitants. Moscow. (In Russ.)
3. Nepali G.S. The Newars. An Ethno-Sociological Study of a Himalayan Community. Katmandu: Mandala Book Point, 2015. 476 p.
4. Shrestha B.G. The Newars. The Indigenous Population of the Kathmandu Valley in the Modern State of Nepal. *Contributions to Nepalese Studies*. 1999, V. 26, № 1. Pp. 83-117.
5. Gellner D.N. Language, caste, religion and territory: Newar identity ancient and modern. *European Journal of Sociology*. 1986. Vol. 27, Issue 1. Pp. 102-148.
6. Toffin G. Newar Society: City, Village and Periphery. Lalitpur, Nepal: Himal Books, 2007. 473 p.
7. Lowdin P. Food, Ritual and Society. A Study of Social Structure and Food Symbolism among the Newars. Katmandu: Mandala-BookPoint, 1998. 233 p.

8. Gutschov N. The *Ihi* Marriage among the Newars of Bhaktapur, Nepal: Spatial Connotation of an Initiation Ritual. *Hindu and Buddhist Initiations in India and Nepal*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. Pp. 151-166.
9. Альбедиль М.Ф. Метафора сосуда в непальском буддизме. *Вещь в трансляции этничности: Материалы Семнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб, ИПЦСПбГУТД, 2018. С. 149-154.
- Albedil M. 2018. Metaphor of a vessel in Nepalese Buddhism. *Thing in the manifestation of ethnicity: Materials of the 17th International St. Petersburg Ethnographic Readings*. St. Petersburg. (In Russ.)
10. Vergaty A. Gods, Men and Territory. Society and Culture in Katmandu Valley. New Delhi: Manohar, 2002. 250 p.
11. Anderson M.M. The Festivals of Nepal. New Delhi: Rupa Publications India Pvt. Ltd., 2010. 288 p.
12. Allen M. R. The Cult of Kumary: Virgin Worship in Nepal. Katmandu: Tribhuvan University Press. 1975. 166 p.
13. Koosij K.R. Religion in Nepal. Leiden: Brill Academic Publishers. 1978. 33 p.
14. Иванов Б.А. Культ Кумари в Непале. <http://www.nepal-nepal.ru/stati/kumari.php> (accessed 20.03.2017)
- Ivanov B.A. Kumari cult in Nepal (In Russ.). <http://www.nepal-nepal.ru/stati/kumari.php> (accessed 20.03.2017)
15. Мисюгин В.М. Три брата. СПб, Наука. 2009. 380 с.
- Misyugin V.M. 2009. Three brothers. St. Petersburg (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Альбедиль Маргарита Федоровна, доктор исторических наук, вед.н.с., Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Margarita F. Albedil, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
16.03.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.04.2021

Принята к публикации (Accepted)
10.06.2021

«Печаль моя светла...» (заметки о тунисском поэте Тахаре Бекри)

© Прождина С.В.^а, 2021

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCIDID: 0000-0001-8276-0289
svetlana.projogina@mail.ru

Резюме. Названные пушкинской строкой публикуемые ниже заметки - свидетельство творчества тех магрибинцев, которые живут на Западе в вынужденной эмиграции, преодолевая и оторванность от своей отчизны, и холод чужбины, где они испытывают немалые трудности особенностей французского гостеприимства.

Тунисец Тахар Бекри прожил нелегкую жизнь в родной стране, где был в заключении в 1970-е гг. за свое вольнолюбие и участие в студенческих демонстрациях протестов. Перебравшись во Францию в поисках искомой Свободы, он добился немалых успехов в своей научной, общественной и в творческой деятельности, несмотря на все препятствия. Часто выступает с чтением своих стихов перед многочисленными соотечественниками. Его поэзия переведена на многие языки мира, в т.ч. и на русский. Отмеченная значимыми литературными премиями и изучаемая в научных центрах разных стран, особенно в университете Туниса, где Тахара Бекри часто публикуют на арабском в газетах и журналах, его поэзия исполнена особой энергией одоления Мрака Жизни. Неслучайно изначально поэт назвал себя Пахарем Солнца. И если оно вдруг начинает меркнуть под гнетом событий реальности жизни на земле, то в стихах Т.Бекри есть всегда поиск его лучей даже в миражах окружающей Пустыни.

В публикуемой ниже «Песне ...» опечаленному человечеству поэт пытается рассеять сумерки наступившего времени и возродить свет извечной надежды человека на свободу справедливость и братство, на возрождение, на перемены к лучшему, что является и острой актуальностью, и необходимостью сохранения самого гуманизма.

Ключевые слова: Тунис, творчество Т.Бекри, поэзия надежды, время ожидания перемен, ода человеческому братству

Для цитирования: Прождина С.В. «Печаль моя светла...» (заметки о тунисском поэте Тахаре Бекри). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 73-76. DOI: 10.31857/S032150750016844-0

«Et ma tristesse est claire...» (Les notes sur l'œuvre du poète tunisien Tahar Bekri)

© Svetlana V. Prozhogina^а, 2021

^а Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8276-0289
svetlana.projogina@mail.ru

Abstrait. Intitulées par la strophe pouchkinienne les notes publiées - sont le temoignage des œuvres des Maghrebins vivant en émigration forcée et la sentant comme l'exil occidental surmontant et la déchirure avec la patrie et les difficultés pénibles des particularités de l'hospitalité française. Le tunisien Tahar Bekri a supporté la vie assez dure dans son pays natal étant emprisonné pour sa participation dans la manifestation avec les étudiants défendant la liberté dans les années 70. Après il est parti en France où il a décidé de triouver ses ideaux, mais il rencontré beaucoup d'autres maieurs.

Malgrès tout T.Bekri a obtenu la reconnaissance et dans son activité scientifique consacrée à l'histoire de la littérature arabe et maghrébine et dans son activité sociale lisant la poésie devant ses compatriotes nombreux, traduisant ses vers en langue arabe. Voyageant partout, il a obtenu les succès et en Tunisie où son oeuvre on étudie dans son Université natal et ses livres sont publiés en arabe et en français. Marqué par les Prix littéraires significatives en Europe, traduite en plusieurs langues y compris le russe, la poésie de T.Bekri est pleine d'énergie de vaincre de l'obscurité dans la vie.

Ce n'est pas par hasard que le poète en son debut s'est nommé comme «Laboureur du Soleil». Mais si par hasard ce soleil commence à s'éteindre sous les pressions des peines de vies des hommes et la réalité terrestre, dans sa poésie apparaisse toujours la tentative des recherches de ses rayons comme les mirages dans le desert. Le «Chant» publié ci-dessous - est la preuve de l'espoir du poète qui tente a dissiper des crépuscules de sa tristesse de la vie bornée des nombreuses frontières d'aujourd'hui, et desire les changements vers le Meilleur que deviiient très actuel à notre temps.

Les mots-clés: Tunis, l'œuvre du Tahar Bekri, sa vie son attente du Temps Nouveau, les changements vers le meilleur, son espoir à la fraternité et la solidarité humaine

For citation: Svetlana V. Prozhogina. «Et ma tristesse est claire...» (Les notes sur l'œuvre du poète tunisien Tahar Bekri). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 73-76. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750016844-0

ВВЕДЕНИЕ

Нескончаемой зимой 2020 г., когда еще о пандемии говорили тревожно, порой и беспросветно увеличивая количество мутаций вируса, я получила стихи из Туниса, где солнечные берега давно уже были запорошены опавшими листьями т.н. «Жасминовой революции» (2011 г.) и небольшое население тоже переживало не лучшие времена.

Стихи, исполненные искренней боли обреченности человека на одиночество в изоляции от мира, страдающего. Но исполненные и его неиссякаемой надежды на конец «Ночи человечества» и «Восход Солнца, Рассвета», исполненные ожидания всеобщего счастья.

Эти стихи из тунисской газеты «*La Tunisie Républicaine*» принадлежат Тахару Бекри (р. 1951). Его поэзия - давно в поле внимания тех, кто следит за пульсацией мысли людей необычных, живущих, как говорят, «на стыке» цивилизаций Востока и Запада, детей эпохи и борьбы за независимость стран Африки от колониализма, и эпохи постколониальной, особо не обрадовавшей многих и своими радикальными реформами, и своей поступью, порой, в неведомое, без оглядки на цели и идеалы эпохи предшествующей.

Их много - этих людей, разочарованных и плодами Независимости в Африке, и надеждами на обретение желанной Свободы на Западе. Среди североафриканцев, выходцев из Магриба, - больше алжирцев и марокканцев, тунисцев - поменьше, хотя африканская, в целом, эмиграция сегодня идет в значительной части оттуда. Все они не только простые «мигранты» - эмигранты и иммигранты уже не в первом поколении, живущие преимущественно во Франции как стране, так или иначе, исторически и даже историко-политически, а значит - и культурно, и социально, и даже социопсихологически, издавна связанной с Магрибом.

Колониализм был ведь не только попыткой захвата территорий, но и особым историческим процессом, когда в сформировавшихся в магрибинских странах колониальных обществах на территории Алжира (особенно), Марокко и Туниса, постепенно созрела и особая «почва» для автохтонов, «аккультурация» которых на «французский манер» (как особая цель колонизаторов) привела и к получению магрибинцами во французских школах светского образования, и к формированию той среды, где созрели и кадры национальной интеллигенции. Среди них был немалый отряд художников слова, создавших абсолютно новый тип литературы, национальный по духу и современный по форме своего выражения, отличного и от средневекового типа арабской словесности, и от колониальной литературы французов¹.

Поэты, прозаики и драматурги Алжира, Марокко и Туниса конца 1940-х - начала 1950-х гг. и далее, вплоть до наших дней, - явление заметное в мировом литературном процессе. Журнал «Азия и Африка сегодня» уделит немало страниц освещению особо приметных проявлений культуры и литературы франкоязычных магрибинцев.

Здесь же только отмечу, что среди них - немало эмигрантов (по разным причинам, к примеру, алжирцы уезжали во Францию на протяжении всего XX века, да и XXI в. эмиграция продолжалась). Но это еще не значит, что они оторваны от родной земли окончательно: они с ней, и с ее надеждами связаны духовно и даже кровно, переживая, а нередко и участвуя в тех переменах, которые происходят в родном Магрибе.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Тунисец Тахар Бекри родился в Габесе в 1951 г. на юге страны, почти в предсахаре, где горячее дыхание пустыни всегда как-то смягчено освежающим ветром с моря, что омывает город. Семья его была простая, традиционная, но образование будущий поэт получил в столице, в Университете Туниса.

Будучи студентом, вольнолюбивый студент писал стихи о желанной Свободе, презирал Диктатуру, хотел Братства и Справедливости...

Учили его книги великих французских гуманистов, которые он читал, помимо текстов великих арабских поэтов и писателей эпохи Средневековья. История арабской литературы станет его «базовой» профессией в дальнейшем. А пока он принимал активное участие в общественной жизни и даже в студенческих демонстрациях «за Свободу». И публиковал свои юношеские стихи. В конце концов, был схвачен полицией и отправлен, как и многие, в тюрьму, где отсидел

¹ Подр. см. в «Истории литератур стран Магриба». В 3 тт. М., Наука, 1993; Прожогина С.В. *Время не жить и время не умирать*. М., ИВ РАН, 2021.

свой срок. В 1976 г. эмигрировал во Францию. Тяжело заболела его жена - молодая тогда бретонка, художница, порвавшая со своей «буржуазной родней» (как она сказала мне о своих родителях) по причине «неприятности какого-то араба в добропорядочной французской семье...».

Вообще, если кто-то думает, что на Западе эмигрантам в целом, тем более из бывших французских «заморских владений», - жить легко (пособия и всё такое в виде демократии), то это - заблуждение.

«Французское гостеприимство»² - вещь особая, предмет не только официальной политики «культурной интеграции», но и особой социопсихологии, когда в недрах самого французского социума еще не иссякли такие явления, как шовинизм, пренебрежение к «чужому», откровенно существующая «позитивная дискриминация» мигрантов. Не говоря уже об особом затаенном, смешанном чувстве французов своей «колониальной вины» и одновременно - комплекса превосходства с добавленным к этому психологическому соусу и непреходящей боли души того поколения французов, которое выросло на североафриканской земле и оставило ее после краха колониализма вместе с могилами своих предков, обосновавшихся там в эпоху ее покорения.

Словом, эмигранты - особенно из бывших владений Франции - были и остаются людьми «второго сорта», и об этом писали, и пишут, свидетельствуя, многочисленные североафриканцы. Начиная с марокканца Дриса Шрайби [1], включая всю литературу «бёров» - второго поколения иммигрантов 1980-1990-х гг.³, вплоть до наших дней, запечатлевая и попытки североафриканцев адаптироваться на Западе, и попытки их протеста против этно-конфессиональной дискриминации, и даже возникающие трагические конфликты разлада «своего» и «чужого» [2]

Тахару Бекри еще повезло. Он стал преподавать историю арабской литературы в Университете *Paris-Nanterre* - это филиал Сорбонны. Правда, всегда оставался при всех своих ученых степенях и монографиях в должности доцента. Профессор - место в Сорбонне и повсюду во Франции, занятое только французами. Иммигрантский «социальный лифт» там работает, однако до строго определенных пределов [3].

Но Т.Бекри оставался, прежде всего, Поэтом. И писал, и пишет, несмотря ни на что (а тягот жизни - немало) свои замечательные стихи и на французском, и на арабском, выступает с чтением их в Культурном центре Туниса во Франции для своих соотечественников. Он часто ездил и на родину до последнего времени, где его творчество - и научное, и поэтическое - изучают в вузах, и постоянно публикуют его стихи в тунисских журналах и газетах.

Тахар Бекри издал во Франции многочисленные сборники своей поэзии. Крупнейшие издательства публикуют его поэзию с предисловиями знаменитых в Европе поэтов, литераторов, журналистов, он получил международную премию за «Вклад во франкофонию» (2016 г.) и даже за «Озарение французского языка» (2018).

Поэзию Т. Бекри переводили на разные языки, в т.ч. и на русский. У нас в стране вышла «Антология» его поэзии [4], а журнал «Азия и Африка сегодня» ознакомил своих читателей и с последней книгой поэта - «Сумерки в пустыне» (2019) [5]. Пишет он одновременно и по-французски, и по-арабски, так что книги его - двуязычны.

Но дело не в слове или признании. Поэт скромно живет в крошечной квартирке в Латинском квартале Парижа, на чердаке дома - студия художницы Аник Тоэр, оставив, как он писал в своих стихах, «осколки сердца в океане странствий», размышляя о нелегких судьбах и прекрасных поэтов далекого прошлого [6] и о судьбе своей страны, своих соотечественников [7]. О тех, кто все еще сражается за свою Свободу [8], и участи тех, кто безмерно любит свою родину, но должен жить вдали от нее, хотя голос их надежды на встречу с родной землей никогда не утихает в их душе и сердце.

Образ моря в его поэзии, моря, разделившего поэта с Родиной, лишь открытые горизонты этой Надежды, как и лучи солнца сквозь ночь ожиданий Счастья в стихах Т. Бекри, - это особая энергия «одоления» мрака жизни. Недаром поэт изначально называл себя «Пахарем Солнца» [9]. Оно как бы стало чуть-чуть меркнуть в свете ничем не окончившейся бури стихийного гнева тунисцев в недавней их «жасминовой революции». Он даже назвал свой сборник стихов, посвященный этим событиям и их отголоскам, «Печальный расцвет арабской весны» [10], да и в книге своей о «Сумерках в Пустыне» как бы рассеиваются извечные миражи его надежды на радость обретения Свободы и Справедливости, как и в сборнике стихов, посвященных утратам многих иллюзий [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но вот снова стихи о надежде на одоление мрака, вынужденного «разобщения человечества», и известие о том, что поэт готовит новую книгу стихов, которая будет называться «В свете далекого Солнца».

² Употребляю термин марокканского социопсихолога, писателя и поэта Т.Бенджеллуна, еще в 1978 г. написавшего знаменитое исследование «L'Hospitalité française», работая в Центре психологической поддержки североафриканских эмигрантов.

³ См. подр. в нашей работе «Восток на Западе». М., 2002.

Может быть, публикуемые ниже стихи кому-то покажутся странными - ведь у нас не столь остро, не столь резко и не столь решительно пресекали всякое появление людей и на улице, и в общественных местах в период разгара пандемии, да и культурная жизнь не угасала и даже сконцентрировалась «вокруг» человека - и это однозначно.

Но во Франции всё было жестче и даже неожиданно «по-военному» - был введен комендантский час и указ о заполнении анкет по выходе людей из дома с требованиями куда, зачем, и «координат передвижения» и удаления «не более чем на 10 км». Нам этого кому-то и не понять. Но люди действительно страдали, возмущались, бунтовали.

А Поэт хочет только одного - чтобы рассеялась *Ночь разобщения человечества* и чтобы люди смогли обнять друг друга, почувствовать свою солидарность с тем, что на простом человеческом языке называется выходом из тупиков тревоги, безнадежности и и обретении Света в конце туннеля, - длинного пути человечества навстречу Рассвету своего Нового Дня.

Т. Бекри

ПЕСНЬ ОБ ОПЕЧАЛЕННОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

Разве я сфинкс иль колонна бетонная,
Разве я камень иль дерево мертвое,
Или скала неподвижная в океане взволнованном,
Иль робот бесчувственный в бездне незнаемого?
Не могу я обнять тебя,
Не могу удержать в руках,
Не могу сжать ладонь твою
И без маски взглянуть на себя!
Должен маски менять,
Должен жить я стесненно,
Соблюдая дистанцию, зная границы,
Избегая людей, площадей и собраний.
Холод душу объал.

Полной грудью вдохнуть не могу
И с опаской хожу, и с опаской гляжу,
И с опаской с тобой говорю.
Расстояние меж нами и давит,
И угрозы полно,
Разрешенье на выход из дома - тоже страхом полно -
Осторожность блюсти, бесконечно чего-то боясь.
Но осталось мне верить, надеяться, ждать.
Человечество! Веру мою оправдай!
Будь, как Солнце, восход не предай!
Только Солнце после темной ночи!
Будем вместе. Лишь, как Солнце, взойди!

Пер. с фр. с разрешения автора - С. Прожогойной

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Chraïbi D. Les boucs. P., 1956.
2. Sensal B. Le train d'Erlinguer. P., 2018.
3. Bernard Ph. La crème des beurs. P., 2006.
4. Тахар Бекри. Антология. М., ИВ РАН, 2004.
Tahar Bekri. 2004. Anthology. Moscow. (In Russ.)
5. Прожогина С.В. Миражи пустыни. *Азия и Африка сегодня*. 20219, № 2. DOI: 10.31857/S032150750003739-4
Prozhogina S.V. 2019. Mirages du desert. *Aziya i Afrika segodnya*. № 2 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750003739-4
6. Bekri T. Chant du roi errant. P., 1985.
7. Bekri T. Au souvenir de Yunus Emre. P., 2012.
8. Bekri T. Je nomme Tunisie. P., 2011; Bekri T. Poésie de Palestine. P., 2013.
9. Bekri T. La boureur du Soleil. P., 1983.
10. Bekri T. Murier triste dans le printemps arabe. P., 2016.
11. Bekri T. Les arbres m'apaisent. P., 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, гл.н.с. Отдела сравнительной культурологии, ИВ РАН; член Союза писателей России; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Svetlana V. Prozhogina, Dr.Sc. (Philology), Professor, Principal Researcher, Department of Comparative Cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; member, Editorial Board, "Asia i Afrika segodnya" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
14.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
21.07.2021

Принята к публикации (Accepted)
10.09.2021

**Африканисты об Африке - с уважением и любовью
(к выходу Альманаха, посвященного 60-летию кафедры африканистики ИСАА МГУ)**

© Петров Н.И.^a, 2021

^a Обозреватель, Москва, Россия
nik.petrov@yandex.ru

Рецензия на книгу: **Под небом Африки моей (история, культура, языки народов Африки). Выпуск 9.** Кафедра африканистики Ин-та стран Азии и Африки МГУ, Центр африканских исследований Ин-та всеобщей истории РАН. Ред. кол.: А.С.Балезин (отв. ред.) и др. М.: Ключ-С, 2020. 440 с. ISBN 978-5-6045244-0-4

Ключевые слова: Африка, страницы истории, культура, литература, языки Африки, кафедра африканистики ИСАА МГУ

Для цитирования: Петров Н.И. Африканисты об Африке - с уважением и любовью (к выходу альманаха, посвященного 60-летию кафедры африканистики ИСАА МГУ). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 77-80. DOI: 10.31857/S032150750016845-1

**Africanists about Africa - with respect and love
(to the release of the Almanac dedicated to the 60th anniversary
of Department of African Studies, Moscow State University)**

© Nikolay I. Petrov ^a, 2021

^a Observer, Moscow, Russia
nik.petrov@yandex.ru

Review of the book: **Under my Africa's sky (to the release of the Almanac dedicated to the 60th anniversary of Department of African Studies, Moscow State University)** / Eds. A.S.Balezin et al. Moscow, 2020. 44 p. ISBN 978-5-6045244-0-4

Keywords: Africa, pages of history, culture, literature, languages of Africa, Department of African Studies, Moscow State University

For citation: Petrov N.I. Africanists about Africa - with respect and love (to the release of the Almanac dedicated to the 60th anniversary of Department of African Studies, Moscow State University). *Asia i Afrika segodnya*. 2021, № 10. Pp. 77-80. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750016845-1

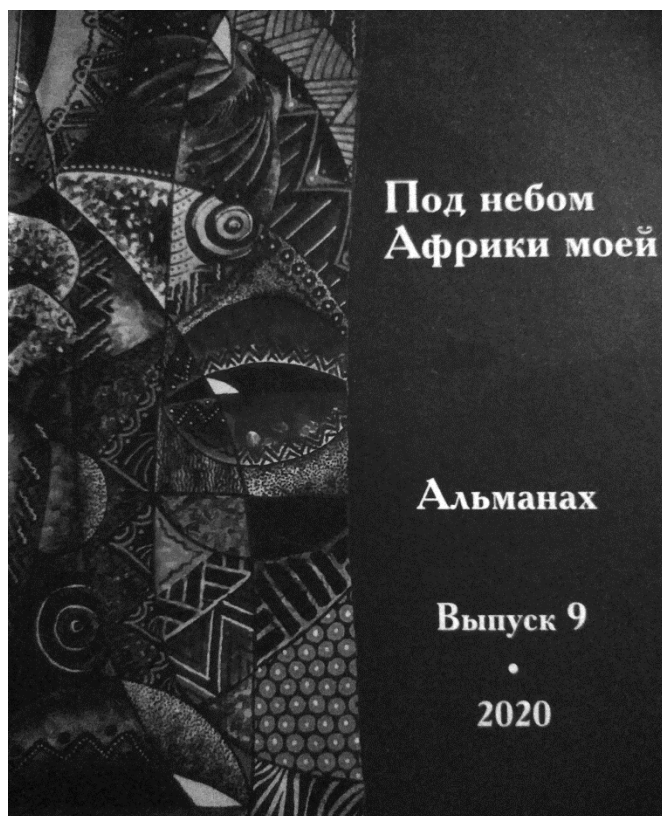
Африканистика - не самая молодая среди мировых гуманитарных наук. Интерес к «Черному континенту» и его многочисленному населению проявляли и в Древних Греции и Риме, и в Средние века, и, разумеется, в новые времена, в т.ч. и в России. А специалистов, так сказать, «узкого профиля», преимущественно ученых, исследователей «африканских проблем» в нашей стране стали готовить сравнительно недавно - всего каких-то шесть десятилетий назад. Тогда в МГУ, в только что организованном при университете Институте восточных языков (ИВЯ)¹, была основана новая и, кажется, до сих пор единственная в стране, кафедра африканистики. (В РУДН сейчас есть кафедра африканистики и арабистики. - *Прим. ред.*)

Свой юбилей кафедра отметила, как водится в мире ученых, представительными конференциями и симпозиума, журнальными публикациями и т.д., а также внушительным - 440 страниц - томом: альманахом «Под небом Африки моей... (9-й выпуск)» (совместно с Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН). Кстати, альманах тоже отметил свой - на этот раз 20-летний - юбилей: столько лет прошло со дня выхода в свет его первого выпуска.

Отмечу сразу: значительная часть этой книги - не для массового читателя. Трудно представить, чтобы врач, инженер, учитель, даже интересующиеся Африкой, прочитали статьи из сборника под заголовками «К типологии битранзитивных конструкций в нигеро-конголезских языках» или «Эллипсис в однородных предикатах: данные фула». Однако вспомним: «Если кто-то зажигает звезды, значит кому-то это нужно...».

¹ С 1972 г. - Институт стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ) (*прим. ред.*).

Вероятно, в данном случае нужно филологам, переводчикам и другим ученым-африканистам, которые знакомят, и еще будут знакомить нас с самобытной культурой народов «Черного континента». И не только последний, но и все 8 остальных выпусков «Под небом Африки моей...», равно как и другие подобные книги, нужны, особенно сейчас, многим в нашей России.

Почему - «особенно сейчас»? Потому что после недавних известных событий в США, проходивших под лозунгом «черные имеют значение», практически во всем мире развернулось поистине массовое движение противопоставления двух культур - европейской и афро-азиатской. Об этом в нашей, да и мировой прессе, пишут много.

Скажем, в газете «Культура» (№ 4 (8188), 2022 г., с. 31) известный критик утверждает: «Не только в Африке, но и в таких древних культурах Азии, как Индия или Китай, не было создано ничего близкого по масштабу, разнообразию, глубине, совершенству форм и силе эмоционального воздействия, аналогичного европейской музыке. ...Ни одному другому народу не удалось переплести древних греков в философии... Или русская классическая литература второй половины XIX - начала XX вв.: тягаться с ней могут немногие национальные школы и традиции».

Да, тягаться не могут. Своих Баха, Рембрандта и Достоевского у африканских народов, действительно, нет. Но есть своя, очень не похожая на нашу культура, у которой есть своя, опять же очень не похожая на нашу «система координат». Европейец может потерять голову, слушая, например, недавно прозвучавшие в Москве 40-ю и 41-ю симфонии Моцарта. Но - предположу - африканец испы-

тает подобные чувства, знакомясь с замысловатыми многоцветными узорами ритуальных костюмов и передаваемыми из поколения в поколение сказаниями своего народа. Две культуры, действительно, очень разные. Но все же существуют невидимые многим связывающие их нити. И тому в книге «Под небом Африки моей...» есть доказательства.

Об этом - самый скромный по общему размеру раздел книги «Переводы студентов» - 22 страницы: 8 переводов рассказов и стихов африканских писателей, а также народных сказок с языков суахили, хауса и африкаанс. Уверяю: прочитайте их своим детям или внукам - они выслушают творения далеких и таких не похожих на нас народов точно так же, как сказки Андерсена или наши, русские сказки.

Справедливости ради, нужно сказать, что тема родства и взаимовлияния двух культур в той или иной мере затрагивается и в других материалах альманаха. Наиболее интересна в этом ряду сравнительно небольшая статья **Е.Ю. Чемякина** «Голос Матери-Африки: черная музыка, связавшая континенты». Автор нашел множество новых, малоизвестных фактов о становлении и развитии американского джаза, фактически созданного и получившего всемирную известность благодаря чернокожим выходцам из Африки и их потомкам. «За последние сто с небольшим лет... неизменным было желание сохранить связь со своим африканским наследием, что приводило к использованию музыкальных приемов, характерных для африканских традиций, включению в композиции народных мотивов, обращению к народным инструментам, совместным работам с музыкантами из Африки и пр.» - утверждает Е.Ю.Чемякин (с. 353).

Советская и российская африканистика за 60 лет прошла нелегкий путь. Автор статьи «Не только про Африку» **Н.Г.Щербаков** из раздела «Кафедра и вокруг (вчера, сегодня, завтра)» пишет о том, что «...сейчас, благодаря статьям и монографиям наших патриархов и матриархов, известно о трагической судьбе доведенной пледы африканистов. Практически все эти немногочисленные специалисты, так или иначе связанные с Коминтерном, оказались перемолоты репрессиями или сгинули на войне» (с. 57).

Но, к счастью, пришли иные времена. О них - небольшая, но чрезвычайно ёмкая статья ветерана и одного из основателей отечественной африканистики академика **А.Б.Давидсона** «Доброго нам дальнейшего пути», открывающая уже упоминавшийся не самый большой, но, безусловно, важный раздел сборника «Кафедра и вокруг (вчера, сегодня, завтра)». Статья не только о противоречивом и сложном времени становления кафедры - тогда в нашу жизнь буквально ворвались отряды молодых литераторов, актеров, ху-

дожников. Многие ученые-африканисты были частью этой «компании шестидесятников», что, как утверждает Аполлон Борисович, ко всему прочему, способствовало и развитию кафедры африканистики, и возникновению и укреплению духа творчества в этом, тогда молодом коллективе.

В принципе, для коллектива ученых 60 лет - не слишком большой срок. И перечитывая 8 статей этого раздела, авторы которых - работники кафедры или ее «воспитанники», невольно отдаешь им должное: за эти годы они сделали очень много, стали инициаторами ряда важных и интересных начинаний. Это и создание Ассоциации выпускников ИСАА, и учреждение Московского клуба суахили, и многочисленные лекции, выступления, и довольно длительное преподавание сотрудников кафедры за рубежом, в т.ч. в университетах африканских стран, и т.н. «Африканские вечера», проводившиеся на языках народов Африки. Автор главы об этих вечерах - *«Абунувас на сцене ИВЯ/ИСАА. Наши африканские вечера»* - доктор исторических наук **А.С.Балезин** с сожалением отмечает, что традиция таких вечеров ныне утрачена...

Три раздела альманаха традиционны - они присутствуют во всех 8-ми предыдущих его выпусках. Это - *«Страницы истории»*, *«Языки, культура, литература»* и *«Путешествия, путевые заметки»*.

Среди публикаций первого из перечисленных разделов заметно выделяется очерк **А.Л.Емельянова** под странноватым заголовком «Карл Марс». Странновато и содержание - о науке африканистике в ней, по сути, ни слова. Зато она представит несомненный интерес для тех, кто хотел бы пополнить свои сведения о том, почему на рубеже 1980-х - 1990-х гг. рухнул Советский Союз. Автору довелось работать или тесно общаться с работниками аппарата ЦК КПСС и обслуживавших Центральный Комитет партии институтами и учреждениями. И это впечатляет - масштабы бюрократии на всех уровнях государственного и партийного управления были чудовищными. В процедуру исправления ничтожной опечатки машинистки («Марс» вместо «Маркс») в важном документе было вовлечено множество людей, а ученый, ответственный за подготовку текста, был вынужден написать «...письмо, в котором на нескольких страницах (!) обосновывалась необходимость исправить опечатку» (с. 78).

Судя по всему, события, весьма подробно описываемые автором (который умудрился не привести в пространном тексте ни одной даты), имели место в первой половине 1980-х гг. И, увы, из текста очерка явно видно, что его героев, занимавших весьма высокие ступени на «лестнице управления», куда больше волновали «бюрократические междоусобицы» и опасения «разгневать начальство», чем судьба уже постепенно разваливающейся страны...

Впрочем, немало подобных, весьма занимательных и малоизвестных фактов, приведенных в книге, все же имеют отношение, прежде всего, к африканистике. Например, не все знают, что крушению режима угнетения черных в ЮАР способствовало... искусство фотографии. Крупнейшая организация - Африканский национальный конгресс - была разгромлена, публичные выступления и публикации в прессе запрещены, а вот журнальные фотоочерки и издание фотоальбомов о жизни страны не возбранялось. И «протестная фотожурналистика» приобрела огромный размах: с 1950-х до 1980-х гг. непосредственно в ЮАР, в африканских, а также в европейских странах и в США были опубликованы сотни фотографий, на которых запечатлены демонстрации, политические похороны, протесты, бойкоты, митинги в Южно-Африканской Республике. Появление фотожурналистов, которым удалось сделать фотографию оружием борьбы с апартеидом, побудило власти страны пойти на политические уступки, - утверждает автор статьи *«Южноафриканские фотожурналисты в борьбе с апартеидом в ЮАР»* **А.А.Полищук**, опубликованной в том же разделе *«Страницы истории»*.

Содержательны, интересны и, полагаю, могут привлечь внимание наших теле- и кинозрителей статьи **Джака Мгваби Мвамби**, посла Объединенной Республики Танзания в России в 2008-2014 гг. - *«История киноискусства Танзании»* и **М.О.Дорохиной** - *«Телевидение в Танзании»* (также из раздела *«Страницы истории»*), хотя речь в них идет, в основном, о современном положении в двух ветвях искусства в одной из самых «продвинутых» африканских стран. Оба автора с удовлетворением отмечают благотворное влияние российского теле- и кинопроизводства, поскольку, благодаря спутникам, почти всем африканцам сейчас доступна продукция ВГТРК.

Пологаю, что отдельной книги заслуживает очерк **А.Д.Луцкого** *«Мы были первыми на “крыше Африки” (к 55-летию восхождения на Килиманджаро)»*, открывающей раздел *«Путешествия, путевые заметки»*. В этом восхождении в апреле 1965 г. автора очерка - тогда студента ИВЯ при МГУ - сопровождал студент филфака Ленинградского госуниверситета (ЛГУ) Б.Байдаков. Первенство двух советских студентов, работавших переводчиками в Танзании, впоследствии оспаривалось, но, право слово, их дневниковые записи, полные интереснейших деталей этого не простого увлекательного приключения, не оставляют сомнения в их безусловной искренности и честности.

«Вес» и значение альманаха *«Под небом Африки моей...»*, несомненно, повышают напечатанные в самом начале книги семь приветствий адресованных заведующей кафедрой африканистики ИСАА МГУ Нелли Владимировне Громовой. Кафедру поздравили 60-летием специальный представитель президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки заместитель министра иностранных дел М.Л.Бо-

гданов, директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корр. РАН, доктор экономических наук, профессор И.О.Абрамова, главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» академик А.М.Васильев и др. Во всех приветствиях подчеркивается поистине огромное значение уникального коллектива кафедры не только для постоянно расширяющегося круга ученых, в т.ч. работающих в научных центрах далеко от Москвы, но и - по большому счету - для всей российской науки, несмотря на все проблемы и трудности, которые она сейчас переживает.

Более или менее точно определить жанр альманаха непросто. Яркие публицистические очерки соседствуют в нем с узкопрофессиональными, локальными исследованиями, которые привлекут внимание разве что полутора-двух десятков специалистов. Но т.н. «сноски» и «Списки источников и литературы», сопровождающие почти каждую статью, позволяют причислить сборник к научным изданиям. Увы, в нем не хватает многого, что можно найти в других научных изданиях и не только в сфере африканистики: географического указателя - о какой стране в каких работах можно прочитать, кратких биографических справок об авторах и т.д. Надеюсь, что в 10-м и всех последующих выпусках альманаха «Под небом Африки моей...» эти проблемы будут решены.

И еще одно пожелание редакторам и составителям будущих выпусков альманахов. В своей вступительной статье к сборнику и.о. директора ИСАА МГУ профессор И.И.Абылгазиев справедливо сетует, что обычный современный россиянин считает, что Африка - это «Просторные саванны и обширные тропические леса, редкие животные и экзотические растения, загадочные народы с неведомой, но притягательной культурой». «Однако, - продолжает он, - Африка сейчас - это еще и ультрасовременные мегаполисы, и научные центры, в которых проводятся крупномасштабные исследования и ведутся перспективные разработки, а также уникальная модель уклада, совмещающая традиционные хозяйственные и социокультурные формы с самыми передовыми высокотехнологичными достижениями цивилизации» (с. 5).

Эти две фразы, по сути, открывающее альманах, обещают, что современным проблемам континента в нем будет уделено достаточно внимания. Однако этого не произошло, по крайней мере, надежды рецензента не оправдались: сборник имеет явный, преимущественно «исторический уклон» - большинство материалов посвящено различным страницам из истории африканских стран, а отнюдь не их современным жизни и проблемам. Этот, очевидный перекося в 10-м и в последующих выпусках альманаха нужно поправить.

Полагаю, рецензент убедил всех, кому посчастливится взять в руки **9-й выпуск** альманаха «Под небом Африки моей...», что любой найдет в этой книге немало интересного и важного для себя. Почему «посчастливится»? Потому что тираж её... - всего 100 экземпляров. Таким образом, книга уже стала библиографической редкостью.

Кстати, создатели альманаха поместили в нем десять прекрасных цветных групповых фотографий, на которых запечатлены все, причастные к его изданию - авторы, редакторы, корректоры, возможно, издательские (издательство «Ключ-С») и типографские (типография «ООО «Паблит») работники - и на этих фотографиях их в общей сложности явно гораздо больше ста. Таким образом, не всем из них достанется хотя бы один экземпляр книги...

От их имени доктор исторических наук А.С.Балезин обратился к читателям книги, и автор рецензии не может не присоединиться к этим словам: «Мы надеемся, дорогие наши читатели, что девятый выпуск альманаха, как и все предыдущие, расширит ваши представления об истории, культуре и языках жителей Африки и упрочит ваш интерес к ней» (с. 9).

Уверен, что так оно и будет.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петров Николай Иванович, обозреватель, Москва, Россия.

Nikolay I. Petrov, Observer, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
12.03.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
02.04.2021

Принята к публикации (Accepted)
25.05.2021

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

vk.com/gaugn

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).